

Ольга Щербинина

Балалаечка играет...

Припевки Присловья

Частушки

Санкт -Петербург 2017

Щербинина О.Г. Балалаечка играет... / О.Г. Щербинина. – Спб: 2017 – 187с.

Сборник культуролога и фольклориста Ольги Щербининой посвящен произведениям устного народного творчества XX века на горнозаводском Урале. Книга содержит большой корпус частушек – откликов на жизненные перипетии, чаще всего любовные интриги и переживания. Грустные припевки соседствуют с весёлыми частушками на вечерках, в ходе гулянки, перепляса, состязания в остром, порой хлёстком слове. Частушек, собранных автором по городкам и сёлам Свердловской области, в сборнике содержится около тысячи. Дополняют картину и другие жанры устного народного творчества.

Осмысление фольклорного богатства дается во втором разделе книги, в очерках автора, многие из которых в 90-е годы прошлого века публиковались в периодике. Очерки рассказывают о носителях фольклора, (как их именуют по-научному), о смысле символов и своеобразного шифра фольклорного материала и помогают оценить наше национальное достояние.

Иллюстрации приводятся из частной коллекции автора.
Книга обращена к широкой аудитории старше 18 лет.

© Щербинина О.Г.

Балалаечка играет...

Предисловие автора

В 90-е годы ушедшего века я самочинно, как говорится, по вдохновению, занялась собиранием фольклора в селах и деревнях Урала, точнее – Свердловской области. Коли уж летом очутилась в дивных палестинах, (как называют зелёные уголья на Урале), и наслушалась богатой, образной народной речи, сам бог велел записывать услышанное. Сначала от случая к случаю, а потом втянулась, тем более что после длинной и мрачной полосы запрета на профессию журналиста я стала штатным работником всероссийского исторического журнала «Родина» – собкором по Уралу и Сибири – и смогла публиковать там очерки о народных обычаях и народном красноречии. В течение нескольких лет собралась у меня большая подборка припевок, частушек, пословиц, которую преступно держать под спудом. Многие публиковались в журнале «Родина» и другой периодике, но лирические припевки, плясовые и озорные частушки, лежащие дома в папках, в предлагаемом сборнике увидят свет впервые. Сюда вошли также песни и некоторые другие фольклорные находки из районных городов и некогда крупных сёл Свердловской области – Нижнеиргинское, Висим, Шайдурово, Таволги и других.

Несколько замечаний о принципе расположения припевок. Вначале хотела расположить их по темам: разлука, печаль, одиночество, сиротство, измена и т. п. – и наоборот: радость, веселье, шутка. Но от такого распределения текстов я отказалась, решив дать большую часть их по мере того как они записывались от конкретных исполнительниц, (в основном женщин, мужчины, увы, оказались редки). Ведь процесс припоминания и исполнения песен, припевок – дело тонкое, касающееся сложных, не всегда с первого взгляда ясных ассоциаций. Многие припоминаются просто по звуку. Если припевки перетасовать по темам – теряется атмосфера, тот богатый сплав мыслей и чувств, вызвавших именно эту припевку в данном контексте. Да к тому же ведь и в самой жизни всё перемешано: радость и печаль, насмешка и жалоба...

В том, что круг ассоциаций уральской припевки сложен и богат, легко убедиться на любом примере.

Я надену бело платье
Полоса на полосу.
Что хотите говорите –
Я ведь всё перенесу!

Вот вам – полосатая жизнь с белыми и чёрными полосами. Безвестный автор частушки – наверняка уже зрелая женщина – знает цену не только светлым, но и чёрным полосам жизни, она закалилась. Злословьте, ей не страшно!

Земляничка белым цветом
Наклонилась над рекой.
Отольются тому слёзки,
Кто смеялся надо мной.

Склоненный нежно и застенчиво цветок сладкой землянички – словно чистая девушка, попавшая в беду, но верящая в справедливость. Верится: отольются слёзки, хотя сама и не будешь мстить, разве что в припевке.

У каждой исполнительницы – песельницы, как их называют, – своя избранная образная система и манера исполнения, свой темперамент, который сказывается на подборе репертуара.

О расположении частушек. Конечно, надо бы их печатать как четырёхстрочные – так они читаются правильно как и должно стихам. Увы, экономия места в моём самочинном сборнике (все до последнего штриха готовила сама), расположение страниц диктовало двухстрочное расположение частушек, за что приношу извинения читателям и знатокам народного творчества.

Все собранные в сборнике частушки записаны мною единолично, кроме пары страничек, которые я вставила из досье фольклорной экспедиции Свердловского Дворца пионеров; эти странички в примечаниях оговорены особо. Некоторые припевки снабжены примечаниями: изменились реалии, и иные детали могут показаться непонятными современному читателю.

Сборник составлен из двух частей: главную составляет собственно фольклорный материал, к которому я присовокупила и свои частушки, какие написала в порыве, разлакомившись собранным богатством и пустившись в подражание. Вторую часть книги

составляют мои очерки – о народном творчестве, о символах русского фольклора, в основном публиковавшиеся ранее. Вставлены и зарисовки сёл, откуда я черпала материал, и рассказано кратко об исполнительницах песен, частушек, а порой и сказок.

Фольклорные тексты предваряет нижеследующая зарисовка – ради удобства восприятия ставшего уже сегодня непривычным материала книги.

Поговорка Санова лежит у сердца самова...

Народные песни, припевки, частушки, былички я записывала от живых исполнителей – никогда из книг или дисков – в 90-е годы ушедшего века по уральским городкам, сёлам и деревням. Отбирала редкое, незнакомое, лучшее. В каждой припевке своя изюминка, современный человек не сразу её и раскусит.

**Все пришли, на лавки сели
При галошах, при часах –
Моё топало притопало
В рабочих сапогах!**

Яркая картинка посиделок, быта и одежды парней начала века в богатом уральском селе, где вплоть до революции мыли золото. Частушка эта с сочным юмором отбивает задорный плясовой ритм, а дерзкий неологизм **топало** делает её настоящим самородком.

Народ подмечает и живо отзывается на одежду, жест, манеру говорить, походку – и всё талантливо обыгрывает.

**Я любила болечку,
Любила поговорочку.
Поговорка Санова
Лежит у сердца самова!**

В том же селе Шайдурово записала:

**Хриповат мой голосочек,
Хриповато я пою,
Не за это меня любят –
За походочку мою!**

*Интервью берёт Ольга Щербина.
Фотография 90-х годов XX века*

Сочинители припевок поднимаются подчас до подлинных поэтических вершин. Чего стоит вот такая припевка, одна из многих моих любимых:

**Шторы редки, шторы редки,
Из-за штор видать цветы.
Ягодиночка, страдаю
Из-за вашей красоты!**

Тут мне приходят на память прославленные японские хокку; в варианте высокой поэзии вышеприведенное могло бы прозвучать так:

Сквозь тонкий тюль занавесок
цветы на окне.
Смотрю и мечтаю о свадебном уборе любимой...

Правда, японская свадьба иная, зато принцип переживания и изложения – краткого и ёмкого, без «разжевывания», с богатым подтекстом – тот же самый. Бродит влюблённый мимо окна красавицы, и кружева или тюль на окне с цветами на подоконнике греются ему подвенечным убором его «ягодиночки». Мается парень под окошком, может, уже проторил там тропиночку («Я по этой тропочке обтрепал подмёточки» – из другой частушки, но только уже весёлой, ироничной)... Припевка про «шторы редки» – старинная, еще XIX века, ведь я записывала то, что помнили 90-летние бабушки, а они слышали припевки от своих ещё бабушек. ... Не забыть Тамару Ивановну Канонерову, что из села Висим близ Нижнего Тагила. Её спокойствие и доброта давали окружающим уроки кротости и смирения и старинной семейной этики: «Свекровь у меня Богу молилась – а людей ела. Вот она ест-ест меня, я в овин убегу, досыта наревуся, а домой приду: мамонька да мамонька!» Тамара Ивановна, пусть земля ей будет пухом, напела немало лирических припевок, всё больше о любви, иногда и собственного сочинения. «Полюбила я милёночка характерного, а на личико баского, аккуратненького». Характерного! Забытое слово, а какое ёмкое, пригодное для оценки своенравного парня.

Не забыть и Марию Георгиевну Козилу из села Шайдурово – бойкую, несмотря на преклонный возраст, озорную певунью.

Много дали мне мои самочинные летние экспедиции и в городок Богданович и прилегающие сёла. Со Светланой Григорьевной, учительницей, встретилась я всего-то на часок-другой, а записала одним махом 80 частушек! Она сгребала сено возле учительского

Типичный дом в уральском селе. (Нижнеурганское)

дома, работала и пела, а я спешила записывать в тетрадку. Ее частушки более современные, где-то середины XX века. И одна другой лучше!

**Я любила – ты отбила,
Так люби облюбочки!
Я целовала – ты целуй
Целованные губочки!**

Облюбочки по типу «обноски» – слово-шедевр! Да наповал она убила свою грубияночку – соперницу – этой частушкой! Или вот:

**У нас улочки прямые –
Заулки косоватые;
Нельзя по улице пройти –
Соседки зубоватые!**

Расточительно выкинуто из нашей речи слово *зубоватые* – по типу *языкатые*, *языкастые*; но *зубоватые* – более ехидные, насмешливые, с оттенком злословия. Бытуют выражения «зубатит» – грубит и «зубы моет» в значении насмехается.

*Шторы редки, шторы редки...
Фото Анатолия Черя*

Шутливыми частушками богаты наши края; особенно славились ими Нижние Таволги близ Невьянска.

...Наслушалась я по деревням припевок и как-то в праздники вдруг, разом, напекла сама гору частушек:

Шура, Шура глазки щурит и в гармонь наяриват,
Восемь девушек целует – девяту уговариват.

Много шуточных выпекала, выпела – а всё же не дотянула до народных, проверенных временем. До такой вот начала XX века:

**Шей, машина, шей, машина,
Паровая, нитки ски!
Кабы милый не гармонщик,
Я пропала бы с тоски.**

Вот изощрённая звукопись и ритм, где прямо слышится ход машины с её свистяще-стучающим колесом! Сюжет-новелла об однообразном и нудном труде. Одно спасает: взрыв веселья, гулянье, гармонь!

Припевка, частушка – стихотворная миниатюра – особенный песенный жанр, до сих пор недооценённый. Милое простодушие, мягкая грусть или жгучая тоска лирической припевки, удаль плясовой частушки, яркий юмор сатирической – сочетаются с острой наблюдательностью и гениальным чутьем к родному слову.

И вот что замечательно: меняются литературные стили, вчерашние стихи и рассказы подчас сегодня видятся уже архаикой и всё заполонил нового толка модерн – а частушке хоть бы что! Больше скажу: пресловутый рэп пошёл, считаю, именно от частушки. От неё, которая всегда неожиданна и кратка, убеждает иносказанием.

Припевка, частушка, присказка, присловье, поговорка – нет, не устаревают. Одно слово — классика!

Село Нижнеиргинское

Основатели села — старообрядцы с реки Керженец Нижегородской губернии, бежавшие в XVII веке от преследований правительства. Место они выбрали в расселине между гор на живописных берегах реки Иргины, которую перегородили плотиной и образовали большой пруд. В 1730 году братья Осокины открыли здесь Иргинский медеплавильный, затем и чугуноплавильный и железодельный завод, работавший вплоть до 80-х годов XIX века. До революции в селе успешно существовали кожевенные мастерские и другие кустарные промыслы. Кооперативная артель «Кустарь», созданная в советские годы, превратилась в филиал фабрики «Уралобувь» – см. фото в настоящей книге. Славилось в районе и пимокатное дело, развитое в селе. В советские годы в Нижнеиргинском располагалась центральная усадьба совхоза «Нижнеиргинский» с отделениями в ближних деревнях, ныне исчезнувших. В селе работало лесоперерабатывающее предприятие; ныне там остались лишь лесозаготовки.

Акварель Анастасии Самойловой

Старинные припевки

Что ты, белая берёза, ветра нет, а ты шумишь?
Что, сердечко ретивое, горя нет, а ты болишь?

В поле белая берёза от дождя качается.
Скажи, миленький, тихонько, ты об чем печалишься?

В поле чёрная черёмушка, чернеешь или нет?
Скажи, миленький дружок, ты жалеешь или нет?

Чёрный ворон, чёрный ворон, чёрный воронёночек,
чернобровый, черноглазый у меня милёночек.

На горушке стоит ёлка, в ёлке червоточинка.
Без тебя, мой дорогой, хожу как чёрна ноченька.

Уточки-гагарочки все плывут по парочке,
а я, бедна сирота, брожу по полюшку одна.

Огонёчек горит – как ему не жарко!
Меня миленький бросат – как ему не жалко!

Дайте острую пилу, пойду рябинушку спилю,*
не шумела бы она, не болело сердце у меня.

Я кошу – валится на́ косу зелёная трава,
я люблю, а ты не любишь, ягодиночка моя.*

Ты гармонь-гармошенька, развей тоску малёшенько,
развей горюшко-тоску, по дорожке, по песку! *

Карие глазёночки стояли у сосёночки,
стояли улыбалися, кого-то дожидалися.

Со скворечниками! Весна 1960 года в Нижнеиргинском

Скоро, скоро снег растает, вся земля согреется,
скажи верное словечко: можно ли надеяться?

Мы с милёночком стояли – снег растаял до земли;
где навеки распрощались – ручеёчки потекли.

Сколько в доме украшенья, когда солнышко взойдёт,
сколько в доме утешенья, когда миленький придёт!

** Горькая рябина, чёрная ягода, чёрный ворон – символы горькой доли.
Скошенная трава – символ порушенной любви. Песок – символ
преходящести, непрочности. (Ср. «строить на песке».)*

*Красавицы села Нижнеурганское
Фотография 50-х годов XX века (предоставлена семьёй Балдиных)*

Девушки-беляночки, где вы набелилися?
– Мы вчера коров доили, молоком умылися.

Говорили-баяли, мою милку хаяли,
вот вам милка на показ: поглядите, бацще вас!

Не ругай меня за дролю, скоро дроля будет зять:
через два года на третий обещался замуж взять.

Ох, да у воротнего столба да нету счастья никогда:
когда ветер, когда дождь, когда милку долго ждешь.

Неужели конь вороный от куста отвяжется?
Неужели милый мой от меня откажется?

Это что это за рынок – нет базару конного,
это что это за боля – нет пальта суконного!

Мой-от милый – пимокат, хорошо пимы катат,
хорошо прокатыват, да мало зарабатыват.

Ох, люби б я его, любила бы крайности,
кабы он не рассказал товарищу все тайности.

Дай, подруга, карандаш, напишу так передашь,
если спит, так не тревожь, на белу грудь ему положь.

Меня милый разлюбил, что же я поделаю?
Пойду к речке, к проруби, вокруг её побегаю.

Побежишь, дроля, топиться, ты зайди ко мне проститься:
я до речки провожу, глубоко место укажу.

Ты зачем же завлекала, если я тебе не мил?
Ты бы с осени сказала, я бы зиму не ходил.

Миленький, не стукайся, хорошенький, не брякайся,
под соседнее окно тихонько поцарапайся.

Шила милому кисет, пока мамы дома нет;
маменька за скобочку – я кисет в коробочку.*

Шила милому кисет – вышли рукавицы;
пришёл милый, похвалил: какая мастерица!

Хорошо иметь бы туфельки на лёгоньком ходу,
чтобы мама не слыхала, когда я домой приду.

* Вышитый собственноручно кисет – мешочек для денег, а чаще для табаку – таков был традиционный подарок деревенской девушки своему возлюбленному.

1/ Некоторые припевки могут совпадать с опубликованными в 1963 году в сборнике «Урал в его живом слове».

Много звёздочек на небе, да одна-то краше всех,*
много девушек на свете, но одна милее всех.

Неужели лесу мало, что берёзоньку рублю?*

Неужели девок мало, что замужнюю люблю?

Через быструю-то реченьку ходил – буду ходить!
Чернобровую девчоночку любил – буду любить!

У моей-то грубиянки двадцать два сударика:
два женатых, два седых, восемнадцать холостых!**

*Звёздочка, берёзка – символы чистой, прекрасной девушки в русском фольклоре.

** Грубиянка , супостатка – соперница.

Акварель Анастасии Самойловой

Частушки о солдатчине

Мне сказали, гуси пали – гуси по мосту идут.
Мне сказали Ваню женят – его в армию берут.

Ох ну, калину гну, калина нагибается,
ох, последний миленький в солдаты собирается!

Мать и сын... (Село Нижнеургинское)

Милый мой, хороший мой, я водички выпью.
Пока служишь ты в солдатах, я в годочки выйду...*

Посмотрела бы теперь, что мой хороший делает:
шинелку серую надел, по казарме бегают.

Ох, далёко мил стоит – в городе Казани,
не с кем весточку послать дорогому Ване.

Далеко за облаками белые снежиночки,
далеко за городами служат ягодиночки.

Износила кофточку – починю заплаточкой;
я во нонешнем во годе осталась солдаточкой.**

До свиданья, девушки, может быть, навеки!
После нас полюбят вас какими-нибудь калеки.***

Сдали мальчиков в солдаты по большой неволюшке,
стало некому работать во широком полюшке.****

Сяду, сяду я – поеду по морю ледовитому,*****
приплыву, на грудь паду милёночку убитому.

* Напоминание о воде как символе текучести времени...

** Заплата – залатанная прореха в судьбе...

**** Горькая припевка, юмор со слезой – с войны вернутся
искалеченные парни.*

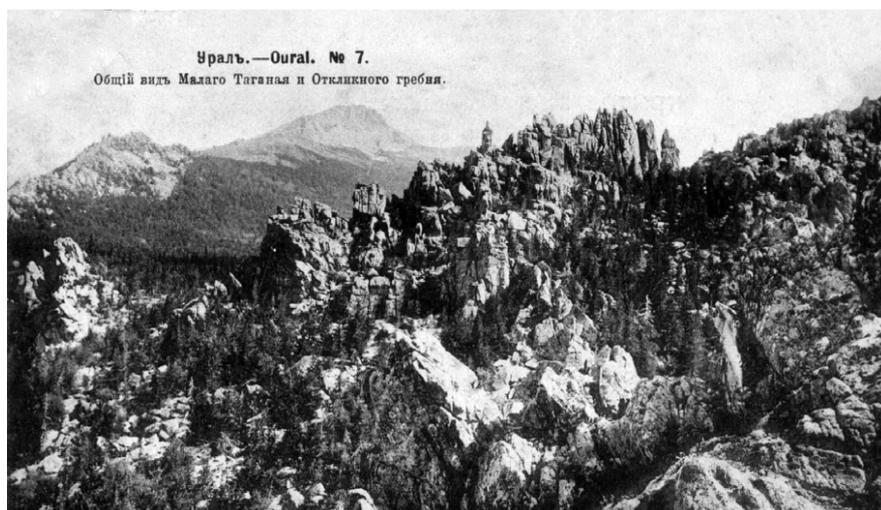
**** Частушка, как и некоторые иные, явно еще XIX века.

******Ледовитое здесь – в значении ледяное, символ безнадежности,
горестной судьбы.*

Частушки о старателях

Снежки белы и пушисты выпадали глубоко,
наше дело небогато, едем робить далеко.

Эх, старатели, старатели, старатели баски,
кабы эти все старатели ребята холосты!

Малый Таганай. Открытка 1907 года Шереръ, Набгольцъ и Ко

Девки робили в забое – самородочку нашли,
шали байковы купили, по вечерочкам пошли.

Ох, старатель дорогой, рассчитай – пойду домой,
об милёнке стосковалась пуще маменьки родной!*

Мой милёночек, нашел ты себе не ровню:
ты работаешь в конторе, а я, девчонка, роблю.

* Старатели – работники артелей, либо индивидуальные, по добыче полезных ископаемых; на Урале – в основном по добыче золота и платины. В большинстве крупных сёл работали вплоть до революции старательские артели. Работники подчас нанимались из деревень в артели в крупные сёла.

Припевки о любви и женской доле весёлые – и грустные

Светит, светит, светится половина месяца;
нам, бедняжечкам, не спится – чернобровы грезятся.*

Скоро ли прокатится неделя шестидённая,
скоро ли увижу я своего завлекённого?

Я свою-то шаль пухову всё в платочке берегла.
На своёва на матаню наглядеться не могла... **

Голубое для любви, жёлто – для изменушки.
Это всё перебивало у меня, у девушки.

Голубые шарики катилися – не билися.
Не унывай, подруженька, не унывать родилися!

Белую берёзоньку придется огораживать,
побасей себя люблю – придётся поухаживать.

Я цветочки рвала в поле полевые;
ох, и жалко мне вас, глазки голубые!

У меня на сарафане всё боры да борики.
Меня в этом сарафане любят зимогорики.***

Чернобровая милашечка, надейся на меня,
я на кониках на маленьких приеду по тебя.****

Ах, мать ты моя беспечаленная,
за какого отдаешь за отчаянного!

*Половина месяца здесь не случайна – намёк на поиски второй половины...

** Мне встречалось высказывание: «Завернул бы тебя да так бы всё с собой и носил»...

*** Оборки, оборочки в припевках – признак молодой радости, щегольства, праздника. Зимогоры – крестьяне, уходившие на сезонные работы зимой, часто в шахту, в гору.

**** На игрушечных кониках? – Шутка?

Ох любовь ты, любовь, любовь силой вяжется,
некрасивого люблю – какой красивый кажется!

Завлекаши да не наши, увлекают, да не нас.
Где-то наши увлекаши? Далеко живут от нас!

Я женатого люблю, в женатого влюблённая,
за женатого милёнка пуля посулённая.

Чёрной-то черёмухи досыта я наелась,
у милёнка на груди досыта наревелась.

Милый нажил, милый нажил, милый нажил новую;
ему долго не забыть меня, вертоголовую!

Ягодиночка позвал на лодочке кататься,
не поеду, не пойду – не будет задаваться!

Прихожу я на вечерку – мой-от милый занятой.
Принахмурился малёхочко – отправился домой.

У меня милёнок есть, только в городе, не здесь,
он в рубашке голубой крутит голову другой.

Ягодина, чуешь-чуешь, ягодина, чуешь ли?
Тебе нынче изменяю, ягодина, знаешь ли?

Ягодина, ягодина, ягодина – олово,
за тебя, мой ягодина, меня ругают здорово.

Задушевная подруга|, моё слово – олово,
а как олово растаяло – забыла я его!

Ягодина шляпу носит чёрную суконную,
ягодина меня любит как жену законную.

Ягодиночка на льдиночке покачивается,
ягодина от меня отворачивается.

Ягодининой-то матери не надо меня в дом.
Это надо разобраться: может, сами не пойдём!

На обувной фабрике в селе Нижнеургинском. Фото 1965 года

Жарко, жарко страдовать, жарко сенокосить.
Жалко, миленький, тебя, но придется бросить.*

Огорожено, да низко: перескакиват коза;**
а мне старого залёточку не надо на глаза!

Вот она, которая копала в поле ямочки,***
вот она, которая попала в грубияночки!

Вот она, которая в чулане заблудилась,****
холостого не нашла – в женатого влюбилась!

* Очевидно, уживаться с этим парнем – всё равно что страдовать.

** Ограда, как и крыша – символ защиты, замужества.

*** Имеется в виду вредоносная магия.

**** Чулан считался нечистым, тёмным местом; ср. заблудиться в тёмном лесу. (Помним: «... я заблудился в сумрачном лесу»...)

Девушки, зима – не лето, не посеешь в поле рожь.
Девушки, не наша воля – не полюбишь кого хошь.

Не пойду я, мама, взамуж в маленьку избёночку,
лучше зыбочку повешу, принесу девчоночку.

Передайте-ка ему, моёму треповатому –
за измену сорок лет ходить бы неженатому!

От порога до стола галечки катала я,
не за милого дружка взамуж угадала я.*

Про меня наговорили речи говорёные,**
это всё наговорили бабы проклянёные.

Дорогому моему, ему натараторили,
его ретивое сердечко навеки расстроили!

Вы, галоши тупоносы, вы не запинаятся!
Вы хороши – мы плохи, вы не задавайтесь! ***

Чёрну юбочку ношу – милый думат, что тужу;
вы скажите трепачу – даже думать не хочу!

Мы с милёночком расстались у поленницы, у дров.
Раскатилась поленница – закончилась любовь.****

Мы с милёночком расстались в узком переулочке,
он был в розовой рубашке, я в бордовой юбочке.*****

*Имеется в виду гадание на гальках, характерное, очевидно, для старателей.

**Проклятые родителями становились злыми колдовками, наговорами на болезни и беды и злыми сплетнями губящими людей.

*** Тупоносые галоши – зримый образ презрения к тупым и глупым задавакам!

**** Поленница – образ ряда, порядка.

***** Бордовое, вишнёвое – цвет зрелой страсти, розовое — готовности к любви. Узкий переулочек символизирует близость и в то же время «узкое место»: трудно разойтись!

Чёрну юбочку ношу – милый думат, что тужу;
вы скажите трепачу – даже думать не хочу!

У кого какая баня – у меня из кирпичей,
у кого какой милёнок – у меня из трепачей.

Милый в горку – я вдогонку, он не дожидается,
у него другая есть, он мною не нуждается.

Мне милёнок изменил в полчаса девятого,
ровно в девять подошел – я уже занятая.

Меня милый изменил – я не поперечила,
я другого нажила через четыре вечера.

Ко мне милый подошёл: – милка, я себе нашёл!
– Ты нашёл, и я нашла, борьба за качество пошла!

Праздничный день в селе Нижнеиргинское. 50-е годы XX века

Меня милый изменяет, ну а мне-то наплевать:
я такого лягушонка решетом могу поймать! *

Дайте яду, дайте яду, дайте ядинку напьюсь,
дайте тоненьку верёвочку – скорее задавлюсь!

Ой, на мне-то, бедной, славушки – что листьев во лесу.
Вы побайте, добры люди, я ведь всё перенесу.

Шаль бордова, шаль бордова, шаль бордова косяком.
А моя-то грубияночка худая языком.

Из колодца вода льется, ох и мутная она!**
Надо мной девка смеётся, хоть бы путная была!

Парень черный, парень черный, парень черный, как цыган;
любит он меня, и я его, какое дело вам?!

Наша реченька глубока, на ней тоненький ледок.
Целовал меня милёнок, губы сладки, как медок.

Я одна, да я одна речку смерила до дна.
Никто болечку не любит, я осмелилась одна.

Тополя, тополя, вершинки пали на поля.
Мне такого друга надо – развитого, как и я.

Чем, скажите, вы меня, чем обраковали?
Вы не лучше ведь меня за милёнка взяли!

Где-то, где -то тучки ходят, где-то, где-то гром гремит,
где-то, где-то ягодиночка другую веселит.

Говорила голосу: – Раздайся, голос, по лесу,
чтобы милого, красивого ударило в тоску!

** Помним сказочную царевну-лягушку. Магия этого существа ныне
давно позабыта, но осталась в присловьях, присказках, шутках.*

*** Мутная вода – актуальный на все времена символ.
Противопоставляется чистой колодезной и родниковой воде.*

Милый пишет и подписывает: «Матанечка моя,
с кем гуляешь, так отказывай – приеду скоро я!»

Милый пишет мне письмо: «Милка, носишь ли кольцо?»
Я в ответ ему пишу: «Распаялось, не ношу!»

Ох, колечко пало в речку, перстенёк пошел ко дну.
Скажи, миленький дружочек, любишь двух или одну?

Гори, бор, гори, сырой, гори в бору сосёнка;
отнимают у меня последнего милёнка!

Насадила грядку луку, думала, не горький,
полюбила милого, думала, не бойкий.

Дайте мне стакан воды – повяла моя роза;
измотался милый мой как белая берёза.

Белая берёзонька, белая без листу.
Узнаю милёночка по голосу, по свисту.

Не судите вы меня, что я боевая!
Не сержусь на это я: родова́ такая. (*Родова – род, порода*)

До свиданья, реченька, берега крутые.
До свиданья, милый мой, глазки голубые.

До свиданья, Иргина, речка с малой рыбочкой,
До свиданья, милый мой, с ласковой улыбочкой.*

У меня на голове аленькой платочек;
я никем не занята, не сорванный цветочек.

Любила аленький цветочек по канавкам собирать,
любила серенькие глазоньки – пришлось пострадать.

Я своёго милова наряжу как барина:
голубого сатинцу купляю у татарина.

* *Иргина – река с живописными гористыми берегами в селе
Нижнеиргинское; бассейн реки Камы.*

Что ты, мама, рано встала, алый светик сорвала,
не дала покрасоваться – рано замуж отдала!*

Кабы шали не мешали, кабы кисти не вились,
мы бы с милым полежали, мы бы с милым обнялись.**

Я любила – ты отбила, так люби облюбочки!
Я целовала – ты целуй целованные губочки!

Не дрова, а щепочки, не дерева – обрубочки,
задушевная подруженька, люби мои облюбочки!

Ох, зачем я полюбила, только стану тосковать;
милый соколом полётит – я кукушкой куковать.

Хриповат мой голосочек, хриповато я пою,
не за это меня любят – за ухваточку мою.

Не найти такой берёзы, чтобы дождь не намочил.
Не найти такой любви, чтоб никто не разлучил.

Рано солнышко заходит, во леса скрывается;
рано, милый, покидаешь, после будешь каяться.

Я тогда тебя забуду, я тогда тогда, тогда,
когда вырастет на камушке зеленая трава.

По деревне течёт речка, течёт не кончается,
я люблю его всё крепче, а он не влюбляется.

Это что же за растопочка осиновы дрова?
Это что и за милёночек – вегда хожу одна! ***

* Аленький цветик – символ цветущего девства. Отсюда сказка «Аленький цветочек».

** Шаль с кистями – нарядная (в старину – обрядовая) одежда, не позволяющая интимные позы, развязное поведение, помимо того что попросту мешает обниматься.

*** Осиновые дрова самые низкосортные, горят плохо, чадят.

У милòго крыша нова, не забелена труба;
все подружки вышли заму́ж – не дошла моя судьба.*

Не на месте кустик вырос на крутом на берегу;
знаю, я тебе не пара, да расстаться не могу.**

Крашенные саночки, мочалены завёрочки;
я за то его люблю – прищуриват глазёночки.

Мне не надо пуд гороху – только две горошинки.
Мне не надо много милых – мне один хорошенький.

Вы не все, светочки, вяньте, хоть один да поалей!
Вы не все меня ругайте, хоть один да пожалей!

Через пень-колодину щипала я смородину.
Не пойду далёко заму́ж – не бывать на родину.

Дождик, лей, дождик, лей, на меня и на людей,
а на моёго милова ни капли ни единыя!

Чего подружка баяла – любима дружка хаяла,
хаяла-вертелася, самой любить хотелось!

Ой, подружка, дробь бей, дробь выколачивай,
на моёва на милова глаз не выворачивай!

Ох милка моя, милка-семечко, ***
полюбила ты меня не во времечко!

Нам не надо чики-брики на высоких каблуках,
лишь бы личики побаще, ничего что в лапотках!

** Недоконченная крыша – символ неустроенного замужества,
«крыши» для женщины.*

*** Крутой берег, крутизна – символ недоступности чего-либо выдаю-
щегося. (Отсюда современный жаргон – «он крутой».) А тут ещё и
берег – возможность сорваться с крутизны и утонуть.
И какое ласковое внимание к кусту, к деревцу, к травке...*

*** Милка-семечко! Видно, налитая, созревшая, крепенькая.

Ягодина, ягодина, ты опять запировал,
ты давно ли, ягодина, с ног галоши потерял!

Мой милёнок окосел – не на те колени сел,
а я недолго думала – взяла да в рожу плюнула!

Кто бы, кто бы покосил – я б тому пожалала;
кто бы милова побил – я бы подержала!

Миленький симпатистый добился до горбатистой,
он идет симпатится, она за им горбатится!

Не смеяться вами-то, вами-то над нами-то,
надо только разобраться хороши ли сами-то!

Милый бросил на неделю, а я думала навек,
всю неделю проревела, бестолковый человек!

Голубо на голубо, зелёно на зелёное;
меня миленькой бросат – моё дело смирёное.*

Балалаечка на ленточке – двухрядка на ремне,
с балалаечкой к подруженьке – с двухрядочкой ко мне.**

Балалайка, балалайка, балалайка синяя,
у меня милова нет – тоска невыносимая!

Я любила болечку, любила поговорочку.
Поговорка Санова лежит у сердца самого!

Это чьи таки ботиночки? Вам больше не плясать!
Выйду замуж – буду плакать, вам на полочке лежать.

Не на каждой ветке птичка, и не каждая поёт.
Не у каждой девки милый – всё про милого поёт.

** Символика цвета: радость льнет к радости — голубое;
тоска к тоске – зеленое, иногда синее.*

***Гармонь-двухрядка на ремне – символ супружества, неволи; с легкой
балалаечкой на ленточке пристало идти к возлюбленной...*

Ты зачем меня завлёк, сердце запер на замок!
Сердце запер – ключ ко дну. Наверно, любишь не одну!

Где мои молодые годы, где мои семнадцать лет?
По вечеркам шлялися, видно, там остались.

Где мои семнадцать лет? Где моя тужурочка?
Где мои три кавалера: Коля, Миша, Юрочка?..

С балалаечкой...

Фотография начала XX века. Тюмень.

С балалайкой – Сидоров Александр Никифорович (погиб в ГУЛАГе)

Фото из семейного архива Ольги Щербининой

Я не раз переходила через ручейночку:
хотела жизнь свою полджить – жалко ягодиночку.

Мишенька, Мишуточка, любить тебя не шуточка.
Лёгкое названьице – тяжёло расставаньице!

Мне бы волю, мне бы волю – я бы вольная была.
Мне бы Колю, мне бы Колю – я бы Колина была.

Коля, Коля, ваши кони истоптали в поле рожь.*
Колю хают и ругают – для меня Коля хорош!

Коля, Коля дровца колет, Коля в клеточку кладет.**
Коля в розовой рубашке хоть кого так завлечёт!

Я любила Колю – сласти ела вволю,
а теперя Гришу – конфетика не вижу.

(Вариант: «Я любила Костю – конфеты ела горстью»)

Коля, Коля дровца колет по ту сторону реки.
Отдала Коле колечко я со правой со руки.

Коля, Коля, выйдем в поле, поглядим, какая рожь.
Для кого Коля не очень – для меня Коля хорош.

Я любила Коленьку за рубашку новеньку,
рубашка изнасилася – дружба нарушилася.

Дали волю любить Колю, а теперь хотят унять.
Отпустили камень в море, а теперь хотят поднять!

Я не буду боле-то плакать-то об Коле-то,
у него другая есть – ему не надо боле-то.

Я любила Кольку – волоса под польку,
а теперя Сашку – кудри на фуражку.

Дайте этого, вот этого, того и вон того!
Дайте Толину походочку и Толю самого!

Лёша, Лёша, Лёшенька, личико хорошенько,
лёгкая походочка, полюби молодочку!

Ваня, Ваня Ванюша, в тебе неверная душа,
нажил милочку другую – стала я нехороша.

Шурка, Шурка, шуристый, какой ты подмазуристый!
Без лучинки без огня зажег сердечко у меня!

*Истоптанная рожь, скошенная или измятая трава, сорванная роза и тому подобное – символы порушенного девства, оскорблённой любви.

** Розовый цвет – символ свежести, радости, готовности к любви.

Яшу, Яшу подпояшу тоненькой резиночкой,
раз семнадцать поцелую, назову картиночкой.

Полюбила я парнишку, он такой молоденькой,
Полюбила я за то, что зовут Володенькой.

Милый Саша, я не ваша – я теперь Володина,
у Володи брови чёрны, глазки как смородина.

Кто на ком, да кто на ком, а я лежу на крыше.
Передайте мой поклон дорогому Мише.

Лягу спать я на кровать, спи, моя подушечка.
Не стерпеть – пойду искать, где и с кем мой душечка.

Ягодинка-клюковка далёко укатилася.
Без тебя, мой дорогой, со всяким находилася.
(*Вариант – ни с кем не находилася.*)

Трактор пашет, пашет, пашет чёрную земелюшку.
Я сказала трактористу: запаши изменушку! *

Ты зачем меня завлёк, сердце запер на замок!
Сердце запер – ключ ко дну. Наверно, любишь не одну!

Отцвела черёмуха, отбелела веточка,
отходил ко мне парнишка - серенькая кепочка!

Выше лесу тёмного летела шелковиночка.
За хорошую любовь спасибо, ягодиночка!**

Я иду, иду, иду по большому мосту.
Я пышминского люблю маленького росту.

* Пример великолепной поэтической двусмысленности: запахать измену значит закопать её, похоронить, но... через «пахоту» – возможно, через новые сексуальные отношения, теперь уже с трактористом... Перед нами воистину классическая частушка!

** Вот как можно сказать о возвышенной любви! Тёмный лес — зло.

У кого какая кофта – у меня малинова.*
У кого какая дума – у меня про милова.

Серая уточка летела и кричала чи-чи-чи!
Четкаринские ребята все такие трепачи! **

Четкаринцы к нам не ходят, говорят, что мосту нет.
Вместо мосту — льдиночки, ходите, ягодиночки!

Я надена кофту рябу, рябую-прерябую,
кто с моим милёнком сядет – рожу покарябаю!

По Пышме по реке проплыла гитара,
а пышминские ребята по копейке пара!

Изменил так изменил – буду изменёная,
всё равно я не повяну – не трава зелёная!

У залётика во спальне цветики огнём цветут.
Неужели нас родители с залётом разведут?!***

Перевала синяя сгремела не одинова.
Хают меня милому, расстраивают милова! (Перевала – гора.)

Катится горошинка по голубому блюду.
Хватится хорошенькой когда занята буду!

Девчоночки малы – по горошине,
ничего, что малы — зато хорошеньки!

Я любила больше года, говорила: мой и мой!
А теперь даю свободу: куда хошь, а я домой!

* Малиновый цвет, как и бордовый и вишнёвый – символ страсти.

** Четкарينو – село Пышминского района. Серая уточка – символ обездоленной девушки. Замечательны чечёточный ритм и чёткая звукопись плясовой частушки.

*** Огненные цветы, огонь – вполне прозрачный символ ярких чувств.

Мама печку затопила – дым за речку повалил.
В крайнем домике я буду – сам парнишка говорил.*

Кабы знала, кабы знала, где мне замужем бывать,
помогала бы свекровушке капустку поливать

Пойте, пойте, петушки, пойте, пойте, курочки.
Скоро, скоро я уеду со знакомой улочки!**

Растрепалася коса, спала лента бурая;
я и раньше, ухажёрочек, совсем об вас не думала.***

Некрасивая сосна – красивый подсосёночек.
Некрасива я сама – красивенький милёночек.

Не красива, не красива, не красива – средняя,
до красивых не дошла, но и не последняя!

Некрасивая я– мне не надо краски,
лишь бы были у меня весёленькие глазки!

Трактова больша дорога – мне по ней не хаживать.
Милый, духу не хватает за тобой ухаживать.

Голубое одеяльце, ох, не греет белу грудь.
Скучно-грустно без милова... попривыкну как-нибудь.

Ой, сердце моё, сердце луковое,
сердце билось, билось, билось – запостукивало. ****

Ох, сердце моё, сердце, ты не камень,
кружит голову мою симпатичный парень.

* Речь о гадании по направлению дыма, (ранее – по горошинкам).

**Девушка даёт понять, что выходит замуж. Петушки и курочки — возможно и как ласково-ироничное обращение к соседским парням и девушкам.

*** Растрепанная коса, выпавшая лента – расстроенный порядок жизни.

**** Ср. горе луковое; сердце луковое — горящее сердце.

Ой, сердце моё, чего оно хотело?
Дать бы волюшку ему – куда бы улетело?..

Забывать-то милый станет – брось во полюшке платок,
пусть любовь нашу раздует полуночный ветерок.*

Чёрну юбочка надела – мама догадалась:
ты, наверно, мила дочь, с кем-нибудь рассталася.

Чёрны юбочки коротки белым не подставишь,
если миленький не любит – силой не заставишь.

Стары будем – всё забудем, за ворота не пойдём.
Косоклиннички наденем, в руки лестовки возьмём.**

Я любила Шурочку только через улочку.
Дома знали – не ругали, надо бить бы дурочку!***

Тянет, тянет пара коней, ну и кони хороши!
Милый любит не от сердца, ну и я не от души. ****

Неужели это я с пути-дорожки сбилася?
Неужели это я кого люблю лишилася?!

Не от чая почернела моя чашка чайная,
меня дома замечают – я хожу печальная.

*Платок, искусно вышитый, девушки дарили возлюбленным, как и кисеты – мешочки для денег или табаку. Здесь намёк на то, что девушка встречалась с парнем полночью в поле, где и подарила ему платочек.

** Речь о старообрядческих сарафанах и молитвенных принадлежностях – лестовках. Нижнеиргинское – старинное старообрядческое село. См. очерк в настоящей книге «Уходящее».

*** Имеется в виду любовь по закоулкам.

**** Упряжь – традиционный символ супружества; в данном случае пара коней – пара возлюбленных, прекрасных, но, увы, мало, неискренне любящих.

Не от чая почернела моя чашка чайная,*
меня дома замечают – я хожу печальная.

Что залёточка наделал – в лесу уточку убил;
иссушил моё сердечко, сам другую полюбил.

Подарил милый колечко – с руки перстень золотой.
Он как голубь за голубушкой ухаживал за мной.

Заверяю, что спалю золото колечушко!
Заверяю, что вскипит у милого сердечушко!

Чернобровых нынче мало, чернобрового люблю.
У подруги чернобровый – постараюсь, отобью!

Мне не надо пуд муки, мне не надо сита, (*ситного хлеба*)
меня милый поцелует – всю неделю съта!

Три берёзки – не лесок. Мой милёнок не высок,
но зато подбористый, очень разговористый!

Мне не жалко полушалка – жалко, носится кайма.
Мне не жалко тебя, милый, жалко – время провела.

Ёлку рубят, ёлку рубят, ёлку суковатую.
Если больше не люблю – чем я виноватая? **

Матаня, матаня, матаня моя,
замотала матаня навеки меня!

Шмара лебедь, шмара лебедь, шмара лебедь белая,
мне жениться не велела, а сама что сделала?!

Церковь-матушка белёна, ворота железные,
под венец меня станоят без тебя, любезная.

* Чашка, сосуд – символ девушки, женщины в мировом фольклоре.

** Суковатая ель – негодная, второсортная, не идущая в дело; намёк на то, что парень не достоин любви.

Я уеду – не приеду, улечу – не прилечу.
Всем ребятам по привету – тебе нету, трепачу!

Трепача я полюбила, трепачу поверила,
я хорошему парнишке зря измену сделала!

Ты трепач, а я не знала. Извини, мой дорогой,
по ошибочке гуляла пятидневочку с тобой!

Я иду – она кольшется, вода-вода кипелая.*
С трепачом гуляю я – моя головка смелая.

Дорогой и драгоценный, дорога забавушка,
отставай-ка, драгоценный – надоела славушка!

Девки, ох как я ревела над колодезной водой:
в крепки рученьки попала – жалко воли дорогой!**

Я катал, катал сударушку в зелёной кошеве,***
а досталася сударушка товарищу, не мне.

Конь вороной утонул – кошёвочка осталася.
Не одна на свете я с милёночком рассталася.

Пусть зима и лютая – всё равно растает снег.
У кого любовь минутная – у нас с тобой навек!

*Кипелая вода – символ перекипевшего, истасканного парня. Образ перекипевшей воды подобен образу сгоревшего огня. («Кто сгорел, того не подожжешь» – Есенин.)

** Далее приводится припевка о колодезной воде как символе чистоты и ценности.

*** Имеются в виду зимние праздничные гуляния с катанием на расписных санях. Парни обычно катали девушек. В следующей частушке – конь символизирует парня, кошёвочка (как всякое вместилище) – девушку.

Частушки записаны в основном в Красноуфимском районе, селе Нижнеургинское в 90-е годы XX века от Красноперовой Лидии Ивановны. Ниже следуют песни, записанные от неё же.

Свадебные песни

Два корабличка

Песня поётся женатым гостям

Как по морю было по морю,
Как по синему по морю, ай-люли, ай-люли!
Тутто плыли-восплывали
    Два новые корабличка, ай-люли, ай-люли.
    В первом новом корабличке сам
    князь-воевода,
    а в другом новом развесёлом молода
    его княгиня, ай-люли, ай-люли.
    Она вышла-выходила, ай-люли,
    в белых ручках выносила звончатые
    свои гусли.
Вы сыграйте, мои гусли,
    да вы сыграйте, звончатые, ай люли,
    ай-люли, вы утешьте моего князя,
    князя-князя молодого, гостенёчка
    дорогого
А еще приутешьте молодую его княгиню.

Песня невесте

Сидела Оленька день и ночь одна.
Шила-вышивала белы тонки рукава,
белы-тонки рукава.
Пришел к Оленьке Ванюшка:
– Скажи-скажи, Оленька, кто тебе мил? Кто тебе мил?
– Мил мне милёшенек тятенька,
а еще мне мила родима мамонька.
– Оленька-Оля, неправду говоришь,
мое-то сердце тешишь, свое-то веселишь.
Сидела... (*повтор первой строфы до слов: кто тебе мил?*)
– Мил мне милёшенек Ванюшка-душа,
а еще мне мила его родима матушка.
– Оленька-Оля, правду говоришь,
свое-то сердце тешишь, мое-то веселишь!

Свадебная песня для женатого гостя

Выйди ли, выйди, радость моя!
Как во первые ворота сокол пролетал,
во вторые широкие молодец проезжал,
а во третьи-то ворота скоры послы бежат,
скоро-наскоро, скоропосланные:
– Выйди ли, выйди, радость моя,
воротись, молодец, воротись, удалой!
Что твоя-то жена-барыня сына родила,
Выйди ли, выйди ли....
– Я для милого сына
не ворочаюсь назад,
что ведь милый сын – сам хозяин
во дому, сам хозяин со хозяйскою, с милой ладушкою.
(следует повтор первой строфы)
– Что твоя-то жена-барыня дочь родила.
– Я для милой-то дочери домой ворочусь,
что ведь мила-то дочь – чесна гостьюшка,
чесна гостьюшка с милым зятюшком.

***

Во поле калинушка стояла,
во поле кудрявая стояла,
всякими цветами расцветала,
алыми да голубыми, розовыми да дорогими.
На той на калине соловейка сидит, жалобно да воспевает,
молодцу весть подавает, молодцу да молодому,
неженатому да холостому.
Скоро, скоро, молодец, жениться тебе,
ремячко ехать свататься,
взять бы невесту хорошенькую,
душечку да красну девицу удалому добру молодцу.
***

По столу-столичку, по столу-столичку яственному,
по блюду-блюду серебряному
плавала чарочка во сладком меду,
в сладком меду с сладкой патокою.
Ой, никто зачару не примется,

Ой, примется- принимается удалой добрый молодец
Владимир Петрович.

Он сам изопьет и жене подает
ой, что Лидии Ивановне: пей, жена, пей, боярыня моя!

– Ой, пива не пью, вина в рот не беру,
ты удалой добрый молодец, Владимир Петрович.

Ой, снилося мне, киревосилося,
будто у нас средь широка двора выросла травушка шелковая, рас-
цвели цветики аленькие,
аленькие, васильковенькие...

Припевки о любви от разных исполнительниц
(Родионовой, Феденёвой, Букварёвой)

Речка быстрая течёт по камням, по кручам;
кто вздохнуть не научился, так любовь научит.

Милый мой, милый мой, звёздочка ночная,
как тебя не вижу я, так совсем больная.

Отшумел уже лесок – падают листочки;
меня милый позабыл – не писал ни строчки.

Что за месяц, что за ясный – ночью светит, а днем нет,
что за миленький дружочек – то придет, а то и нет.*

Была длинная дорожка – стал зелененький лужок,
была девушка пригожа – иссушил ее дружок.

Закатилось ясно солнце, перестало оно греть,
отдалился мой милёнок – перестал меня жалеть.

**Намек на то, что возлюбленный, которого девушка сравнивает то с
ночной звездочкой, то с ясным месяцем приходит только ночью, игно-
рируя свою возлюбленную днем. Это плохой признак...*

Все пришли, на лавки сели при галошах, при часах –
моё топало притопало в рабочих сапогах!*

Все пришли, на лавки сели при галошах, при часах –
моё пучило припучило в рабочих сапогах!*

Я иду, иду по лесу – попадаются грибы;
я люблю, люблю повесу – не уйти мне от беды!

Где с милёночком встречались, там цветочки расцвели,
где мы с милым расставались, мутны реки потекли.

* Частушка села Шайдурова; там многие парни работали в старательской артели. Вечером после работы парень не успел переодеться, поспешив на вечерку, где собрались нарядные парни и девушки. Замечательно это «при часах» – мода XIX столетия: часы в кармашке, цепочка напоказ на пиджаке. О быте богатого села см. очерк в настоящей книжке «Уходящее».

Мужские частушки

Дождик идет, холодная дождиночка;
ночевал сегодня я у старинной милочки.

Ох, милка моя, вересовый кустик!
Неужели ты меня ночевать непустишь?

Вот сказали: ёлка сохнет – ёлка зеленёшенька!
Вот сказали: милка плачет – милка веселёшенька!

Я милашку проводил, сел на загородочку,
долго- долго любовался на её походочку.*

*Походке, осанке, голосу, богатству речи, деталям одежды и поведения в народе придавалось огромное значение, что говорит об утонченности восприятия и сложности ритуального поведения. Попрощаться с девушкой и поспешно или даже вперед её уйти – грубо и оскорбительно. Вот парень сел на плетень или низкую оградку и смотрит вослед возлюбленной, идущей вдоль длинной деревенской улицы...

Раньше реченька бежала, теперь высохла она,
раньше милая любила, теперь бросила меня.

Если нас не любить – мимо окон не ходить,
если нас не уважать – не ходить, не раздражать!

Мы чужие избы крыли, а свои некрытые;
чужих девок мы любили, а свои забытые.*

Гармошечка – рояльный строй,
милашечка – постой со мной!

Я по этой тропочке износил подмёточки,
только новые подбил – товарищ милочку отбил!

Ой, милка моя, золотое сердце,
чем портянки вышивать – разрежем полотенце!**

В поле рожь, да в поле рожь, кто её засеял?
Распроклятая любовь – кто её затеял?!

Мы с залёткой расставались у двенадцати берёз,
все берёзки почернели от моих горячих слёз.

Отыграли мои пальцы по серебряным ладам,
отходили мои ножки по милашкиным следам.

Отыграли мои пальцы по серебряным ладам,
оставляю свою милку деревенским пахарям.

Я играю на гармонии – белые серёдыши.
Есть хорошие девчата – есть и отерёбыши.

У гармонии-шестипланки открывается ушко,
у молоденькой девчонки поднимается брюшко.

*Крыть крышу – сложный символ защиты и одновременно – соития.

**Полотенце – ритуальный предмет; разрезать его на портянки, пусть и нарядные – кощунство. Частушка носит дерзкий, озорной характер.

Полетели галки в лес, галочка за галочкой,
повели ребята девок парочка за парочкой.

Ты, сорока белобока, не летай с краю на край!
Тебе вымажут ворота, раскатают весь сарай!*

Я не сам ворота мазал – мазала мазилочка.
Я не сам в окошко лазал – открывала милочка.*

Ой, милка моя, кака ты интересная:
ночевать ко мне ходила – замуж вышла честная!

Ох, милка моя, дамочка червонная,
ночевать ко мне ходила – счас жена законная!

Мою милочку венчали – зажигали фонари.
От наля до дверей горело сорок фонарей.**

Мою милочку венчали, я на паперти стоял.
Обвенчали и помчали, я головкой покачал...

На горе стоит точило, под горою борона.
Девка на зуб наскочила – наше дело сторона.

Не один я на покосе, не один на полосе,
не один ходил к забаве, а ходили парни все.***

Сеял редьку, сеял репу – никотора не взошла.
Сватал бабу, сватала девку – никотора не пошла.****

** Имеется в виду обычай мазать ворота дёгтем «нечестным»
девушкам, вступившим в половую связь до брака.*

** Намёк на красный фонарь...

**** Косьба, жатва – древний эротический символ, совпадающий с
символикой смерти.*

***** Пахота, сев, сбор урожая у всех народов означают брачную
символику. Баба – горькая редька, девушка – сладкая репа.*

Озорные мужские частушки

(содержат обценную лексику)

В огороде, в лебеде
нашла бабушка муде,
причесала – привязала
к своей старенькой п-де.

Шел по ёлочкам-кустам
нашел корзиночку с п-здам,
никому не говорил,
ходил поё – ал один.

Шел я лесом-бориком,
нашел п-ду с топориком.*

Я тебя не буду еть,
Марья Николаевна,
у тебя в п-де собака
на меня залаяла.*

У тебя в п-де медведь,
сорок восемь медвежат,
сорок восемь медвежат
поперек её лежат.*

Я матаню через сани –
сани покаталися.
У матани через год
двойнички родилися.

Я милашечку не грёб – *(слово заменено – ред.)*
манду на шапочку берёг.
До того я доберёг –
её Василий уволок!

*Отражение древней магии, а также и мужских страхов перед соитием, описанных современными психологами.

Через речку две дощечки,
обе перегнулись.
Кунка в ботах, х... в лаптях
из Москвы вернулись.*

Захотелось старику
переплыть Москву-реку.
На середке утонул –
только х – м гвозданул!**

Мою милку сватали –
меня в чугу́н запрятали,
кочергой захлопнули –
едва глаза не лопнули!

Сапоги мои худые,
и подштанники с дырой,
из подштанников выглядывают
Никита с бородой.

Мы не сеем, мы не пашем,
мы валяем дурака,
с колокольни х – м машем –
разгоняем облака.

* Показывает иронично-неприятное отношение к столичному граду. Ср. с поговоркой «Питер штаны повытер».

**Река всюду, даже в озорных частушках, как и в высокой поэзии, символизирует реку бытия, реку времени, пороги жизни...

Озорные и сатирические женские частушки

Хоть запели петухи около болота,
не застегивай штаны – мне еще охота.

Я на горку шла – я Егорке дала...
не подумайте чего –я махорку дала.

Помнишь, я тебе давала
в огороде, в борозде
платочек беленький с каёмкой —
ну кого ещё тебе?!

У меня милёночек
веретёшки точит.
Он со мною спать не спит,
только мне намочит.

Я не Алла Пугачева, я не Ольга Воронец,
а запою – так зашевелится у дедушка конец!

Ох, юбка моя, юбка ласковая!
А под юбкой у меня – вся истасканная.

Охти мне, кто-то был на мне:
сарафан не так, и в руке пятак.

Тракториста любить – надо запастись:
тонну мыла закупить, а потом влюбляться.

Я любила его гада, гада неумытого,
покупала для него мыла духовитого.

Гармошка ревет – Никанорка идет,
нажимает на меха, сам не боле петуха.

Хорошо напиток чаю из большого чайника.
Неужели я не выйду замуж за начальника?

Ох, на юбке кружева, да и на кофте кружева.
Неужели я не буду бригадирова жена?

Ты постой-погоди, погоди-помешкай,
я куплю тебе штаны с вышитой прорешкой.

Не форси, форсун форсистый, я тобой не дорожу,
я такими форсунами огороды горожу!

Ой, матаня ты, матаня, ты перематанился!
На такую дечонку-дрянь да ты пошто обзарился?!

У милого мать-то – бес! Только судит про невест!
Посмотри на сына пьяного, какой он у ты есть!

Я сопернице рябой не пойду наперебой,
не пойду наперебой – хватай, рябая, чёрт с тобой!

Дорогому нету выходу – кругом зелёный лес,
ему новая, навяльная скорее надоест.

Дорогой, дорогой, она тебе мама,
неужели, дорогой, тебе девок мало?

Кабы я была красива, кабы я была баска,
отлетела бы от милого матаня городска!

Кабы я была красива и отца богатого,
не любила бы тебя, изменщика проклятого!

Милый мой, я твоя, куда хошь девай меня:
хоть пропой, хоть продай, а хоть товарищу отдай!

Я свою соперницу свезу в Тагил на мельницу,
спущу книзу головой: не ходи наперебой!

Черта, черта ли смеешься, черта ли коваришься?
Если будешь задаваться, полюблю товарища!

Меня милый изменил, я сказала: ох ты!
у тебя одна рубаха, да и та из кофты!

Я иду по огороду: все жуки, жуки, жуки.
Ничего что нет картошки, лишь бы были мужики!

Ты играй, играчок, вот те куночки кусок.
Хорошо будешь играть – могу целую отдать!

Много, много здесь народа, всё порядочные:
И хромые, и слепые, и припадочные.

Ой, матаня-матнёк, давай задунем огонёк,
сделаем потёмочки – не просмеют девчоночки.

Грубиянка – чёрна жужелка, горбата, как валёк,
силой милому навялилась, сказала, что завлёт.

Грубиянка – чёрна жужелка, мазилка дегтяна!
Силойилова тащила – рукава оборвала!

Грубиянка, грубиянка, грубиянь, так уж ладом!
Давай милого разведелим: тебе ночью, а мне днём.

Перестройка, перестройка, я и перестроилась:
у соседа хрен побольше – я к нему пристроилась!

Мне милёнок подарил четыре мадавошечки,
чем же буду их кормить – они такие крошечки!

Я на пенсию пошла – вся в кримплен оделася,
руки-ноги заболели, кунка зазуделася!

Что-то вдруг зашевелилось в моих стареньких штанах;
расстегнули, поглядели – с бородой сидит монах!

На курорте я была, там меня обидели:
Вех старух поразобрали, а меня не видели!

Шуточные, плясовые частушки

Балалаечка играет, балалаечка поёт,
если к ней приделать ножки – балалаечка пойдёт.

Балалаечка гудит, пойду милёночка будить,
разбужу – не разбужу, на сонного погляжу.

Я иду, за мною стелется одиннадцать травин;
что ты, милый, задаешься, ты на свете не один!

Что ты, милка, задаешься со своею красотой,
забирай любовь в коробочку – уматывай домой!

Я у марочки, у цыпочки просился ночевать:
дорогая мара, цыпочка, никто не будет знать!

Дорогая золоти́на, давай позолотимся:
на боку лежать неловко, давай поворотимся!

Ох, ты милочка моя, сорока белобокая,
раньше я к тебе ходил – теперь сама притопала!

Отелилася телега – у ворот стоит ревёт,
вислоухого телёнка никто замуж не берёт.

На дубу сидит ворона, кормит воронёночка.
У какой-нибудь разини отобью милёночка!

Не стой у ворот, не наваливайся,
все равно любить не буду, не навяливайся!

У меня милёнка два: табуретка да балда,
табуретка ходит редко, а балда так никогда.

Из-под сахару мешочек, из-под чаю сумочка;
милый в армию ушёл – отдыхает куночка.

Интересно милый пляшет – кутичка болтается,
интересно-интересно как не отрывается?!

Капуста, капуста капустится,
у милёночка поднимется – опустится.*

*Частушка, на вид совсем простая, содержит, однако, сложные подтексты: во-первых, поскольку она плясовая, то «поднимется-опустится» как бы рисует движения пляски, хотя озорно намекает на другое... Ну а капуста ассоциируется с «новорожденного нашли в капусте». Вот пример настоящей, классической плясовой частушки!

Наловчился Васька-кот ходить в соседний огород,
там и дети, и жена – всё же ходит, сатана!*

Горки круты, горки круты, горки с перекатами,
не любовь, а только мука с нашими ребятами!

Мой милёнок – пьяница, это мне не глянется,
я девчонка резвая, поищу-ка трезвого!

**Прозрачное иносказание символизирует сластолюбивого парня;
понятие «огород» употребляется в расширительном смысле (ср.
«камушки в мой огород»).*

*Старейшее сохранившееся заводское строение горнозаводского Урала
начала XVIII века. Фото Анатолия Черя.*

Частушки о пьяницах

Поспешал домой мой милый
ровно три часа подряд:
шаг вперед, три шага в сторону
да два шага назад.

У моёво у милова
голова из трёх частей:
сок томатный, пачка сахару
пол-фунтика дрожжей. *(Компоненты самогонки)*

Мой миленок пил неделю,
даже бриться перестал,
отрастил козлину бороду
и сам козлом он стал.

Как по нашей по деревне
шла коза задравши хвост,
а за ней вдогонку милый;
думала, сдают на кросс.

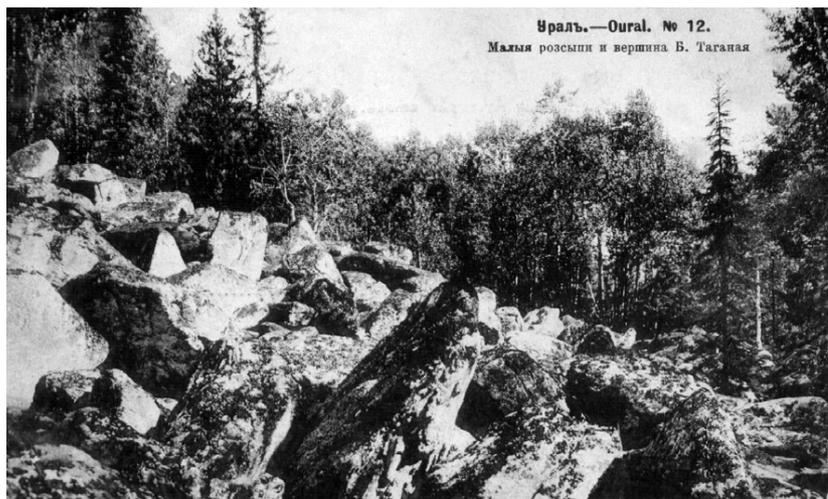
Мил с похмелья умирал –
кверху ноги задираал;
мне и надо бы заплакать –
меня смех одолевал.

Милый хочет умереть –
вырою могилку.
Поскорей бы бог прибрал,
вылью в гроб бутылку.

Ох, милка моя, я в тебя втетерился!
Извини, что целу ночь с бутылкой прошеперился.

Что вы раньше не любили, говорил ведь, вас люблю!
А теперь мне вас не надо – я с бутылочкою сплю.

Пропил я свою подружку на зелёном на вине,
увезли мою подружку на вороном на коне.

Авторские песни и частушки

Село Висим

Висим— старинный уральский рабочий посёлок близ города Нижний Тагил, со станцией Висимо-Уткинской узкоколейной железной дороги, (ныне демонтированной) — см. снимок. В середине XVIII века Акинфием Демидовым в Висиме был построен металлургический (чугуноплавильный и железоделательный) завод, закрытый в 1907 году.

Подробнее о посёлке см. в настоящей книге очерк «Висим-висим – не падаем...»

Тамара Ивановна Канонерова 1908 года рождения

Припевки:

Девки, вот куда ходите – мимо маку серого.
Девки, вот кого любите – Кузю Канонерова.*

*Кузьма Канонеров – муж Тамары Ивановны.

Заводская платформа узкоколейки близ Висима в XIX веке

Завлеку, завлеку, пускай походит за реку
по холодной по воде, пускай подумат обо мне!

Полюбила я милёночка характерного,
а на личико баского, аккуратненького.

Дорогой, дорогой, тебя в болото головой –
в самую болотинку завлѣк меня молоденьку.

Земляничка белым цветом наклонилась над рекой;
отольются горьки слѣзы кто смеѣтся надо мной!

Проводи, милый, до дому и послушай у окна,
как ругат родима мамонька всё, милый, за тебя!

Женатики, женатики, женатики баски!
Кабы эти бы женатики ребята холосты!

Ко мне миленький ходил, всё чего-нибудь просил:
дай капустки, дай кваску, дай пониже пояску!

Я женатого люблю больше холостого,
он не просит у меня подарка никакого.

Ко мне миленький ходил, всё чего-нибудь просил:
дай капустки, дай кваску, дай пониже пояску.

Взареку-то ходить – грязи по колено,
а зарешенских любить мама не велела.

Сошью кофточку по моде на груди с отделочкой.
Пускай миленький побегат как лиса за белочкой!

Я милому на прощанье куст крапивы подарю:
как крапиву уважаешь, так и я тебя люблю!

Говорят, беда – разлука,
я разлуки не боюсь:
я не с первеньким гуляю,
не с последним расстаюсь!

На черёмушке сидела,
три я думы думала:
то ли сеять, то ли жать,
то ли замуж убежать.

Эх, кабы, кабы, кабы,
да галечки катала бы.
Эх, кабы, кабы, кабы
за милова попала бы!

Мамонька, сходи, сходи,
сходи да понавяливай.
Дом большой, жених баской –
отдай, не разговаривай!

Пока маленька была –
возле мамоньки спала.
Как большая выросла –
в подворотню вылезла.

Гармонист, гармонист –
в кухне поварёшка,
не бывать тебе на моде
кабы не гармошка!*

Эх, семёрочка, восьмёрочка,
девяточка бубей.
Променяла я милёночка
на кринку отрубей!

Любовь ты, любовь,
Любовь ты окаянная!
Довела меня любовь
до гроба деревянного.

Я любила и люблю
солдатика военного.
Никогда не изменю
своего слова верного!

Я военных не любила,
форму ненавидела.
Стал мой миленький военный –
форма стала милая.

Милый в армию пошел,
я сказала: точка,
я ни с кем гулять не буду
эти два годочка.

Милый в армию пошел –
надел рубашку белую.
Я три года буду ждать,
изменушки не сделаю.

** Поварёшка – здесь как неизбежное приложение ко всякому блюду.
Довольно редкое неприязненное отношение к обычно уважаемому во
всякой деревне персонажу – гармонисту.*

Изменяешь, милый, маешь,
делаешь изменушку.
Ты не думай, я не буду
брошенная девушка.

Милый мой, какой ты экой,
не такой, какая я:
у тебя четыре девушки –
один ты у меня.

Меня милый изменяет,
девушку угрюмую.
Я сначала пострадала,
а теперь не думаю!

Грубьянка-анка-анка,
ненавижу Анку я!
Милый Анку уважает,
неужели хуже я?

Ой, конь вороной,
сбруя лычная!
Садись, прокачу,
своеобычная!*

Самогонку пить не буду –
самогонка горькая,
я тебя любить не буду –
ты девчонка бойкая!

Пускай на эту улицу
подует ветерок,
пускай эту девчоночку
посудит весь народ!

** Сбруя лычная (из лыка) – необычная, «нарошнишная» сбруя; очевидно, что и ухаживание за своеобразной девушкой того же сорта. Забытое ныне слово **своеобычная** напоминает нам, сколь значимы были обычаи, отход от которых не поощрялся.*

Я иду – окошко поло,
бела скатерть на столе.
Ну кого ты, милый, любишь,
она бабушка тебе!*

Про меня наговорили,
про меня набачили,
будто мы с милёночком
на озере рыбачили.

Ох, теща моя,
хуже лихорадки,
щи варила – пролила
зятю на запятки!

Кабы не было лесов –
не было и рощи.
Кабы не было жены –
не было и тещи.

* Частушка замечательна характерной для этого жанра краткостью, выразительностью детали, заменяющей развёрнутую картину: пожилая «ухажёрочка» угощает-улещает молодого неженатого парня за празднично убранном столом, наверняка с бутылочкой. При этом работает и ёмкий ассоциативный ряд: полое (широко распахнутое) окно – символ и доступности женщины, и ее плотских стандартов. Девушка уязвляет пожилую соперницу этой едкой частушкой — не в бровь, а в глаз!

Песни, записанные от Т.И. Канонеровой:

Треплет, треплет лихорадка,
Да треплет дружка моего,
Да пускай она потреплет
За неправду за его!
Всю неделюшку трепала –
На другую начала.
(см. след. страницу)

Село Висим. Фото XIX века. Предоставлено Сергеем Шадриным.

Уж ты, бабка, ты отгадка,
Отгадай мою болезнь!
Говорят, что простудился.
Во компании, чай, был?
Во компаньи, во собраньи
Обнял девицу рукой.
А девчонке стыдно стало,
Стала плакать и рыдать.
А мальчишке жалко стало,
Стал девчонку унимать.
Да не плачь, девка, не плачь красна,
Не плачь, душечка моя!
Да я не прочь буду жениться,
Возьму взамуж за себя.
Да где те, молодцу, жениться,
Да где меня, бедняжку, взять !
У тя тятенька богатый,
Да не позволит бедну взять.
У тя мамонька сердита,
Не в совете будем жить.
У тя братья на возрасте,

Будут зло тебя корить.
У ты сестры щеголёхи
Не возьмут с собой гулять,
Да не возьмут с собой гулять,
По три платья в день менять.*

* Текст песни отличается от приведённого в Интернете – наш более полный и логичный.

***

Милый мой, пойдём домой,
Скоро зоренька взойдет,
Скоро встанет мать моя
И будет спрашивать меня:
– Безумная, шальная дочь,
Где ты гуляла целу ночь?
– В саду была, цветы рвала,
На память розу принесла.
– Зачем помятый твой наряд
И щечки пламенем горят?
Зачем распущена коса
И на ногах твоих роса?
– Молчи же, мать, ведь ты стара,
А я девчонка молода!
Тебе наскучил белый свет,
А мне всего семнадцать лет.
Я жить хочу, любить хочу,
Кого люблю я – с тем помру!

Припевки от Ерохиной Александры Ивановны*

Меня мамочка родила на высокой на горе,
и заставила скитаться по чужой по стороне.
Вы разройте-раскопайте мамину могилочку,
вы заройте-закопайте меня сиротиночку!

Я у мамы на могиле ночевала семь ночей,
докопалася до гроба – не дождалася речей.

Не о том я плачу-вою, что чужая сторона,
а о том я плачу-вою – прошла молодость моя!

Не ходите, девки, замуж, не плетите две косы,
не меняйте алы ленточки на белые платки!

Я не сам, я не сам с милочкой расстался –
я несчастною судьбой расстался, милочка, с тобой.

Гуляй, моя головушка, нагуливайся!
Как в солдатушки забреют – не задумывайся!

Запрягай, братишка Рыжка, выноси сестра, гармонь!
Я еще разок проеду по деревне по своей!

** Припевки Ерохиной записали Наташа Баландина, Аня Галемзянова,
Лиля Кузнецова в январе 1988 года в рамках фольклорной экспедиции
Дворца пионеров города Свердловска (Екатеринбурга).*

Вахтомов

Рекрутская песня

Городского ты полюбишь,
счастлив будешь ты,
меня, верную крестьянку,
позабудешь ты.

Нет, тебя я не забуду,
милая моя,
как я призыв-то отбуду,
возьму за себя.
Вот уж год, другой проходит,
а она всё ждёт,
у неё-то под сердечком
горюшко растёт.

На опушке в чаще леса
берёза стоит,
а под эту берёзой
труп её висит.

Пояс шёлковый с кистями
шею затянул,
подарённый парнем перстень
на руке блеснул.

Вот вам, девушки, наука,
как в лесу ходить,
а другая вам наука,
как ребят любить.

*Песня представляет собой вариант известной песни «В лес по ягоды девчата». Вариантов этой песни позапрошлого века известно множество, но лишь в Висиме попался вариант её как песни **рекрутской**. В других вариантах про призыв на службу ничего не говорится. Например, читаем:*

*«Мне не надо городскую, милая моя,
Придет осень, я приеду, возьму за себя».
Вот и осень наступила, а она все ждет,
Под ее больным сердечком горюшко растет.
И боялась она сильно грозного отца,
Шарф накинула на плечи, в лес гулять пошла.
На опушке, между сосен, береза стоит,
А на той большой березе девушка висит.*

В песне села Висим отсутствие парня связано в солдатчиной; остается неясным, изменил ли девушке парень, или он сгинул, быть может, на военной службе.

Песня о Ланцове

Звонит звонок в тюремном замке;
Ланцов задумал убежать.
Не стал он зорьки дожидаться,
Проворно печку стал ломать.
В трубу он тесную пробрался
На тот высокий на чердак.
По чердаку он долго шлялся,
Себе веревочку искал.
Нашёл верёвку – не хватает,
Рубашку рвал, надвязывал.

И потихоньку стал спускаться.
Его заметил часовой.
Он пал на сереньку лошадку,
К царю с докладом поскакал.
– Я к вашей милости с докладом:
Ланцов из замку убежал.
Бежал тропой, бежал он лесом,
потом свернул направо в лес.
Он долго по лесу шатался,
Не знал что ел, не знал что пил.
С красивой девицей спознался –
Ланцов опять попал в острог.

Популярная старинная народная песня о Ланцове приведена в варианте, жившем еще в 90-е годы XX века в Висиме.

На мои вопросы о личности Ланцова, об авторстве песни и прочем певец – Вахтомов – отметил только, что песню эту певали его родители, а больше о ней ничего пояснить он не может.

На сегодняшний день известно лишь, что Ланцов – знаменитый разбойник середины XIX века, совершавший неоднократные побеги из московских тюрем.

В настоящее время разные варианты песни о Ланцове выложены в Интернете, (но наш вариант в некоторых деталях оригинален).

Осыпаются листья осенние

Осыпаются листья осенние,
хороша эта ночка в лесу.
Выручай меня, силушка мочная,
я в неволе свой срок не снесу.

Ох, каки это крепки решёточки,
ох, какие в стенах кирпичи!
Дай, попробую эту решёточку,
принажму молодецким плечом.

Принажал я – решёточка лопнула
и упала в траву не стуча.

Понапрасну ломал я решёточку,
понапрасну бежал из тюрьмы:

моя милая добрая жёнушка
у другого спала на груди.

Заберет меня снова полиция,
поведет меня новый конвой.
Поцелуй меня, милая деточка,
не увидимся больше с тобой.

И дадут мне полфунтика хлебушка
и стаканчик холодной воды...
На работушку гонят с винтовочкой.
Арестанты, давай поспешим.

Вариант старинной тюремной песни, сильно отличающийся от прочих в особенности несчастливой концовкой про измену жены и прощание с ребёнком.

Репертуар деревенского самодеятельного певца Вахтомова – в пору записи песен крепкого мужчины лет 50-ти – достаточно обширен. В настоящем издании приведено лишь несколько его песен. Однако я записала еще и несколько частушек, которые он пел под балалайку, на которой наигрывала его жена. Вахтомов пел сильным красивым тенором, который мог бы сделать честь эстраднему артисту. Я записывала его на магнитофон и запись предоставила на радио Екатеринбурга; оттуда, в свою очередь, она была передана на радио Москвы, где, очевидно, и хранится. Говорят, эту мою запись передавали по центральному радио (слышали мои друзья).

Частушки от Вахтомовых:

Все товарищи в окопах – один я на берегу.
Прилетела пуля в ногу, и подняться не могу.

Ох, милка моя, где ты подмочилася?
– Я у тятиных ворот танцевать училася!

Много в полюшке овса, много недожатого.
Пойдем, подруженька, домой, пойдем без провожатого.

У меня милёнка три, и не знаю, с кем пройти:
Один мал, другой велик, с третьим мама не велит.

Я не сам избаловался, мне родитель волю дал.
Я ни конному, ни пешему проходу не давал.

Припевки от Селивановых Михаила Евстратовича 1920 года рождения и Марии Леонтьевны 1913 года рождения.

Ох, тяжелая работа рубежишку в шахте бить,
на старательских работах молодую жизнь губить.

Ой, родима моя маменька, нисколь его не жаль:
посадила в таратаечку, сказала: поезжай!

на чужой-то стороне солнышко не греет,
нету мамочки родной, никто не пожалеет.

Золото моё колечко укатилось под кровать,
на кого была надёжа – уехал воевать.

Не смейся, грубияночка — уборочка в грязи.
Если жалко тебе парня, так держи на привязи!

Вон у церкви стоят кони – миленький венчается.
Дай, подружка, мятных капель, жизнь моя кончается!

Меня дома все ругают, что я много хлеба ем.
Дайте беленьку котомочку – уйду не надоем.

По могильнику ходила – сладкий корень кушала,
ко могилке прилегла – мамин голос слушала.

* Припевки от Селивановых записали в январе 1988 года участницы фольклорной экспедиции Свердловского Дворца пионеров (см. примечание на с. 60)

Ряписова Мария Абрамовна.

Плясовые частушки

Ой, топни нога,
топни правенькая!
Всё равно ребята любят,
хоть я маленькая!

Ох-ха, ох-ха, дело плохо
милку маленьку любить,
целоваться – нагибаться,
от дождя в карман садить!

У меня милёнка два,
два и полагается:
у обоих волоса
кудрями завиваются.

Грустные припевки от М. А. Ряписовой

Ох, мать ты моя, мамонька родима,
на что ты меня на горе родила!

Мама, мама, вырой яму, зарой голову мою.
За любовь, за волюшку зарой мою головушку.

Скоро, скоро я умру – схороните куколку.
Напишите номера: от любви померла.

Не ходите, девки, замуж, замужем невесело.
Я на что была весела – голову повесила.

Голова моя болит – думала с угару –
а от милкиной руки, от его удару.

Горе, горе жить одной без подруги коренной –
Нет совету тайного про милёнка дальнего.

Подружка моя, много новенького:
отбивают у меня чернобровенького.

Подружка моя, веточка орехова,
хотела милова отбить – не на ту наехала!

Гармониста я любила – не пошла я за его,
Видно, денег не хватило у папаши моего.

Куплеты шуточные плясовые

Ты Андрюша, толстопятый капитан,
Не твое дело шататься по ночам!
Твое дело при дороге при путе.
Едет милый на корове, на быке:
За рога подергивает,
За хвост поворачивает,
Каблуками наколачивает.
– Еще как бы мне доехать до горы,
Накосить бы там травы-муравы.
Эту травоньку телята не едят.
Тамо девушки спасаются,
На вечерку собираются.
Попляшите-ка девушки,
попляшите-ка, матушки!
Не робей, муж навяжется,
то ли вор, то ли пьяница,
То ли душечка удала голова,
То ли дужка от поганого ведра.

*Шуточные куплеты записаны так, как их смогла припомнить
пожилая песенница. Они давно уже не исполняются, многое забылось,
помнится отрывками...*

Записано в Висиме в 1993 году

Село Шайдурово

Село Шайдурово – некогда большое и богатое село в 20 км. от Екатеринбурга. Вблизи расположен заброшенный карьер по добыче хрома, также много заброшенных после революции шахт-колодцев индивидуальных «старателей» по добыче золота и платины. Подробнее о Шайдуrove и песеннице, деревенском поэте Марии Николаевне Суслопаровой см. в настоящей книге статьи «Жаль мне этого веселья» и «Уходящее».

Частушки Марии Николаевны Суслопаровой:

Полюбила не на шутку я соседского Мишутку,
полюбила смолоду за кудряву голову.

Ой, да бежит речка по песку с камушка на камень,
бросил миленький меня – словно в реку канул.

Ну и дом у тебя – крашенные ставни;
загляни хоть на часок – бутылочку поставлю.

Теща с тестем были люди, пока был я не женат.
Как женился – стали звери, на меня козой глядят.

Поиграй повеселей, ты моя болиночка,
от сердечка отвались горя половиночка!

Я, бывало, запою – рябина закачается,
а теперь я запою – ничё не получается.

Припевки от Марии Никоновны Новосёловой 1902 года рождения:

Утка сера, сера, сера, из пера вся серая;
милка смела – с милым села, я бы так не сделала!*

Хорошо тому живется, у кого одна нога –
и штанина не дерётся, и не надо сапога!**

Миленький, закуривай, да на меня не сбуривай!***
Я могу подале встать, могу и навеки отстать.

* Уточка – традиционный символ девушки в фольклоре.

Замечательна в припевке инструментовка звуком «р» в первой строке и звуком «л» во второй: ер-ер – ел-ла; суровый, воинственный звук для подруги и мягкий, женственный для себя; в частушке слышится едва скрытое осуждение подруги.

** Горькая шутка, вероятно, возникшая после Первой мировой войны.

*** В данном случае – не пускай дым в лицо как знак пренебрежения к девушке. Курящую девушку вплоть до недавнего времени в деревне нельзя было вообразить. Курящие старухи встречались мне в сёлах, впрочем, уже в конце XX столетия.

Частушки от Светланы Григорьевны Кунгуровой 1936 года рождения:

Я плясала - топала, искала себе сокола,
я искала и нашла красивого- высокого!*

Девки, вот кого любите – из кабинки шофера,
я люблю, не каюсь – в кабиночке катаюсь.

Не ругай меня, мамаша, что я шоферу дала:
ты сама же говорила, надо вывезти дрова.

Нас хотели просмеять, да не на тех наехали.

У нас милёнки – шофера, (мы) сели да поехали!

Милый шофер, милый шофер, я его шофёрочка,
у него на правый бок зачёсанная чёлочка.

Милый – шофер, милый шофер, ну а я – доярочка;
он в мазуте, я в навозе – вот такая парочка!

Гармониста любить – надо чисто ходить,
надо пудриться- румяниться и брови наводить.**

Гармониста полюбила – заругала меня мать.
Не ругай меня, мамаша, развесёлый будет зять!

Наша маленькая шаечка – всего четыре девушки.
Занимайте, мальчики, только без изменушки!***

Наша маленькая шаечка, шали, шали, шали!
Нашу маленькую шаечку никто не шевели!

Ох, милка моя, шевелилка моя!
Сама ходит-шевелит, а мне потрогать не велит!

Моя милка всех бассе в своём синем дубасе!****

Ох ты милочка, крутилочка, крутое колесо!
Закрутила мою голову и думаешь хорошо!

Ох, не бойка ли была – колечко ухайдакала,
отдавала – хохотала, принимала – плакала.

Заиграл полубаян у веселых ёлочек,
долго слушала стояла – думала милёночек.*****

* На вечорках парни и девушки обычно высматривали себе пару.

** Гармонист в деревне бывал «на моде», слыл лицом привилегированным, артистом, так что к его партнёрше предъявлялись повышенные требования.

*** Шайка, шаечка – здесь спаянная группа подружек; в иных случаях – группа парней (без криминального уклона в позднейшем значении).

**** Дубас – холстинная юбка. Частушка отлично «сюсюкает»!

***** Юмористическая частушка: полубаян – инструмент детский (уменьшенный в размерах баян, см. снимок в этой книге); значит, милёнок, играющий на детском инструменте, слишком юн. Весёлые ёлочки – очевидно, традиционное место сбора. В каждом селе оно своё. В деревеньке Пантино близ Нижнеиргинска выходили после всех дел «на майдан».

Гармониста я любила... (Михаил Жунтов, 50-е годы XX века; фото из семейного альбома автора книги.)

Полюбила тракториста, с ним три ночи провела,
три недели сиськи мыла да солярочкой ссяла.

У моёго милова рубашка кашемирова,
а штанишки тиковы, в опушке вошки тикали.*

Изменёную девчоночку заметно по глазам:
изменёная девчоночка глядит по сторонам.

Супостаточка моя, ох, отлёт дак и отлёт:
руки-ноги как соломинки, во рту один зубок!

Ехал Шурка на коурке – я ему маячила:
ты гуляй с моей сестрёнкой – я буду своячина.

Ехал Шурка на коурке, коурка дёрнул – Шурка пал.
Шурка выманил подарочек – гулять со мной не стал.

Никого мне так не жалко, как мою мизюрочку:
с а м на печке, о н в горшечке, мудочки в печурочке.**

*Тиковая – грубая ткань, не сочетающаяся с кашемиром. Парень одет безвкусно и неряшливо.

** Сам – муж, он – в данном случае мужской половой орган; мизюрочка – женский орган деликатного, «мизерного» размера. Муж, очевидно, старый, сморщенный и зябкий, отлёживается на печи.

Частушки зимогоров*

Ты товарищ – тезка мой, давай поделимся с тобой:
тебе соху-борону, мне – чужую сторону.

Милочка-картиночка, последня вечериночка,
отпустите милочку ко мне на вечериночку!

Я гуляю – не теряю вересовый батожок.
Я люблю – не забываю милку-серенький глазок.

На чужой сторонушке не каркают воронушки,
не чирикат воробей, да нету милушки моей.

Три я года зимогорил – четвертак домой послал.
Все соседи удивились: где такую сумму взял?*

Ветры дуйте, ветры дуйте с четырёх сторон в одну.
Ветры-ветры, пораздуйте тайну думушку мою!

* Зимогорить – уходить на зиму из деревни на отхожие промыслы, обычно на горные работы.

**Частушка насмешливая: слишком малая сумма заработана за три года.

Частушки от Козиловой Марии Георгиевны

Я галоши не ношу – берегу их к лету.
Потому их не ношу – у меня их нету.

Сторублевая гармошка не могла развеселить.
Вздумал миленький жениться – не могла разговорить.

Вы не бейте меня – я урядникова.
Всю неделю не видала ненагляденького.

Кто солдатиков не любит – мы бы стали уважать.
Образованные люди – они знают, что сказать.

Сегодня праздничек Покров, пойдем, подружка по коров.
Возьмем с собой охотничка – Ефимова работничка.

Я по улочке иду, иду не запинаюся.
Я милёночка люблю, люблю не отпираюся.

Я по улочке иду, ворочу налево.
Я милёночка люблю – кому какое дело!

Дай ты, господи, снежку, завали дорожку,
Чтобы не было следка к моему окошку.

Не корите позаочь – корите прямо в очи,
Я не много с ним спала – всего четыре ночи.

Ой, подружка моя ростом маленькая,
на вечерочку придет – разудаленькая!

Моя милка – богомолка, ко заутрене пошла
шалъ пухову промочила, шубу нову пропила.

Супротивница, не стой у крашеной заборочки,
как поддам, так полетят милёнковы гребёночки!

Частушки от разных песенниц села Шайдурова

Стары ножницы тупые – новы не наточены.
Те бы бабы не судили, у которых дочери.

Болечка, бобы, бобы, болечка, бобочки!
Не хотишь со мной гулять – отдай мои платочки!

Из-под сахару мешочек, из-под чаю баночка.
Моего милёнка любит чёрная цыганочка.

Рекрута-рекрутики ломали в поле прутики,
они ломали-ставили, по милочке оставили.

Погодите, не жените, дайте мне побаловать,
дайте мне побаловать – девчонок пообманывать.

Я пою и радуюсь: придет милый – нажалуюсь:
чернобровый, милый мой, корят подруженьки тобой!

Миленький, прости, прости все тайности-погрешности,
будем друг друга любить до самой бесконечности!

За хорошую работу Мане дали петуха.
– Мне не надо петуха, дайте лучше жениха!

Миленький женатенький стоит как виноватенький.
Кабы был он холостой, сказал бы: милочка, постой!

Миленький, постой, постой, постой под ёлочкой густой,
Постой под ёлочкой густой – последний годик холостой.

Старуха старая-престарая ходила с батогом.
Полюбила лет семнадцати – забегала бегом.

Как старуха старику завивала усики.
Перешей, старуха, юбку старику на трусики.

У меня милашка есть – срам по улице провесть:
лошади пугаются, мужики ругаются.

Ох, войны ты, война, ты меня обидела:
Ты заставила любить, кого я ненавидела.

Пословицы и поговорки села Шайдунова (90-е годы XX века)

Как Иван Васин – на все согласен.
Битому коту лишь лозу кажи.
Битому псу только плеть покажи.
Вороне соколом не быть.
В долгу как в репьях.
Дети родителям не судьи.
К милому дружку семь верст не околица.
Жить не с приданным, а с богоданным.
Ребенку дорог пряник, а старому покой.
Не торопись коза в лес – все волки твои будут.
Око видит далёко, а ум еще дальше.
Счастье – вешнее ведро.
Кто рано встает, тому Бог дает.
Гречневая каша – матушка наша,
Хлебец ржаной – отец наш родной.
Люди жать – а мы руками махать.
Хлеб на стол – и стол престол, хлеба ни куска – и стол доска.
Добрая жена подолом соберёт, а худая рукавом растрясёт.
Своя земля и в горсти мила.
Свекор – гроза, а свекровь выест глаза.
На что и клад, коли в семье лад.
Бедному Иванушке везде камушки.

Пословицы записаны от Новоселовой Марии Никоновны и Козиловой Марии Георгиевны. О селе Шайдуново близ Невьянска и его фольклоре см. в настоящей книге «Жаль мне этого веселья» и другие очерки.

Невьянск

Старинные песни

Песня 1812 года

Песня наполеоновских времен

Между гор крутых Карпатских пули бешено свистят.
Пробирался ночью темной санитарный наш отряд.
Впереди повозка едет, на повозке красный крест,
Из повозки слышны стоны: Боже, скоро ли конец?
Подождите, потерпите, – утешала их сестра,
А сама едва дышала – утомленная была.
– Вот приедем мы на место, напою всех- накормлю,
Перевязки всем поправлю, женам письма напишу.
Вот один солдатик пишет: Здравствуй, милая жена.

Между гор крутых Карпатских пули бешено свистят.
Пробирался ночью темной санитарный наш отряд.
Впереди повозка едет, на повозке красный крест,
Из повозки слышны стоны: Боже, скоро ли конец?
Подождите, потерпите, – утешала их сестра,
А сама едва дышала – утомленная была.
– Вот приедем мы на место, напою всех- накормлю,
Перевязки всем поправлю, женам письма напишу.
Вот один солдатик пишет:
Здравствуй, милая жена. Жив я, ранен неопасно,
скоро дома буду я.
Вот сестра все пишет, пишет, а на сердце тяжело:
Муж ее давно убитый, сердце кровью залито.

Между гор крутых Карпатских пули бешено свистят.
Пробирался ночью темной санитарный наш отряд...

Старинная песня про Улана

Вы уланы-молодцы, где же ваши кони?
Оседлайте мне коня – я боюсь погони.
У меня есть конь лихой – вороная грива.

Если хочешь быть женой – оседлаю живо.

Мама дочке говорит: – Слушай, дочь, совета:

Улан замуж не возьмет, помни, дочь про это!

– Я совета твоего слушать не желаю,

А сажуся на коня, с уланом уезжаю.

Через год она идет к мамоньке родимой,

На руках у ней лежит гуланёнок милый.

Прими, мамонька, прими, прими, дорогая.

Через год он будет звать – бабушка родная.

– Ты совета моего слушать не хотела,

– Так иди теперь туда, с кем совет имела!

– Ах, куда же я пойду, стала всем чужая.

Прими, мамонька, прими, прими, дорогая!

В горку речка не течет, а под горку льется.

Улан девушку любил, а теперь смеется.

Шуточная припевка к песне «Во поле березонька стояла»

Тары-бары-растабары, снежки белы выпадали,

Белы зайцы выбегали, их охотнички стреляли.

Красну девку увидали: ты девица, стой-стой-стой!

Красавица, с нами песню пой-пой-пой!

Чувиль на чувиль, чувиль-навиль-виль-виль!

Это чудо – перво чудо, чудо родина моя!

Припевка к песне поется на отличный от основного мотив, лихо, в быстром темпе. Сообщено информатором, слышавшим припевки от своего деда Ермолая, который пел играя на балалайке.

Разговор со старухами. Одна: – *И погуляла бы девчоночкой!*

(После исполнения частушек про девчонок).

Другая: – *Да и бабой бы ничё! (смеется).*

Первая: – *Теперь уж в роте один зуб торчит... (смеются).*

***

Некрута-некрутики срезали в поле прутики,

По дорожке ставили – поминочки оставили...

Наставник Невьянской старообрядческой общины Исаак Баранов с матушкой.

Фото 1992 года Дмитрия Кунилова.

Фольклорист (автор книги) в гостях у невьянских старообрядцев Барановых. 1993 год. Фото Дмитрия Кунилова

Озорная песня

Бывало, мил да ко мне ходил, бывало, мил да у меня просил...
Чару полную зелена вина \ 2 раза\.

Бывало, ему давала я, бывало, ему давала я...
Чару белую зелена вина \ 2 раза\.

Бывало, он да мне натягивал \2р.\
На праву рученьку перчатку белую \2р.\

У меня теперь шире маминой \2р.\
Бела юбочка накрахмалена.
У него теперь не стоит нисколь...
Конь вороненький у моих ворот \ все по 2 раза\.

Подробно о жизни сёл и обстоятельствах записи частушек поселений Невьянского района см. в настоящей книге в очерках «За частушками» и других.

Частушки

Из колодца вода льется – пузырится, плещется.
Моя милка как напьется – матерится, хлещется.

Не пойду я в тот конец ни по коров, ни по овец.
Пойду по телёночка – проведу милёночка.

Не ругайте меня – ругайте мою мамку
вот за то что родила такую хулиганку!

На окошке чай растёт, по окошку тянется.
Милый в Духов день женился – в Троицу покается.

Город Сысерть. Фотография XIX века

Сысерть

Сысерть – город в 30 км южнее Екатеринбурга на реке Сысерть, которая образует в центре города обширный пруд.

Сысертский рабочий посёлок возник в 1732 году как поселение при открытом по приказу де Геннина железодельном заводе.

Припевки:

Милый мой, на вороночке по Сысерти прокатись.
Вы меня обраковали – еще хуже нарвались!

Я рожу ребеночка не в себя – в миленочка:
ручки-ножки маленькие, волосики кудрявеньки.

Веселяя, девки, пойте, веселите вы меня!
Пала на сердце кручина – умирать готова я.

Поиграй, гармонь моя, покуда тихая заря,
на заре далёко слышно, послушай, милочка, меня.

У Маруси коса руса, русая до поясу.
Узнаёт меня Маруся вечером по голосу.

Охти мне, охти мне, дерутся двое обо мне,
пусть они хлестаются – я им не достануся!

Я у шмарочки на лавочке просился ночевать,
дорогая моя шмарочка не смела отказать.

Без меня меня женили – я на мельнице был.
Танцевали, выпивали – я в лесу дрова рубил.

Тятя с мамкой золотые, я серебряная дочь.
Отпустите на вечерку, сёдни месячная ночь.

Улетела утка вдаль, полетай, нисколь не жаль,
села к кусту не к тому – любила парня ни к чему.

Парень маленькой- удаленькой реку перескочил –
шубу долгую- предолгую нисколь не замочил!

Я любила Васеньку за рубашку красеньку.
Рубаха изнасилася – Василкой попустилася.

Голубые глазки злые, карие лукавые;
у моёго сереньки – завсегда веселеньки.

Черёмуха наспела – день и ночь крошилася.
Об милёнке стосковалась – хлеба есть лишилася.

Ох, гармошка- матушка, ты лучше хлеба-батюшка!
Поиграю-попляшу и хлеба есть не захочу!

Мамонька ругается: куда платъи деваются?
Она не догадается, что милый утирается.

Милый, милый, ручки вымой в ручеёчке добела,
получай кисет готовый- кремовые кружева.

Припевки записаны в Сысерти от Садчиковой Зинаиды Александровны 1908 года рождения; ей было в момент записи 92 года. Читала, писала без очков. В школу никогда не ходила. Муж жил 90 лет. Она выходила замуж «убегом, за бедного, да баскова.»

Зинаида Александровна рассказывала, между прочим, что кисеты шили хорошие, старались изо всех сил: иная, бывало, «из кожи вылупатся», чтобы был хороший кисет. Портянки тоже были модные: кружева выставляли напоказ из сапог!

Мухина Людмила Евстафьевна

Не надавит милка ноженьку портяночкой льняной;
я последний холст изрезала у мамоньки родной.

У моего милова рубашка кашемирова,
на машине шитая, три года не мытая.

Полюбила я милова – думала, угодника,
а у милова под рубахой больше сковородника!

Я милашке сделал брюхо и не буду отвечать:
У меня на самом кончике колхозная печать.

Меня милый уважал – железной тростью понужал,
от железной тросточки болели мои косточки.

Ох, милёночка женили – и гуляночке конец.

Заверяю: будет миленький соломенный вдовец.

Коровушка отелится – телёночка продам.
Подруженька осердится – милёночка отдам.

Скоро, скоро я умру – вы меня отпойте.
Мимо милки понесут – личико откройте.

Мил, поедешь ко венцу – вешай петлю ко крыльцу,
ты вернешься от венца – задавлюся у крыльца.

Это лето мне на память, это лето не забыть,
привалился к сердцу камень, мне его не отвалить.

У меня подружка маленька – вы её надставьте.
Меня станет целовать – чурочку подставьте.

Шуточные частушки, присказки, пословицы от Садчиковой:

Бабушка Ёленка, кака ты рукоделенка?
– В подоле воду нашивала, в самоваре кашу варивала.

***

У меня была жена Софья, три года на печи сохла.
Сосед пришел – слезла с печи,
ему поклонилась – натрое переломилась.
Я тут догадался – за лыко сохватался,
лыком ее сшил, еще три года с ей жил.

***

Раньше наедятся мяса да кваса – лягут спать: жене нет спаса!
А сейчас редьки да луку – лягут спать: он ни звуку.

***

Про любвеобильную бабу говорят так: у ей мужей-то было –
3 законных да 4 посторонних.

***

Поговорка: – Мы не таких видали да в воду кидали!
Диалог с соседкой: – Ты боишься смерти?
– А что ее бояться? Может, Смерть-то еще нас с тобой бассяя!

Шуточные стихи от бабы Зины (Садчиковой):

Про пировку мужиков

Как у нашего суседа весела была беседа –
распотешная!
Значит, пили, пили, пили, всем селом в утробу лили –
наслаждались!
А когда перепились, в рукопашную сошлись
– раскуражились!
И не знамо как, какое, мы попали в волостное –
удивительно!
Поглядели друг на дружку и припомнили пирушку –
восхитительно!
Как у нашего Ивана, почитай, губы нет – спьяна
потерялся.
У веселого Егора морда вроде косогора –
облупилася.
А у ближнего суседа бородёнки нет и следа –
растрепалася.
И сусед наш поневоле и бесед не любит боле –
ох, решительно!

Про семьянина

Шел семьянин домой с пьяной головой,
Сошел с дороги – подкосились ноги.
Вдруг является ему нощной обитатель.
Снял с него он сапоги, армяк и фуражку.
«Ему все равно лежать: дай, скину рубашку!»
Скочил семьянин бежать – бежит без оглядки,
У сердешна Савишна сосверкали пятки.
Прибежал семьянин домой, стòит у порогу,
Весь трясется и дрожит, сам молится Богу.
Его женка не узнала, думала – угодник,
Поглядела – это муж, экой греховодник!
Дай, ночуешь ты, мерзавец, старосте долòжу,
Перемены* две задаст – ты будешь бояться, (2 порции розог).
Ты не станешь, красношарой, пьяным напиваться!

Всё вышеприведенное записано в Сысерти в июне 2001 года.

Посёлок станции Таватуй

Полосонька

свадебная песня

Полоса наша полосонька,
полосонька да полоса наша да непахана,
не пахана да непаханая, не бороно - не боронена,
не боронена, да заросла наша да поло- полосонька, полосонька
да частым ельничком да березничком, березничком да;
тут ходил-гулял воро - вороной конь,
вороной конь, да что вороной конь да обузданной,
обузданной да шелковой, да оседланной...

***

*Песни и припевки записывались в поселке станции Таватуй под Свердловском (Екатеринбургом) 9 ноября 1990 года.
Информатор – Сахарова-Жофруа Анастасия Михайловна 1906 года рождения.
(Фамилия Жофруа происходит от пленного француза, встречается у всех родственников по отцу. Всю жизнь боялись – и до сих пор опасаются – нерусской фамилии, по признанию информатора).*

Свадебная песня

Ох, где у нас сидит, ох, где у нас сидит
князь-от тысячкой, князь - от тысячкой!
Ох, тутотка не надо, ох, тутотка не надо воска ярого свечу,

воска ярого свечу.

Тут-ить от его светит, тут-ить от его светит,
от его платьЯ, от его платьЯ.

Вышитое платье, вышитое платье частым звездочкам,
да частым звездочкам.

Ох, кум-от был, да кум-от был генеральской сын,
да генеральской сын.

Ох, кумушка была, да ох, кумушка была генеральша сама,
да генеральша сама.

Ох, где у нас сидит, да где у нас сидит нова сватьюшка,
да нова сватьюшка... (*песня дана не полностью:
исполнительница помнит не все слова.*)

Припевки

Миленький-милёночек, перестрой-ка домичек,
перестрой-переруби, меня навеки полюби.

Помни, милый, то и то, где сидели двое-то,
под белой березонькой проливали слезоньки.
Слезоньки, не лейтеся, на милку не надейтесь.

– *Что-то ничё не падает на ум. Захлестнуло вот... теперь
редко пою дак. Раньше все время с песнями: на поле идут с
песнями, с поля – с песнями; я ведь в деревне жила в молодости.
Все перенесли – холод и голод...*

Записано в 90-е годы XX века

Бог наказал

быличка

У нас еще мама-то рассказывала – про Бога. Вот была Пасха. В церковь же ходили, а перед этим – розговенье. И вот надо кого-то пригласить в гости, чтобы угостить. Сын стал кого-то звать в гости, а мать говорит: – Зачем? Не надо!

И вот сын идет, смотрит – какой-то старик валяется, такой грязный весь, ободраный. Пойдем, говорит, хоть ты со мной – разговеешься. И вот идут. А перед этим же всегда охота в баню, а баня еще теплая была. Вот он старика вымыл, передел и посадил за стол. И потом день, что ли, у него старик-то прожил,

стал собираться домой. Теперь, говорит, ты давай в гости ко мне. А этот мужик-то богатый был; куда, говорит, я должен к тебе в гости придти? Тот отвечает: вот тебе за воротами конь, садись на него, он тебя довезет. В какое-то время мужик смотрит – подъехал конь, он на него сел, поскакал и приехал к какой-то избушке. А эта избушка в лесу стояла, там птички и все такое, райский уголок такой. Ну, этот старик его встретил, стал водить по своему дому, показывать все. А там дверь была вроде чуланки – «А ты туда не ходи, не заглядывай!» А тот и думает: что же там такое, что не заглядывать-то? И так интересно ему стало...И вот вечер наступил – он туда. А дверь-то была немного приоткрыта. И он смотрит: стоит большой котел, а из этого котла женщина выскакивает – и снова туда, в котел кипящий. Он испугался и решил ее спасти. Спустился туда, ее за волосы ухватил – женщина исчезла, а волосы у него в руке остались. Он испугался: узнает старик... Взял волосы спрятал и вышел отсюда: ну все, домой поеду. А хозяин ему: ты волосы-то себе заberi.

И вот он домой приходит, – а мать его мертвая лежит, и без волос! Он тогда понял, кто этот старик-то был...Это был Бог, он мать наказал за жадность.

Рассказала эту быличку подросток, правнучка Анастасии Михайловны Сахаровой-Жофруа. Ценно то, что распространенный старинный сюжет сохраняется в среде молодого поколения.

Нижние Таволги, 1993 год

Эта деревня, основанная в XVII веке, издавна славна гончарными промыслами, художественной керамикой.

Информаторы: Чебаковы – Евдокия Михайловна,

Евфросинья Кирьяновна, Мария Леонтьевна.

Костоусова Олимпиада Алексеевна.

Агриппина Александровна Стадухина.

Шадрины – Клавдия Анфимовна, Зоя Спиридоновна,

Маргарита Степановна.

Ульяна Григорьевна Кузнецова.

Федосья Ивановна Николаева и Григорий Андреевич Николаев.

Валерий Миронович Путилов. Степан Иванович Чебаков.

Частушки

Таволги, Таволги, таволоцки жители,
таволоцкие ребята – наши уважители.

Таволоцкие ребята из себя культуру гнут:
из ковша воды напьются – будто пьяные идут.

У подружки два Ванюшки – у меня ни одного.
Задумственная подружка – отдай Ваню одного!

Все ребята в дипломатах – мой-от милый в зипуне.
Мой-от милый в зипуне – семь заплаток на спине!

Ой, девчоночки молоденьки, народец гулевой,
заросли пути-дороженьки зелёною травой!

Задумственная подруга, хоть бы ты поверила:
от измены стала я позеленее дерева!

Тополя, тополя, тополя зелёные,
что вы злитесь, подруженьки, ребята не делёные!

Всеми, всеми, всеми я, всеми я забытая,
а любовь моя в лесу под ёлочкой зарытая.

Всё ходила любовалась на траву зелёную,
а теперь я люблюсь на славушку бедовую.

Я сначала из мочала, а потом из полотна.
Я сначала замечала, а потом и завлекла.

Завлеку – любить не буду, будет чёрный как земля,
сорок раз будет жениться – всё равно возьмет меня!

Я у Коли, Коли, Коли коридорничала,
меня Коля целовал, а я модничала.

Ох, бойкая я – семерых люблю!
Только ты, подруга, – дура, привязалась к одному.

Таволоцкая барабушка веселья придает,
старуха старая идет – и та барабушку поет!*

Дорога подруженька, дорогая-милая,
Сроду я не ревновала, а теперь ревнивая.

Раз-два, три раза – любила карие глаза,
на огонёчки дула я, кого любила дура я!

По Шумихе мы идём – что-нибудь да делаем:
То поленницу раскатим, то ребенка сделаем.

Я на розову подушечку паду – реву, реву.
Моя розова подушечка не скажет никому.

Меня милый изменил – я не похужела,
только мода изменилась: юбка поужела.**

Меня милый изменил – на измену наплевать.
Я шесть лет его любила, теперь буду забывать.

Меня милый изменил, а я не заплакала,
Я другого полюбила – любовь одинакова.

Раз-два три-ста, любила гармониста-ста,
а теперя никого – душа моя чи-ста!

Раз-два, три раза – любила карие глаза,
на огонёчки дула я, кого любила дура я!

Меня сватали сваты с позолоченной дугой,
пока пудрилась-румянилась – уехали к другой.

Меня сватали сваты на хромой кобыле,
всё добро мое забрали, а меня забыли.

*Барабушка – наигрыш на гармонике и местный танец.

** Юбка поужела – намёк на изменённую фигуру после медицинского вмешательства. Горькая, злая частушка...

всё добро мое забрали, а меня забыли.

Светится, светится половина месяца.
Гуляйте, девки, с мужиками, пусть их жены бесятся!

Я любила гармониста за игру игручую,
а еще его любила за любовь кипучую.

Гармонист, гармонист, положи меня на низ,
а я снизу погляжу, хорошо ли я лежу.

Гармонист, гармонист, я в тебя втетерилась,
три недели с половиной с тобой проканителилась.

Я на Ванину гармошечку повешу кисею,
если Ваня не веселый, я его развеселю.

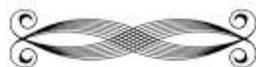
Я на Ванину гармошечку повесила сирень,
чтобы Ванина гармошечка играла веселей.

Колхозники бегут – полы раздуваются.
Артельщики стоят – смерти дожидаются.

Косыгин дует на гармошке – Брежнев пляшет гапака.
Промотали всю Россию два кремлёвских дурака.

Леониду Ильичу в жопу вставили свечу.
Ты гори-гори, свеча, у Леонида Ильича!

*Женщины о частушке, когда не могут припомнить: «мимо рта
мотается – в рот не попадается».*

Город Верхний Тагил

История Верхнего Тагила восходит к 1712 году, когда по поручению

Петра I тульский мастеровой и купец Никита Демидов начал на реке Тагил ставить чугунолитейный и железоделательный завод. Велась в Тагиле и добыча золота.

Клавдия Григорьевна Глинских

Песня «Из-под камушка»

Из-под камушка из-под белого
течет реченька – вода свежая.
Молодой купец вел коня поить,
а ревнивый муж шел жену топить.

– Не топи меня рано с вечера,
а топи меня поздней ночью,
когда детушки спать улягутся,
а соседушки успокоятся.

Уж как старша дочь не спала всю ночь,
она все видела и все слышала.

– Уж ты папенька, где же маменька?

– Стоит пудрится и румянится,
стоит пудрится и румянится,
с молодым купцом обнимается.

– Врешь ты, папенька. Наша маменька
во хладной воде да на самом дне...

Песня «Потеряла я колечко»

Потеряла я колечко – потеряла я любовь,
А об этом об колечке буду плакать день и ночь...

Где этот аленький цветочек? – он долину, милый, украшал.
Где мой миленький дружочек? – ох, он словами, милый, улещал.

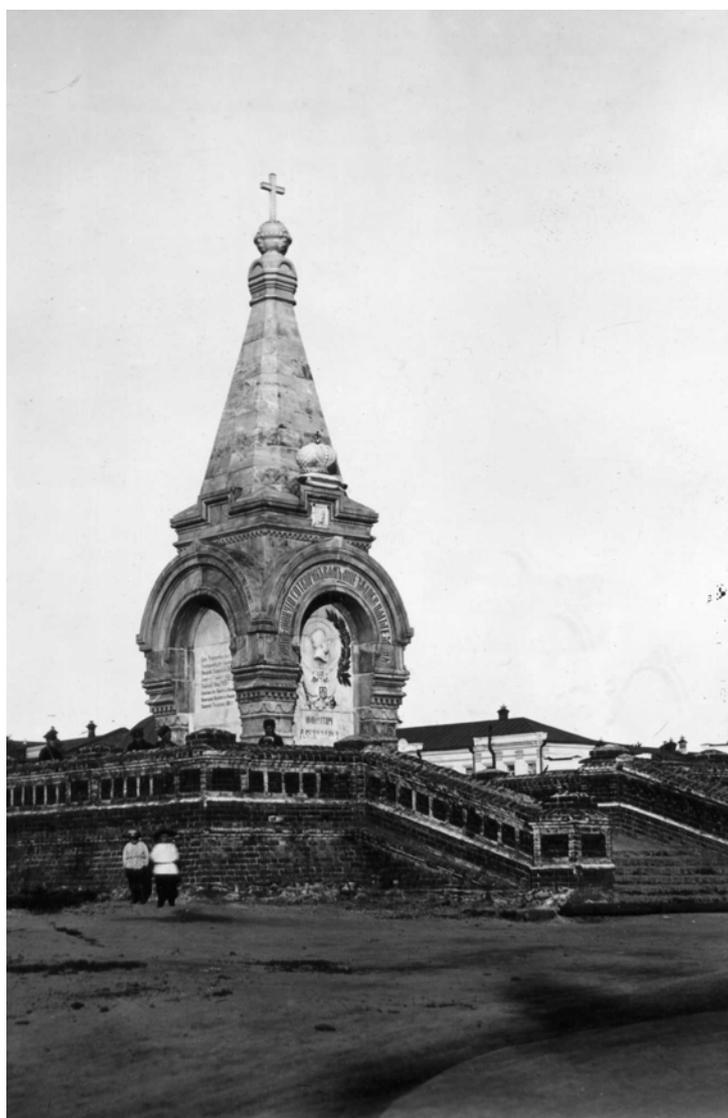
Улестил милый словами, да сам уехал от меня,
Мил уехал и оставил, ох, да мне малютку на руках.

Как взгляну я на малютку – вся слезами обольюсь,
Через тебя, моя малютка, пойду в море утоплюсь.

Сколько раз я утоплялась — не могла до дна достать,
Долго русою косою трепетала по волнам,
Долго лентой голубою украшала берега.

Ни на что так не взидала, как на этот темный бор,
Ни об ком так не страдала, как об миленьком моём.

Песня записана не целиком, часть строк исполнительница забыла.

**Памятник Александру II Освободителю в Нижнем Тагиле.
Разрушен в 30-е годы XX века.**

Частушки от К.Г. Глинских

Я люблю, не скажу, не укажу, которого,
Я люблю семейного, из трех сынов последнего.

От милёночка гребёночка – ношу да берегу,
Я почесываться буду – наглядеться не могу.

Милый в розовой рубашке – я на кофточку куплю, *(такого же)*
Не скорей ли догадается, что я его люблю.

Поиграйте, кошки, в ложки – не пролейте молоко.
Кроме милого, красивого не надо никого!

Скоро кончится война – пойдут ребята ротами.
Я своего милого встречу за воротами.

Много горя у меня, много и печали –
Всё веселая хожу, чтоб не замечали.

Подружка моя, на тебя надеюсь,
с моим милым посиди, а я пойду погреюсь.

Написал милый записочку чернилам голубым,
а в записочке написано – не бегай за другим!

Дайте мне, дайте мне чёрны туфли на ремне.
Дайте мне, подайте мне кто страдает обо мне.

Молодцы ребята бравы – они нам не женихи:
они ладятся- торопятся в солдатушки идти.

Прошло наше времечко любительное.
Теперь печальное настало – сокрушительное.

Я монашкой была, богомольницею,
Заморозила монаха за окольницею.

Весела тогда была, когда конфеточки брала,
А теперь не поёт, сидит за зыбочкой ревет.

*Из бесед: «Сейчас что уж мы? Старьё! За травинку запинамся».
Про другую песельницу: – «Она худая – через улочку видать».
Записано в мае 1991 года в Верхнем Тагиле.*

Село Тугулым

Это большое село близ Тюмени. Через него проходит федеральная автотрасса Сибирский тракт, по которому в прошлом по этапу гнали заключённых (в частности, декабристов, в честь которых в Екатеринбурге названа большая улица Декабристов).

«Тетрадка бабы Шуры» из деревни Луговая

Ветру нет, а шевелится мой платок на голове.
Любови нет – а всё истаяло сердечушко во мне!

Любила аленький цветочек
по канавкам собирать.
Любила серенькие глазоньки –
пришлось пострадать.

С неба звездочка упала,
и другая упадет.
Тебе, милый, за изменушку
растяпа попадет!

Из окошечка в окошечко
верёвочка вилась.
Погоди, милый, жениться –
девушкой не нажилась.

Я надену платье бело –
буду лебединочка.
Всю кунпанью обойду –
пришел ли ягодиночка.

Голубое, девки, небо,
голубые облака.
Сёдни видела залётка,
да и то издалека.

Прилетела птичка к речке,
напилась и мечется:
расскажите, где больница,
от любви лечатся!

Моя милка – Окулинка
за рекой она живёт.
Как захочет повидаться –
в решете переплывёт.

У залётика залётка
чёрная- немытая.
Наверно, ехали цыгане –
из возочка выпала.

Меня мамушка учила
кавалеров притягать
не помадой, не духам
– «Прижимай пуще рукам»!

Серебряное колечко
на столе вертелось.
Насмотрелись мои глазки
на кого хотелось!*

Я косила, косу бросила –
коса напололам.
Дроля, стара ухажёрочка
ухаживат за вам.**

Раньше я была как роза,
меня дождик поливал,
а теперя эту розу
ягодиночка сорвал.

* Речь о гадании колечком; девушка насмотрелась всего лишь на колечко, а не на самого парня; слышится грустная ирония.

** Интересна символика сломанной любви. Скошенная трава – любовные отношения. В порыве ревности девушка ломает, рвет с любимым.

Кину глазки по народу,
кину не одинова:
не увижу ли в народе
серы глазки милова.

Ало платье полоскала,
поиняет или нет?
Меня милый на подругу
променяет или нет?

Я потопаю у тополя,
у липы постою,
я у старого залёточка
любови попрошу.

У нас реченька застыла,
на ней тоненький ледок.
Целовал меня парнишка –
губы сладки как медок.

Поцелуй меня, милёнок,
ваша поцеловочка!
Раньше, было, целовал,
теперь забастовочка?

Голубую ленту с бантом
ты почто развязывал?
Я любила тебя тайно –
ты почто рассказывал?

Я надену платье бело –
сyzдали белеюся.
Больше я не на одинова,
подружка, не надеюся.*

Ягодиночка идет –
сигарочка осветила,
кабы знала, что идёт –
с полудороги встретила.

Парнишка в армию идет –
я не провожала,
только это времечко
без памяти лежала.

Ягодиночка на лавочке,
а я наискосых,
потихонечку мигаемся
и боле никаких.

Здравствуй, ягодиночка,
давненько не видалися.
эти две неделюшки
за годик показались.

Залётка взглянет – сердце вянет,
и по всей мороз пойдёт.
Это первая заметочка –
наверно завлечёт!

*Белое платье символизирует девство. Очевидно, девушка отчаялась найти верного спутника жизни и открыто это демонстрирует.

Тетрадь «бабы Шуры» (фамилия, к сожалению, осталась неизвестной) передана мне в селе Тугулым в 1991 году учительницей местной школы. Насколько помню, говорилось, что «баба Шура» некогда была уборщицей в этой школе, и сохранилась её тетрадь с частушками, записанными от руки. Тетрадь прибрала учительница и передала её мне как фольклористу.

***

Сказка про Филю

Жили Филя да Уля, муж с женой. Филя-то на гармошке играл. И вот в один прекрасный день Филя идет по улице, играет песенку веселую. А навстречу везут покойника. А он такие фортели выкидывает – расплясался да и только! Люди возмутились и похлестали его. Он бежит домой и кричит: – Уля, меня били!

– Да кто?

– Да вот, вижу, тащат кого-то, я и кричу им: таскать вам не пере-

таскать!

– Да ты бы снял шапку и помолился: упокой, Господи, душу усопшую.

В другой раз свадьба идет, а Филя бросил гармошку да и говорит:

– Упокой, Господи, душу усопшую!

Ох, его и побили! Бежит Филя домой: – Уля, меня били!

– Да кто? За что?

– Да свадьба шла, а я стал на коленки и молился: «упокой, Господи, душу усопшую».

– Да что ты, Филя, ты бы поплясал да повеселился.

Идет Филя и видит пожар. Он давай плясать. Ну и надрали его.

– Уж меня били, били...

– Кто тебя?

– Там пожар был, а я ну плясать!

– Что ты, Филя, ты бы взял ведро да пошел заливать.

Филя идет по бережку, смотрит, там огонь горит – свинью палят, он схватил ведро да и залил. И опять то же: «уж меня били, били!»

– Да ты бы сказал: этим бы кусочком да во Христов день разговеться. Ладно, больше ты у меня один не пойдешь!

Так и ходят по свету вдвоем, и у них совет да любовь.

Эта сказка, как и большинство старинных частушек, приведенных в этом сборнике, записаны от Лидии Ивановны Краснопёровой в деревне Пантино, затем – после исчезновения этой дивной, живописной деревни – в селе Нижнеургинское.

Лидия Ивановна, сельский ветеринар, знала огромное количество припевок, немало сказок, пословиц, присказок, детских песенок. К сожалению, её занятость – работа, хозяйство, дети, затем и внуки – помешала нам с ней записать всё поэтическое богатство. См. о Лидии Ивановне Краснопёровой очерки в настоящей книге «За частушками», «Деревенские разговоры».

Ниже — старая фотография из деревни Пантино. Женская бригада в послевоенной деревне (конца 40-х годов). Приношу извинения за слабое качество фото безвестного фотографа, сделавшего снимок на дешёвом старом фотоаппарате.

Частушки, сочиненные Ольгой Щербининой

Лес еловый, снег лиловый, сани по снегу скрипят;
уезжаю – не забуду нижегородских ребят!

В белом поле издали ёлочка чернеется.
До чего вы довели, глазоньки злодеисты!

Далеко дорожка вьется и теряется вдали.
Рано, девушка, смеешься, не заплачь потом, гляди!

Под высокою сосёнкой трава рано скошена;
Три милёнка у девчонки – ничего хорошего!

Много, много снежка в поле – ни одной травиночки.
Я по милому по Толе сохну как былиночка.

Ой, матаня-матанёк, потуши-ка огонёк,
темнота глаза не выест – зато людям невдомёк.

Надоело мне косыночку зелёную носить,
надоело мне мальчишечку молоденька любить!

Ты, парнишечка молоденький – джинсовые штаны,
не тебе за мною гнаться – отрасли хотя усы!

Говорят, уже не модно ревновать да маяться –
как с другой увижу Сашу – ноги отнимаются.

Не стучите, каблучки, каблучки точёные,
мой милёнок уезжает – буду разлучённая.

На столе моем стоит бутылка непочатая –
её некому открыть – ох, доля распроклятая!

Ёлочки-сосёночки во лесу повыросли,
молоденьки девчоночки все у нас повызрели.

Вон созрела в поле рожь – пора её убирать,
вот созрела девица – пора замуж выдавать.

Если вовремя не сжать – рожь, гляди, осыплется,
долго в девицах держать – выйдет несчастливица.

Если полюшко не вспашешь – не посеешь в поле рожь;
если ты меня не любишь, лучше, миленький, не трожь!

Переспел и осыпается во полюшке овёс.
Подруга славушку пустила – ветер по свету разнёс.

На поляночке грибы по-двое и по-три,
меня миленький целует – на другую смотрит.

В дискотеку не пойду маять зря ботиночки,
милый пляшет ламбаду – а я по стариночке.

Сини глазки, сини глазки, синие глазёночки;
всех басее у меня молоденький милёночек!

У моего милёночка зелёные глазёночки,
колючие глазёночки, как иглы у сосёночки.

Не подходит старый ключик к новому замочку.
Милку нову присмотрел – она гулять не хочет.

Повилика с викою да вика с повиликою,
эта милочка мала, а та опять великая.

Светит в поле огонёк, светит да не греет.
Меня, бедну сироту, никто не пожалеет.

Светит в поле огонёк, светит, а не греет.
Меня милый провожает – целовать не смеет.

В поле светит – и не светит красноватый огонёк.
Милый любит – и не любит, только замуж не берёт.

Ох, дымят в печурочке осиновы дровишечки,
ох, обманут- обманут молоденьки парнишечки!

Что ты, белая берёза, низко наклоняешься?
Что, молоденька девчоночка, слезами уливаешься?

Не идет река в верховья, а идет река на низ.
Если миленький не любит — хоть в лепёшку расшибись!

Наша речка неглубока, но крутые берега.
Не скажу, что я красива – семерых свела с ума.

Юбка синя, юбка синя – золочёная кайма.
Говорят, я некрасива – семерых свела с ума!

Юбка синя, юбка синя, юбка синя долгая.
Говорят, что я спесива, а я просто гордая.

Ох, любила холостых, любила и женатиков,
и плешивых, и седых, и чёрных волосатиков!

На горе стоит петух, под горою курица.
Мой милёнок любит двух, а с третьей целуется.

Ох, гармонь моя, гармонь, золотые планки,
вот возьму да завлеку инопланетянку!

Ни одну девчоночку не целует Ванечка,
дожидает, зная-то, он инопланетяночку.

Все гармонщик перебрал золотые планки,
деревенских завлекал – а любит горожанку.

Ох, ох, не дай бог полюбить женатого,
лучше, девушки, влюбиться в чёрта полосатого!

Речка быстра, речка быстра, речка с перекатами;
моя милка норовиста, а я её сосватаю.

Девушки, зима – не лето, не посеешь в поле рожь.
Если времечко уплыло – так ничем не завлечёшь.

Рано поле зеленеет – холода нагрянут.
Рано девушка гуляет – покрутят, да обманут.

Поле вспахано глубоко, да пшеничка не взошла.
Гулял с милкою три года – повернулась да ушла.

Это что и за угодья – только пни да кочки;
это что и за любовь – ревности да склочки!

Шаль пухова, шаль пухова, шаль пухова новая.
Пожалеешь ты, что бросил меня, вертоголовую!

Ох, ох, видит бог, ничем не виновата.
Полюбила, ну так что ж, на то ведь и ребята!

Ох, ох, старый плох – помирает на печи,
а зашла соседка девка – так и с печи соскочил!

Ох, ох сорок блох у собаки Шарика,
чтоб у той язык отсох, кто ругат сударика!

Ох, ох, сорок блох прыгнули на лавочку.
Язычок твой больно плох – помолчи-ка в тряпочку!

Из вечерочки пришла ни сыта ни голодна,
с семерыми поплясала, а домой пошла одна.

Мой милёнок как телёнок – не бодает, не мычит,
за материнской юбкой бегат, в телевизорик глядит.

Выпал иней, иней, иней на ветвях сосёночки.
Будет иной, иной, иной у меня милёночек.

Выпал дождик – замочил юбочку узорную.
Грубьяночка пустила славушку позорную.

Рубашечку шьешь – пальчики укалывашь.
Сама с женатиком гуляешь – на меня указывашь!

Сладка ягода брусника, ну а клюква кислая.
Грубьяночка моя уж до чего завистлива!

Ох, неровно поле сжато – попадают колоски.
Если, милый, меня бросишь – я зачахну от тоски.

Милый, брось, милый, брось, пойдя ко грубьяночке,
я Володю полюблю – у него тальяночка.

Кари глазки, кари глазки, глазки темнокарие,
гулять с вами не согласна, зря не уговаривай.

Ой, от стаюшки отстал серый селезёночек,
ох, уходит от меня Ванюшка-милёночек!

Под осенним ветерком в поле рожь качалася.
Расставалась с милым я – слезами уливалася.

Не горюйте об измене, это горе – не беда.
По весне снежок растает, снова вырастет трава.

Над засеянной полоской голуби, не вейтесь,
на женатого мужчину девчонки, не надейтесь!

Юбка красна, красна, красна, красная коротенька;
не надейся понапрасну девушка молоденька!

Юбка чёрна, чёрна, чёрна – с золочёною каймой.
Я девчоночка упорна – всё равно ты будешь мой!

Пена, пена, пена, пена, с пива пена пенится.
Женя, Женя, Женя, Женя, милый Женя женится!

На берёзе воробей, на осине галка.
Для милёнка молодого ничего не жалко!

Валя, Валя, Валя, Валя, что за Валя инвалид:
каку бабу не увидит – так на ту и не стоит!

Коля, Коля, правда колет бесстыжи твои глазочки,
не рассказывай ты боле мне, дурёхе, сказочки!

Володенька, Володенька, красивые глазёночки,
володей ты мной, Володенька, молоденькой девчоночкой!

Эх, шалка моя шелковистая,
полюбила я парнишечку речистого!

Эх, юбочка с оборочками синяя,
полюбила я парнишечку спесивого!

Мне в подарок мил привёз курочку да борова.
Рассмешил меня до слёз – наобещал с три короба.

Ваня, Ваня, Ванюша, у него добрая душа:
летом травки, зимой снега не получишь ни шиша!

Мой милёнок- кареглаз целовал по многу раз;
сладкий как пирожинка, звать его Серёженька.

Наша Саша хороша, тонкая тростиночка,
еле держится душа в эдакой былиночке.

Ох, тростинка ты, тростинка, тонкая тростиночка,
переломишься, смотри, на две половиночки!

Ты форсунья – я певунья, уж кому что нравится.
Всё равно ко мне вернётся, милый мой, покается!

Собирала я грибочки и в корзиночку клала.
Ожидала девка ночки на потайные дела.

Маня, Маня парня манит, обещает стать женой.
Но матаня только манит, ну а замуж ни ногой!

Маня, Маня, меня манит, обещает стать моей,
но матаня только манит, в заправду – ни ей-ей!

Колосится в поле рожь, ягнится овечка.
Жениха ныне найдешь – наденешь колечко.

Поднимает всех на смех, будто сам он лучше всех;
от такого подлеца не возьму его кольца!

Полоса, полосонька, пропала моя косонька,
пропала лента новая, да голова бедовая!

Косы точат, косы точат – на покос собирают,
лясы точат, лясы точат – сплетни собирают.

Подружки, лягу помирать на тесовую кровать:
не могу я без милѡва, а милова негде взять!

Девки, вот кого любите – молодого дилера.
Только вы не перепутайте дилера и килера!

Дилера́, дилера, парни бравые лихи,
дилера – не шулера, подходящи женихи.

Килера́, килера, вы наденьте кивера,
во солдатики ступайте, вам давно туда пора!

Речка бурная журчит, по камням постукиват.
Свекровь лютая бурчит, младешеньку поругиват.

Не любите Виктора – карманы дыроватые,
полюбите Ванюшку, парня тароватого.

Валя, Валя сосны валит, Валя строить будет дом.
Девке счастьеце подвалит, Валя женится на ком.

Толю, Толю, Толечку не люблю нисколечко,
только вот без Толечки не могу нисколечко!

*Полюбила я парнишечку молоденького...
(Анатолий Балдин, фотография 1960 -х годов подарена в деревне
Пантино .)*

Ваня, Ваня, Ванюша, денег нету ни шиша!
Толя, Толя, Толечка, денег нет нисколечко!

Широки баски ворота у бабёнки боевой,
только что-то неохота к ней заехать на постой.

Горка крута, горка крута, лучше горку обойду,
У меня свекровка люта – ни словечка не скажу!

Присловья, сочинённые автором книги (О.Щербининой)

- Откуль идешь?
- С беседы.
- А много ль было народу?
- Да немного, все свои:

Любка-себялюбка
Ленка — остры коленки
Оля – ветер в поле
Даша- завлекаша,
Лиза-подлиза
Галка — тоща палка
Люда не как люди
Нина что перина
Фекла нос как свёкла
Степа-недотепа
Шурик-мазурик
Петрик-недопетрик
и конечно Ванюша - денег нету ни шиша.

Так что только тебя и недоставало!

***

Ехал дедушко в собес, да попал в дремучий лес:
не помогут, не спасут, только пуще обдерут!

***

Паренька попутал бес – он не в ту дыру залез.

***

Не ходите, девки, в лес – в тёмном лесе сидит бес.

***

Нету хуже доли, чем принести в подоле.

***

Оставайтесь в девках доле – замужем не сладка доля.

За частушками

Соприкоснѐно с вечным

Зачем едешь в деревню? Прежде всего – послушать народную речь. Отдохнуть от бесцветного городского жаргона, полублатного – полуконторского, этакого ширпотреба, которым и пользоваться невозможно, и выкинуть не получается: нет в большом городе другого языка. То ли дело припевка, частушка!

Народ чрезвычайно чувствителен к походке, жесту, тембру голоса, и все это отражает в своём творчестве.

Хриловат мой голосочек, хриловато я пою.

Не за это меня любят – за хваточку мою.

***

Замечательна походочка у дроли моего.

Он пошел, а я внимательно смотрела на него.

Красивая походка, плавные движения, ценятся не меньше красоты лица. Недавно в той же Шайдурixe я записала:

Супостаточку не знала, сам матаня указал:

юбка чѐрна длинная, походка лошадиная!

Чтобы корить за походку, нужно обладать художественным чутьем, (а корить за природные недостатки, увечья – никогда до этого не опускается частушка.) В приведенной припевке сразу два незнакомых горожанину слова: *супостатка* – соперница (в иных вариантах «грубиянка, грубияночка») и *матаня*. Это последнее слово вывожу из понятия мотать душу, изматывать любовным недугом. Подобные словечки сохраняются сегодня уже только в частушках, в повседневной жизни произносить их люди стесняются. Научили народ, что он говорит «неправильно», а правильно

– это как в конторе, не летось, допустим, (какое дивное слово, стариннейшее: летом сим, сокращенное до «летось»), а надо, мол, – «в летнем сезоне».

Один только во всем бесстрашный Солженицын взялся за гигантское дело реконструкции русского языка – составил «Русский словарь языкового расширения». Его публикует журнал «Русская речь» (№3 за 1991 год). В романе «Красное колесо» из двух только страниц я выписала 20 солженицынских неологизмов (новое – это хорошо забытое старое) и попустилась: иначе надо было бы попросту переписать чуть не всю гигантскую эпопею наново. Роман весь полон дивных полузабытых слов. Вот некоторые драгоценные напоминания:

*Небуденная радость
слитие всех классов
газеты клякали (о царе и Распутине)
фронтальная закинутость
неуки
наседливый
соприкоснён с вечным
пасмурь
мимопутная женщина
неуговорная девчонка*

Народ конгениален своему великому писателю. Уж не говоря о классиках устного народного творчества Ирине Федосовой или Марии Кривополеновой, безвестные деревенские исполнители, импровизаторы, сочинители в лучшие свои минуты поднимаются до истинных вершин народного красноречия. Встретилась с ними по деревням и весям случайно – а не забыть! Тамару Ивановну Канонерову, что год назад упокоилась в родном Висиме; так и стоит у меня в памяти ее живой неторопливый и терпеливый голос. А ча-стухи Канонеровой! Вот только некоторые:

***Полюбила я милёночка характерного,
а на личико баского, аккуратненького.***

Вот вам и языковое расширение: харáктерный – т. е. нравный, с характером, с норовом, своенравный. Жила она на Заречной улице, ну а он в центре села.

***Завлеку, завлеку, пускай походит за реку,
по холодной по воде. Пускай подумат обо мне!***

***

***Дорогой, дорогой, тебя в болото головой!
В самую болотинку завлек меня молоденьку.***

В этой частушке замечательна двусмысленность последней строки: парня окунуть бы в самую болотинку – туда же, куда завлек он неопытную девушку. В болото – место исстари нечистое, где черти водятся.

В Шайдурixe немало было «песельниц», как их здесь называют. Памятна встреча с Марией Георгиевой Козиловой, сочинительницей и заядлой исполнительницей частушек.

***Голубого не видать, с оборочкой не нашивать.
Кoих мы любили ране, парочкой не хаживать.***

Впрочем, теперь Мария Георгиевна жила в Невьянске, куда вышла замуж в свои 70 лет. «Одной-то уж трудно перемогаться». Но и не в том только дело, а ведь у нее и душа-то была еще молодая. Восхитительные жизнелюбие и жизнестойкость.

***Я надену бело платье – полоса на полосу.
Что хотите говорите, я ведь все перенесу!***

«Полоса на полосу» – как в самой жизни с ее бедами и радостями. Записала у Козиловой припевки, чья краса и смысл – в оригинальности рифмы или совпадении звучания слов.

***У кого в кармане вика? Вика, вика у меня.
У кого миленок Витя? Витя, Витя у меня.***

Нижнетагильский этот куст: Висим, Невьянск с прилегающими селами, поселками и деревнями богат фольклором. Песни, припевки, были и былички, легенды, загадки, пословицы и поговорки практически неисчерпаемы. Во всяком случае до последнего времени так было. Но время течет, как вода, уходят старики, а молодежь тех песен уж не поет...

Крашенные саночки, мочалены завёрочки.

Я за то его люблю – прищуриват глазёночки.

Это уже музыкальная семья Вахтомовых из Висима, где все пели и играли на гармонии, на балалайке. Помнится: семья дружная, дом справный. Сам Вахтомов обладает сильным красивым тенором. А по его словам, куда ему против отца: вот тот пел так пел! (И душу щемит: сколько великих талантов пропало в неизвестности по нашим деревням...) Мог бы отец, да и нынешний Вахтомов стать оперным певцом, доведись им учиться. Вахтомов склонен к лирике, поет протяжные, все больше печальные песни. А вот жена его красавица, та, подыгрывая себе на балалайке, сыплет частушки, да все больше озорные. С душою, со слезой пел Вахтомов ныне уже почти совсем забытые баллады, старинные тюремные песни – «Ланцов из замка убежал», а также лирические песни о любви.

...Всех помню и люблю: Григория Сергеевича Федулова – деду Гришу, как его звали; приехала летом уж на его девятины, на ту же Заречную улицу, где жила и Канонерова, и вообще вся та поездка оказалась – помин. Был деда Гриша неутомим, певал в свои 90 лет баллады с большим чувством, с переживанием всех перипетий сюжета: девушка, что шелками шьет платок, встречает королевича в образе матроса. Извечная мечта: в рубище повстречать скрытого королевича, в униженном обличье – величие и неперемное в итоге торжество справедливости. Сюжет всемирной Золушки. Из нищеты и унижения полет к богатству и почету. В русской сказке, в том же «Аленьком цветочке» – путь от отринутости и унижения – к красоте, любви и верности. Мечта глубинно духовная.

... И вот ведь о чем думаешь, колеса по неприятной нашей земле, трясясь в холодных битком набитых автобусах и обшарпанных электричках: неурядицы уйдут. И холод, и голод, и пустые полки, и не очень-то толковые поправки к параграфам, и ожесточение людское. И только это останется: не повторимые нигде на земле холмы, и плавные мощные взъёмы дороги, и березовые перелески, и неяркое небо над ними, и внезапно открывающаяся за поворотом рушенная, да непорученная церковь. И останутся песни и сказки, и пословицы – народная мудрость. Останется то, что, по слову Солженицына, соприкоснѣно с вечным.

Я любила – ты отбила...

Со Светланой Георгиевной Кунгуровой, учительницей средней

шайдуринской школы, я встретила на коротке, а записала разом пол-тетрадки частушек. И все отборные! Светлана Георгиевна торопилась убрать сено возле учительского блочного дома, сгребала и пела, а я торопилась записывать. Мы с ней все больше про любовь писали. Частушки порой весьма задиристые, едкие, хлесткие. Особенно мужские:

Я не сам ворота мазал – мазала мазилочка.

Я не сам в окошко лазал – открывала милочка.

Припевка эта из тех времен, когда «нечестным» девушкам мазали ворота дёгтем. Сейчас этот обычай устарел хотя бы по той простой причине, что, как заметил один мой собеседник, в России не хватило бы дёгтя.

Ох, милка моя, кака ты интересная:

ночевать ко мне ходила, замуж вышла честная!

Про измену, про «изменённую девчонку» (про ту, которой изменил парень) гуляет великое множество припевок.

Трактор пашет пашет, пашет чёрную земелюшку.

Я сказала трактористу; запаши изменушку!

...Наслушалась этим летом припевок и как-то в праздники — благо, никуда спешить не надо – напекла будто и против воли сама частушек сотню. Они как-то настолько все разом пропелись, простые, очерченные кругом извечных представлений и традиционных образов, что я засомневалась: да я ли впрямь сочинила? Проверяла у песельниц – нет, все мои. Просто ведь образы эти носятся в воздухе. Кто-то должен был их пропеть:

Не идет река в верховья, а идет река на низ.

Если миленький не любит – хоть в лепешку расшибись.

*Ох, дымят в печурочке осиновы дровишечки,
ох, обманут-обманут молоденьки парнишечки!*

Целый цикл напелся про грубияночку:

*Грубьяночка моя завистливого норова:
на напёрсточек увидит – наплетет с три короба!*

Немало сложилось шуточных припевок:

*В дискотеку не пойду маять зря ботиночки:
милый пляшет лампаду, а я по стариночке.*

А все же не дотянула я до лучших народных. Таких как уральская начала XX века:

*Шей, машина, шей, машина, паровая, нитки ски.
Кабы милый не гармонщик, я пропала бы с тоски.*

Изоощренные рифма и ритм! Припевка эта на мой взгляд – гениальна, настоящая классика! А записана она, кстати, при не совсем обычных обстоятельствах. Очутилась я 9 ноября в посёлке при станции Таватуй. Розовые снега, зубцы черных елок на вечеряющем небе, пухлые скаты крыш. Русская природа! Только уж очень холодно, хоть убегай. Но не возвращаться же в город без улова, хоть с одной старушкой да побеседую! Однако ворота мне в тот вечер никто в селе не отворил. Времена в наши 90-е годы такие: боятся бабушки незнакомых людей, а тут ведь еще поселок пристанционный, шастают-то всякие...

И все же чудом попала я в избенку к Анастасии Михайловне Сахаровой, урожденной Жофруа: род ее происходит от пленного француза. Как водится, начинается беседа с рассказа о жизни, ох, до чего же тяжелой; воистину великомученицы были наши матери и бабушки. «Мне лет 11 было, когда меня отец привез из приюта, я в приюте жила, мать у меня умерла, я трех лет осталась, а отец жил в работниках. А в 17-м году он меня из приюта забрал, я там 2 класса школы закончила.» Потом тяжкая работа, война, снова работа. *Всё перенесли, холод и голод* — это стало уже присловьем в любой деревенской беседе. Но и тут же, ничуть не снижая заряда беседы, говорит Анастасия Михайловна о вечерках и посиделках, о свадьбах. Это ведь тоже была жизнь — не хлебом единым. «Раньше все время с песнями – на поле идут с песнями, с поля идут с песнями».

...Собирательство припевок втягивает, как всякое коллекционирование, хотя народное творчество и больше, чем коллекция. Вот

в Невьянской гостинице гоняем чай с дежурной, и тут же записываю с десятков отборных частушек, нигде раньше мне не встречавшихся. Вот, например:

**Мне совсем не интересно, что окончилась война:
все вернулись – мой остался во земельке навсегда.**

Такая вот откровенная, жесткая частушка. А вот и моя вослед:

*Прохудилась рубаха – тело белое видать.
Не ходите вы, ребята, в чужу землю воевать!*

Здесь, правда, дается нравоучение, вообще-то припевке не свойственное, там все сказано сжато, энергично, сильно, а выводы делай сам. Но возможны и такие припевки, как мною сочиненные:

*Над засеянной полоской, голуби, не вейтесь,
на женатых мужиков, девчата, не надейтесь!*

... Чудо: жизнь переменялась, а частушка жива. И какое гулянье без частушки? Одним словом: играй, гармонь! Жарь! Наяривай! Ходи- говори!

Всё с крючка, всё с петельки!

– Были у нас Катька с Танькой. Такие певуньи! Звали их: вон Руслановы идут! У Катькиного отца была тальянка. Старуха умерла, они вдвоем с дочерью жили, он на балалайке играл, она на тальянке. А пересмешницы какие были эти подружки Катька с Танькой! Ни словечка спроста не скажут: всё с крючка, всё с петельки...

Это я разговариваю с талантливой деревенской подругой моей Лидией Ивановной Краснопёровой из села Нижнеиргинское, многожды уже помянутою мною в фольклорных публикациях. Деревенские записи, сделанные летами на Урале, кажется, не перебрать до конца дней, и одно другого ярче. «Всё с крючка» да это же древнерусское «плести словеса»!

Искусство устной речи доведено до совершенства: и звуковой состав, и ритм речи, и эмоциональность, всё — краткие безымянные шедевры, уходящие из современной жизни. Хоть что-то удержать! Разговор соседок:

— У Нелидихи мужика на «скорой» увезли!

— Да что ты! То-то я смотрю из окна: что это она — ступя-неступя идет?

Ступя-неступя — это значит кое-как, еле плетется от горя. Это произносится с сочувствием. А вот как деревенская жительница осудит нелюбимую сноху:

— Манька-то? Я ее не шибко праздную (т. е. ей не радуюсь). Кровать увидит — и уж спит!. — Сказать ли ярче про ленивицу?

— Петро? Да он ночью родился (пауза, смех)... и головой под лавку.

Это про темного, бестолкового соседа, не видящего дальше своего носа. Про такого еще обмолвятся: «ума палата — да ключ потерян». Беспечного глупца, что рубит сук, на котором сидит (что сплошь да рядом: зверски рубят лес в окрестностях!) — припечатывают поговоркой: «Провались земля и небо — я на кочке проживу!»

Это не речь, а стихи и проза. Так воодушевишься, наслушавшись, что и сама, коренная горожанка, начинаю балагурить. За этими записями в тетради значатся и мои изыски: «Была Русь кандальная — стала Русь скандальная» или — «обман валюты» и т. п. Но все же народные присловья лучше.

— Лида, как у вас тепло сегодня, уютно в избе.

— Дак ведь и на улице тепло. Наша горница с Богом не спорница.

— Лида, в магазин рыбу привезли! (Понятно, для села — событие).

— Да я уж все деньги распукала. Десятка в кошеле — вот и вся жисть... Где богатый с кораблём — там бедный с кошелём.

Про мужа рассказывает: «Пришел питой. Я: вот ходишь ищешь безголовья-то!»

Краткий рассказ о пьяницах:

— Ох, опохмелиться бы!

— Дак на!

— Ох, спасибо, друг! Ох, мне бы ещё!

— Дак на!

— Ох, так бы всё и пить!

— Дак на ящик водки!

— Да как хоть тебя зовут-то, друг?

— Да зови просто... Белая горячка!

Все это рассказывается в лицах, с соответствующим выражением: сперва пьяница умирает хочет выпить, потом льстиво-угодливо спрашивает имя благодетеля в расчете на поживу и в будущем, наконец, после ударного — «зови просто Белая горячка», следует, как говорится, немая сцена...

Целый цикл — про вятских.

Вятский — мужик хватский: семеро одного бояться.

Один под стогом — семеро на стогу и кричат: не заваливай!

Вятские купили ружье: шесть схватились (за него), а седьмой говорит: а я буду смотреть, куда полетит.

Вятский цикл сравним с габровским, знаменитым, но, в отличие от заграничного, кажется, нигде не записан.

... Русский народ фантастически талантлив. Только вот помнить бы мудрое наше присловье: что имеем не храним — потерявши плачем...

1992 год, Екатеринбург

Жаль мне этого веселья...

*Записи беседы с носителями фольклора в селе Шайдурово.
Стихи сельских поэтов.*

Разговорила с тремя подружками в селе Шайдурово, по-простому — в Шайдурихе. Мария Николаевна Суслопарова да Новосёловы Антонина Петровна и Нина Михайловна попели мне песенки, спели и частушки. Потом завели мы разговор о былом.

— Раньше мы были весёлые, пели-плясали... У меня тётка до 90 лет пела. Вот уж когда ходить перестала, так не пела, а так всё пела! А сейчас люди такие угрюмые, недовольные, уставшие. Неживые прямо. Вот нету энергии, нет чего-то... вот только ели бы да спали. Поели — и валятся на диван. Бывает, соберёмся, ну чё это? Даже гармошки нет. Нету, нету, ни гармошки, ни одного игрока. Так вот просто без гармошки поём. Но поём. Есть они, игроки, — так не выгацишь на верёвке!

— Мы веселье сами создавали себе. Вы не умеете! У вас в рабочие дни и в нерабочие — приёмник. Вы и не разговариваете — играет приёмник и всё. Да это разве веселье!

Женщины поют мне песни «Тропинка», «Малина», «Бежит речка по песку», «На берегу сидит девица», «Деренский мужичок», «Зачем ты, безумная, губишь...» Я записала песни на магнитофон, передала на областное Свердловское радио...

– Собирались большими компаниями по 20, по 30 человек. А пили понемножку. Если вот литр вина, так это какую компанию можно принять! Пили вот такими маленькими рюмочками 10 – 15 грамм, и притом только мужчины. Женщины вообще не пили. А пели очень много, потому – умели веселиться. Балалайка, гармошка. Если нет ни того ни этого – так созвонят в заслонку (печную – ред.) и пляшут. Но пляшут, понимаете? Танцуют как умеют. Весело было!

– А какие пляски были?

– Всякие. И Русскую, и Барыню плясали.

– А какие праздники были?

– Было 12 праздников, все они были распределены. У нас Ильин день был – престольный праздник в нашем приходе. В каждом приходе свои были праздники. Скажем, в Конёво – Ильинская пятница, в Аятке – Ильин день, у нас – Престол. К этому дню приезжают к нам со всех деревень. Отдавали ведь замуж из других деревень сюда. Если престол – отовсюду гости приедут сюда. Поэтому собирались гости большие. И ходили по домам. Вот у меня отсидели – в следующий дом идём, и так, может, (посетим) семей 6 – 8. Ну вот поплясали, посидели – и пошли по улице с гармошкой, с песнями.

– У нас как было? Вот был притон – это значит место сборища. Вот летом косят, сгребают, приезжают поздно, уставшие. Поужинали – тятя отпустит, прибежишь (в притон) – тут гармошка, парни, девчата. Мы пляшем, а напротив старушки сидят, они всё видят: какую девчонку там дёрнули, который парень изматерился. Там всё уже будет известно: вчера такой-то вот на притоне нехорошее слово сказал. Или скажут: вот, смотри-ка, вчера девка-то, вот парни чего позволили... Родители всё знали исключительно о своих детях, потому что те не в лесах были – они были на виду. А потом, когда уж ушли в лес (из-под надзора), начали девки гулять. У нас не было этого! – А старушки-то где сидели?

– На завалинке. У нас завалинка против (избы), они смотрят, как там танцуем. Они всё видят, как кто с кем себя ведёт. Каждую девчонку видят, каждого парня видят.

– Даже в войну – ведь тяжёлое время было, голодные все – всё равно идут вдоль деревни: и кадрили, и плясать! Идут: сперва гармонист, потом пары кто с кем дружит; никто не отделяется, идут всей артелью. И парни проводят девчат до дому. Вся молодежь на виду.

– А собирались в излюбленных местах или у всех по очереди?

– Где облюбуют. Вот у Степана Григорьевича хорошая изба. Там завалина хорошая. Сухо всегда, хоть дождик, хоть что. А здесь вот (в этой части села) – у Ольги Евгеньевны. Ну, часов, может, до 11 проплясали, а потом прошли вдоль по улице.

– Собирались у Левоночевых, у Белоусовых. Никакой безобразии! Никогда не хватнут парень девчонку, не шлепнут. Я вот даже удивляюсь: сколько ребят было – и хамства никакого!

– И потом, чтоб скверные песни ребята на улице запели? Нет. Поют песни, но песни хорошие!

(Рассказывают, как в церкви стояли на Пасху, как отмечали праздник).

– А церковь где была?

– А вот тут в тополях...*(Следует рассказ о том, как перед каждой Пасхой настилали свежие доски на дороге к церкви, как вешали вокруг оградки церкви разноцветные фонарики, украшали колокольню.)*

– Приходим – народу столько, все со свечками. Стоишь впритирочку, потому наряды не надевали – может загореться.

(Описывают Крестный ход, звон колоколов...)

– Сердце колотится-колотится! Торжество передавалось! А сейчас что... Сломали церковь...

Дальше женщины опять поют мне старинные песни и припевки. А еще частушки собственного сочинения.

Нет, не умерло народное искусство! Шайдурихинские пенсионерки мечтают о народном хоре – «Нам бы только руководителя!» Они хотят исполнять старинные песни, а также новые собственного сочинения.

Мария Николаевна Сулопарова пишет стихи и песни, а её соседка Антонина Петровна Новосёлова – музыку к ним. Тетрадь Марии Николаевны надписана так: «Стихи мои добрым людям».

Ниже привожу некоторые из её песен.

Ветка рябины

Ветку рябины с тяжёлыми гроздьями

Клонит всё ниже к земле.

Осенью позднею ягоду спелую

Дай, подарю я тебе.

Темною ноченькой осенью позднюю
Я не вернусь, не жди,
Но ветку рябины с рубиновой гроздию
Ты мне позволь поднести.
На ветке рябины я слёзы оставлю,
Их заколдую любя,
И тёмною ночью встречаясь с другою
Горько ты вспомнишь меня.

Народная образность, грустная и кроткая лиричность, чуткая звукопись отличает лучшие песни Марии Суслопаровой.

Малина

Ох, малины, ох, малины много- много во лесу!
Чтобы мама не ругалась, я ей ягод принесу.
Сверху солнце, рядом милый – греет, млеет всё кругом
И не колет во малине мои ноги босиком.
Принесу из лесу ягод спелых, сочных, налитых,
Нас в малине не увидят сердцем любящих двоих.
Ох, малины, ох, малины много- много во лесу!
Чтобы мама не ругалась, я ей ягод принесу.

Вересочек

Вересок, вересок, вересочек,
Посажу я тебя в свой садочек.
Вересок, вересок, вересочек,
Никого не пускай в мой садочек,
Лишь пусти одного ты дружка моего,
Вересок, вересок, вересочек!
Отворю я окно для него одного,
Так мне мил и любим мой дружок!
Вересок, вересок, вересочек,
Ты иголки стряхни и тропу застели,
Чтоб никто не видал, что сосед побывал
В мой садочек, вересок, вересок, вересочек!

Многочисленные родники питают море фольклора...

Уходящее...

Народное красноречие

Сегодня наша повседневная речь стремительно меняется, богатейший словарный запас оскудевает, беднеет оттенками, нюансами, становится суше, казённее, в том числе из-за использования иностранных слов. Язык наших сел и деревень и вовсе уходит безвозвратно. И остался он по сути недостаточно востребованным высокой культурой и, я бы сказала, так и не стал в полной мере общерусским достоянием. Пушкин и Гоголь, соединив две стихии языка: академический, бывший до них холодным, салонным – и простонародный, создали современный русский язык, обогащенный в начале XX столетия выдающимися писателями, но при всем том большие пласты народной речи остались невостребованными и на наших глазах почти уже совсем исчезли.

Между тем в старинном селе, рядом с грязной языковой пеной, можно еще и сегодня услышать такое, что сентиментальные слезы навернутся филологу на глаза.

Спросите ли молока встав у окна в белоснежных строченых занавесках с геранью на подоконнике — пристукнув створкой, хозяйка высунет голову в платке и пропоет:

— Утрешнего нет, а вот вечер много надоила, налить?

И вспомнишь: «Вечор, ты помнишь: вьюга злилась»... А ведь слово *вечор* осьмнадцатого еще столетия! И живет себе полноценной жизнью в несуетной, певучей речи уральского села. Отхожу с банкой вечерошного молока и слышу разговор соседок у окна:

— Марeya, пошто ты не у Дарьи на именинах? Все уж собрались.

— А мне не торопно. Да к ней идти не манит: они не из простеньких. Сама знаешь: все каурзы строит.

— Да и то. Я утреса пробудилася, лежу и мыслю: уж не ходить ли не то?

— Ну и что удумала? Не пойдешь?

— Эк ты судишь неладно! – Конечно, всё равно пошла.

Готовый кусок театрального действия, только записывай! Даже с одного короткого подслушанного разговора составила я словарик живых слов прошлого и позапрошлого столетия, не востребованных академическим языком, вернее, выбывших из языка городского давным-давно: *пробудилася, учинилося, кои, судишь, паужнать, в та поры, малехонько, делать ладом, большая сестра, живут*

особе (отдельно; отсюда фамилии Собинов, Собянин).

Для обозначения работы на селе употребят десятки слов с разными значениями и оттенками: *робить* скажут редко, разве что в официально-безличной речи: робить на производстве. В живой же речи вставят слово точное, яркое, образное. Хозяйка Мария Николаевна Балдина (Царство небесное!), приютившая меня на неделю отпуска, объясняется так: четыре часа *проплясала* возле шанег (стряпала ради гостя, понятно). Пололи картошку — три дня *хлестались*. Плетень у огорода будут плести или ладить, а пельмени лепить. Не то что уныло-однообразное в городе: и пельмени делать, и забор делать, и поминки делать (а в народе — *справлять*: в слове слышится правило, уклад, традиция, справа).

Собрались мы с Марией Николаевной в лес за земляникой. Упреждали нас, правда, что ныне неурожай — залило, но мы решились пойти: «дружком дорожку не изведашь, пока сам не проведашь». День выбрали подходящий — среду: «среда да пятница без солнца не живут». Накануне в лес пойти хозяйка моя отказалась: «сухорос, вишь, кака погода связана: дож будет». И точно. А в среду и в самом деле выглянуло солнышко, и пошли мы не куда-нибудь, а на гору, в самую «зону». Слово это новое: на древние владения лешего — а его сила распространяется только на строго очерченной территории — наслоились новейшие представления об экологических бедствиях и «летающих тарелках». Как бы то ни было, а на макушке Гришиной горы признают эту самую «зону»: там мужика ударило, будто кто его толкнул сзади, и очнулся он незнамо сколько пролежав (гипертонию в расчет брать не стали). В зоне мы набрали-таки ягод, но земляника оказалась *дожжсевата*.

Зона не зона, а и в самом деле тем летом привычного облегчения здоровью среди уральской красы не случилось; а хозяйку мою после похода в лес и вовсе залихотило, и тут уже я насмелилась давать советы по излечению радикулита...

Это все мое любимое, многожды летом посещаемое село Нижнеиргинское близ Красноуфимска. Благословенный край с его роскошной южноуральской природой и старинным селом, впитавшим окрестные живописные деревеньки в пору хрущёвского уничтожения «бесперспективных хозяйств».

А вот и другой крупный уральский район, сюда — в экспедицию как обычно за свой счет. Всё старинные места...

Невьянск — горнозаводское гнездо начала XVIII столетия. Тогда на Урал волею Петра I и деловой хваткой Никиты Демидова заво-

ды выростали как грибы, Невьянский всего-то за три года. И это не абы как, а домны по последнему слову тогдашней техники. И вдобавок архитектурные изыски вокруг; знаменитая Невьянская башня, наклоном повторяющая Пизанскую, — эмоциональный центр заводской краснокирпичной архитектуры. Подобен он восклицательному знаку на синем небе, с тою же задорною особинкой, что удивляет талантливостью, а то и самодурством русского человека. Не говоря про Италию, у нас «падающая» башня — явно от удалы и ухарства русского характера.

В Невьянке, как во всяком уральском городе, в центре — плотина, пруд, старинный завод на берегу. И — особняки, где классицизм, барокко и модерн сплелись в единый уникальный, выразительный облик. По улицам дома-терема, украшенные затейливой резьбой: наличники, карнизы, подзоры сплошь кружевные, а ворота — подлинные произведения искусства.

Сюда я приехала по фольклорным искусам. Манила встреча в деревне Шайдурихе с носителями фольклора и народного красноречия. Что народ наш душевно богат, знаю с детства. Домна Ефимовна Сидорова, моя бабушка, до самого последнего дня, 84-летняя, почти уже совсем слепая, читала Евангелие и Льва Толстого. Толстого она, окончившая три класса сельской школы, читала от корки до корки почти непрерывно. Всегда знал народ своих духовных вождей, каких бы «отцов» ему ни навязывали. В Шайдурихе 90-летняя Александра Петровна Катаева рассказывает наизусть Пушкина и Тютчева. Для нее эти стихи — самые народные. Катаева тоже окончила в свое время три класса сельской школы и по сию пору слывет среди соседей грамотной. Занимала высокие должности. Хорошо учили в той сельской школе, знания давали основательные.

Художественной одаренностью наш народ не обделен. По городкам и селам то и дело говорят «в рифму», импровизируют на ходу. Мария Никоновна Новосёлова, старая женщина под сотню уже лет с гладким, без морщин, лицом и черными бровями, спела собственную припевку:

Сегодня праздничек Покров,
пойдем, подружка, по коров.
Возьмем с собой охотничка,
Ефимова работничка.

(Работали девушки некогда у богатого мужика Ефима).

Входи в каждый дом — везде сочинители.

...Но вот и деревня Шайдурово. В начале XVIII века, при Демидове, создалась «корона» вокруг Невьянска — приисковые поселки с шахтами и шурфами. Как и в селе Висим под Нижним Тагилом, где довелось побывать перед тем. Висим — большое старинное село, с традициями, крепким хозяйством, с богатейшим фольклором и народной культурой. А вот деревням помельче туго пришлось, по ним жестче полоснуло пресловутое «время застоя», осталось и пьянство, и безмужичье; идет вымирание. В Шайдурихе остался в основном «бабий элемент», старики уходят с естественной сменой поколений. Исчезают старинные ремесла: ни печку толком, ни трубу сложить подчас некому. Но тревожнее то, что забывается многовековая культура.

... Приехала я в деревню уже вечером, остановилась у Ксении Дмитриевны Севрюгиной. Ксения Дмитриевна охотно рассказывает про свою жизнь, слушай хоть всю ночь. Мы с нею и ложимся для деревни необычно поздно, за полночь. Самые драматические моменты рассказываются уже затемно. Когда невмоготу стало Ксении Дмитриевне, одолели хвори и обиды, подошла она к речке Нейве и так себе сказала: «Пролетело-прокатилось летечко красное. Брошусь в реку». А сама плачет. Мимо шел свой же, шайдурин.

— Кто это тут ревет? А, ты, Оксинья! Ты что это?

— Да вот, пролетело летечко красное. Хочу разом кончить.

— Не годится так! Сделай вот то-то и то-то...

Человек решил с жизнью расстаться. И какими же поэтическими есенинскими образами при том мыслит!

Легли поздно — встали рано. Хозяйка моя Ксения Дмитриевна так и сыплет пословицами. Больше-то все насмешливыми, глаз у нее приметливый, язык острый. «А чё с его взять — горсть волос с головы!» Но живут и присказки совсем другого сорта. Такая вот мудрая пословица записана в Шайдурихе: «Своя земля и в горсти мила». Велика ли деревня Шайдуриха, всего-то три улицы, а любят ее старики, не хотят уезжать. И — глубже: это та народная мудрость, которая велела зашивать родную землю в ладанку воину или страннику. Горсть родной земли вела на подвиги через преграды и трудности, напоминая о единой, большой родной земле. Это та самая мудрость, что учила превыше всего ценить родную землю не только в щедрости и богатстве, но и тогда, когда оставалось ее, кажется, и всего-то в горсти, и самое небо казалось с овчинку.

...Хочу пропеть гимн и поговорке, и припевке. Их в уральских деревнях тысячи. Часто мир природы, жизнь деревьев, рек, птиц рождает у народных сочинителей ассоциации с душевным состоянием, поступками из жизни людей. Интересны параллелизмы из мира быта, крестьянской жизни:

Мы чужие избы крыли,
А свои некрытые.
Чужих девок мы любили,
А свои забытые.

Образ крыши как защиты, рождающий в то же время намеки на интимное «покрытие», не посрамит поэтической марки. Будят воображение неожиданные, нигде прежде не встречавшиеся сравнения.

Поэтическая метафора часто не лежит на поверхности, требует творческого соучастия. Нетрафаретные рифмы, неожиданные ассоциации, рожденные внезапно, в порыве вдохновения, радуют в творчестве Тамары Ивановны Канонеровой из села Висим. Она спела по моей просьбе целую россыпь припевок собственного сочинения:

Полюблю из-за реки,
Отдам перчаточку с руки,
При одной остануся —
С милым не расстануся!

Перчатка — символ женственности и неразрывной парности. Воистину в момент творческого озарения родился этот известный в культуре образ. А вот другая деталь одежды и характера, другая песня: про юбочку, чей цвет говорит о многом.

Это чья такая пляшет
Юбочка бордовая?
У моего у милого
Ухажорка новая!

Это мне пропела в селе Висим Мария Абрамовна Ряписова, тоже замечательная песенница. Всего четыре строки, а какая исчерпывающая, точная обрисовка характера, и этой «новой юбочки», и самого юбочника! И броская, яркая деталь — бордовый этот цвет.

Мы с миленочком расстались в узком переулочке,
Он был в розовой рубашке — я в бордовой юбочке.

Опять бордовый цвет — символ зрелой страсти. А милый- то — в розовой рубашке, опять как ни в чем не бывало жених! Очень важна, конечно, интонация, с какой поется частушка (или припевка), обстановка, обстоятельства жизни исполнителя. Неоднозначность припевки, богатый подтекст, необходимость включения слушателя в творческий процесс — все это роднит народную припевку с высокой поэзией; неверно смотреть на частушку как на «низкий жанр».

Мне уже приходилось писать (в журнале «Родина») о близости нашей народной припевки к японской хокку. Вот, скажем, частушка:

Я иду – окошко поло,
Бела скатерть на столе.
Ну кого ты, милый, любишь,
Она бабушка тебе!

Вполне могу представить эту сценку в жанре высокой поэзии:

Вижу –
широко у соседки распахнуты окна,
парня тешит в застолье пожилая гулёна.
Куда это, милый, тебя занесло?!

Вот это уже будет книжная поэзия, а ведь то же самое в частушке сказано по-простонародному. Причём тут замечательно работает это полое (распахнутое) окно, символизируя иные, женские «створки»! Вот вам и «низкий» жанр! А я скажу: это классика!

Балалайка, балалайка,
Балалайка синяя.
У меня милого нет,
Тоска невыносимая.

Синяя балалайка – как точно этот образ передает «тоску невыносимую», тяготы одиночества, когда всё вокруг, и любимая балалаечка, что тешит в радости, кажется пасмурным, сумрачным, синим... И какова звукопись: это свистящее «с-с-с» буквально озвучивает тоску невыносимую, противостоящую веселенькому «ла-ла» (балалайка)!

А вот пословицы. «Око видит далеко, а ум еще дальше», «Добрая жена подолом соберет, а худая рукавом растрясет» — безусловная классика. Слитки народной мудрости. И есть такие, что нигде, кроме как на Урале, пожалуй, и не встречаются. «Как Иван Васин на все согласен» — образ немудреного простака. «Бедному Иванушке везде камушки». «Наш Демид не туда глядит». «Битому коту лишь лозу кажи». Отличные пословицы на все времена! Талантлив народ безмерно. Из записей 90-х годов:

...Мария Георгиевна Козилова и в свои 70 лет была красива. Одета со вкусом, к лицу, в меру и умело подкрашена. Любую деревенскую работу делала аккуратно, в нарядной одежде. Дома у нее, понятно, чистота идеальная. Песен, припевок знала видимо-невидимо. Одна могла бы составить сборник.

Немало у неё припевок и собственного сочинения, отражающих реальные события и переживания.

Милый женится — не верится,
Венчается — не жаль.
Только первую неделюшку
Бросало меня в жар.

***

Не корите меня Гришей,
Я теперь не Гришина,
У него другая есть —
колючая шипишина.

Шипишина – колючка шиповника; образ для соперницы самый неподходящий! Частушка отражает реальный сюжет: роман престарелой красавицы и немолодого уже ухажера. Вокруг любви много всего...

За непритязательным деревенским бытом и разговором можно увидеть скрытые механизмы поступков, уловить традицию, обычай, а за ними национальный характер. Ощутить многое в деталях, тех, что безвозвратно уходят...

Уходит прежняя культура и быт. Милые люди, помянутые в этом очерке, сегодня уже ушли из жизни. Царство им Небесное... Такая хрупкая вещь, как народная песня, припевка, частушка, исчезает на глазах. Давайте же беречь и лелеять то, что нам завещано дедами. Ведь своя земля и в горсти мила...

Цветочек аленькой

Народная частушка своей краткостью обязана прежде всего символике. Богато разработана символика цвета.

Помним темно-вишнёвую шаль популярного романа.
Это страсть, а вот розовый – цвет зари, цвет надежды.

Любимое есенинское «Да, мне нравилась девушка в белом, но теперь я люблю в голубом» – о чем это? Белое – символ чистоты, невинности; голубое – радости, счастья. И вот движение: от недоступной милой – к реальной радости взаимной любви, не зря это противопоставление – *н о* теперь я люблю в голубом!

Голубое часто встречается в лирических припевках.

Голубого не видать,
С оборочкой не нашивать,
Коих мы любили ране –
Парочкой не хаживать!

Это мне пропела в селе Шайдурово баба Оксинья, и так это «оборочка» цепляет за сердце! Припевка женственная, ласковая, смиренная, принимающая неизбежное... Вспоминаешь есенинское – «Этот дом с голубыми ставнями, не забыть мне тебя никогда»... Хотя учителями Есенина были великие поэты, все же самый ранний, бессознательный еще поэтический опыт идет у него от народной припевки с ее богатым подтекстом, выразительной деталью...

Любит наш народ и цвет алый. Помните в сказке: «Привези мне цветочек — аленькой...» Много поют про алое. Вот любимая припевка из моей коллекции:

Что ты, мама, рано встала, алый светик сорвала!
Не дала покрасоваться – рано замуж отдала.

Евдокия Михайловна Балдина из деревни Пантино в 50-е годы XX в.

Алый цветок – символ цветущего детства, невинности. И ведь вот в сказке купеческая дочь просит батюшку привезти ей цветочек аленькой, а не наряды заморские, тот заветный цветок, что найти всего труднее. И когда срывают его – горы сдвигаются с места, потрясаются мироздания. Могу предположить, что алый цветок некогда имел в языческой Руси магическое значение. Как мифический цвет папоротника, что цветёт «раз в сто

лет», сорванный на Ивана Купалу.

Лазоревые цветы тоже цветут в русском фольклоре. Лазоревый больше в сказках и обрядовых песнях, в частушках – голубой.

Я своёго милова
Наряжу как барина:
Голубого сатинцу
Купляю у татарина.

Слово «сатинцу» придает частушке женственность, и блеск: блёстка звука «ц» мерцает посреди строки; так и видишь, как блестит и переливается на солнышке голубой сатинец!

Поражает изощренная звукопись народных припевок. В селе Четкарино я записала:

Сера уточка летела
И кричала: чи-чи-чи!
Четкаринские ребята
Все такие трепачи!

Здесь и сера уточка – фольклорный образ девушки – и звукопись! Эти «оч- ча-ча» и «ер-ле-ри» — сами по себе, даже независимо от смысла слов, настолько выразительны, значимы, что они уже «сами пижут» стихи. И попросту не могло не родиться в русской литературе искушения — или откровения — писать не словами, а слогами; иначе говоря, если бы не было у нас Хлебникова, Бурлюка, модернистов — их следовало бы выдумать. И конечно, слог уже сам по себе — значим, и звук несет эмоциональные нагрузки, что великолепно подтверждает частушка. Нежная, любовная будет писаться лепетом: всеми этими ле-ель-ли... Озорная, ёрническая — «щ», «ч» (но «ч» может иметь и другое, сумрачное, ночное, экзотическое значение).

Звук «щ» во многих шуточных и плясовых частушках тесно сплелся со словом тёща.

Ох, теща моя
Хуже лихорадки,
Щи варила – пролила
Зятю на запятки!

Теща и лихорадка – ведущие звуки *щ* и *х* – будто так и родились рядом, одно слово цепляет другое (лихо – хуже), а конечная строка – «зятю на запятки» – тут каблучки сами так и вытоптывают: та-та-та!

А вот как «фыркает» частушка про норовистого хахаля:

Не форси, форсун форсистый,
Я тобой не дорожу,
Я такими форсунами
Огороды горожу!

Скажу больше: я открыла для себя, что русская припевка нередко содержит скрытую монограмму! Ключевое слово как бы витает над четверостишием, западая в подсознание, оседая в памяти. Вот та же поистине гениальная частушка

Мы с милёночком расстались
в узком переулочке.
Он был в розовой рубашке –
я в бордовой юбочке.

В первой строке опорные звуки — *з-р*, а в следующей – *р-з-р*. Так что над стихом как бы витает слово *роза*, и смысл всей припевки о новой любви сам собою выпевается для тех, кто умеет слышать...

Веточка орехова

Славянские предки наши времён язычества были бесконечно близки природе – деревьям, травам, цветам и плодам. Жизнь природы не отделяли от человеческой, находя в жизни леса и луга отражения, символы и предсказания собственного бытия. Не зря в русских сказках герой, уезжая на подвиги в дальние края, наказывает брату: смотри на деревце; если листики завянут, значит, мне худо, ну а если отпадут (почернеют, начнут кровоточить – варианты) – умираю я, спешу тогда на помощь!

Берёза, клён, дуб, рябина – излюбленные народным поэтическим словом деревья, главные герои русского леса – средне и южно-русского, с его мягкой, пленительной красотой. Береза – невеста, клен, дуб – добрый молодец. Песни о том у всех на слуху. Образы березы-девушки, невесты, возлюбленной и клена из на-

родной песни взял Есенин, поэтически развил, очеловечил, увековечил. Елочки-сосеночки тоже частые гости, а вернее, полновластные хозяева в фольклоре, особенно в песне, частушке, присловье. С бору по сосенке... Осина и рябина – горестные, горькие деревья, они сулят разлуку, одиночество.

Это что и за растопочка – осиновы дрова?
Это что и за милёночек – всегда хожу одна?

Рябина – сиротина горькая, образ-символ повсеместно известный из прекрасной песни: «Что стоишь качаясь, тонкая рябина?» Классика! Тот же символ и в припевках:

За овином боронила, борона рябинова.
Три годочка с половиной не видала милова.

То ли мужа в солдаты взяли, то ли ушел на заработки в чужую сторону, вот и боронит баба одна в тоске душевной. Припевки – зеркало народной души.

Балалайка новая – ручка вересовая.
У меня на сердце горе – я и то веселая.

Вереск – тоже символ обездоленности. Фигурирует в припевках и вересовый батожок. Не потому ли, что осыпан вереск сладкогорькой чёрной ягодой? Но вот частушка:

Эх, милка моя,
вересовый кустик,
неужели ты меня
ночевать непустишь?

И вспоминаю строку из Песни Песней Соломона: «Лоно твое – ворох пшеницы, обставленный лилиями»... В Иудее – пшеница и лилии, у нас – лоно возлюбленной ассоциируется с вересовым цветущим кустиком. Только говорится то не впрямую, а лукаво, намёком, «впроброс», с ласковой насмешечкой. Хотя, к сожалению, весёлых и озорных частушек встречаем меньше, чем печальных припевок.

Горьких, горестных припевок в нашем фольклоре не счесть. Го-

ре-злосчастье – образ такой русский... Даже на свадебном пиру обязателен плач невесты и жемчужная россыпь грустных проглотных песен. А какова любовная лирика! Вьется на русской свадьбе виноград. Виноградье, виноградная ягодка, винная ягодка красуется на неярком русском солнышке. Сион, небесный Иерусалим – библейские образы, и виноград оттуда же как символ Рая.

«Виноградника своего я не уберегла» – это из Песни Песней Соломона. И – «подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» – оттуда же. Яблоки и яблони также с библейских времен причастны к любовным делам. Или началось еще раньше, с яблока Париса, которое подарил он самой прекрасной женщине? Да нет, пожалуй, все началось еще с яблока прародительницы Евы, соблазнившей Адама... Раскатились яблоки по песням, сказкам, мифам всех народов мира. Прикатились и к нашей деревенской частушке.

Кабы яблонька пониже – я бы яблок сорвала.

Кабы миленький поближе – я бы в гости позвала.

Так что же, яблоня ведь и вполне русское дерево. «Вся Россия – мой сад». Образ сада неотделим от России. Палисаднички перед деревенскими избами, а в дворянских усадьбах – неперемный большой сад с прудом. Вишневы сад, темные аллеи... Чехов, Бунин... Еще прежде – Карамзин. Пушкин. Вот имение Евгения Онегина:

... Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад ...

Сад – обязательная принадлежность жизни дворянства. И дриады, а как же: деревья одушевлялись и в высокой поэзии, и в фольклоре еще с языческих времен. Березовые венки на Троицу... Вездесущая русская береста...

Цветущие палисадники перед деревенскими домами простона-

родья также полны были смысла и значения. Черемуха весной, сирень в июне, а рябина горит костром с конца лета до будущей весны! Так я и записала в свою тетрадь в поэтической деревне Щипачи (родине поэта Щипачева) со слов старушки: «черемуха для запаха, рябина – для красоты.» Красотою лечились, красотою спасались; дышали ею, жили; как же без красоты?! Красота в быту – узорочье утвари и одежды – отдельная, почти неисчерпаемая тема. (Нет, не только дворяне заботились «о красе ногтей»).

Сады, луга и лесные поляны...травка-муравка также не обойдена народным вниманием и любовью. Вот записала не слышанную ранее припевку в селе Баженово:

Косите майскую траву – я косить не буду.
Любите ягоду мою – скорее позабуду!

Отдает молодец свою полоску покоса, свою живую травку-муравку любому желающему: отказывается по какой-то, видно, важной причине, от возлюбленной девицы...

Образ скошенный травы – распространенный поэтический образ. «Спалена моя степь, трава свалена, / Ни огня, ни звезды, ни пути...» – Александр Блок.

Образ былинки, тычинки соответствует тонкости восприятия поэтической души.

Ягодиночка на льдиночке – а я на берегу.
Перекинь, милый, тычиночку – к тебе перебегу!

На бурной реке в ледоход готова очутиться на оторвавшейся от берега льдинке – лишь бы с милым!

Льдинки, травинки, былинки, тычинки – все идет в дело. А недавно я записала замечательное «Эх, милка моя, милка- семечко!» Любимых на Урале звали болечкой, ягодиночкой. Земляничка да малина – самые сладкие. Но вот и клюква кислая:

Ягодинка клюковка далёко укатилася.
Без тебя, мой дорогой, ни с кем не находилася.
Дерзкие частушки не чужды той же образности:

Подружка моя, веточка орехова,
Хотела милова отбить – не на ту наехала!

Ну а город? Город не отстаёт. При том что городские «низы» соблюдают своеобразный этикет – целоваться не принародно, а впотай:

Тополь, тополь возле окон закрывает куржачком.

Милый шмарочку целует – закрывает пинжачком.

Вообще-то самый ходовой душещипательный образ городского романса любого слоя общества – конечно же, роза. Причем в «жестоким» романсе немало талантливых находок.

Дайте яду, дайте яду,
Дайте ядинку напьюсь!

Ядинка — от «яд» – желанна как ягодинка в момент, когда небо с овчинку, когда жизнь когтит как лютый зверь. Как точно найдено слово! Вот тебе и «жестоким» романс. «И что жизнь безжалостно хлестнула грубою веревкою кнута»... (А. Блок)

Когда умру, когда скончаюсь, мил, на кладбище приди.

И в ногах моей могилы на память розу посади.

Роза, цветок романтический, в глазах народа приподнимает над буднями, не то что куда более привычная герань, алеющая чуть не на каждом окошке провинциального дома и деревенской избы. Идешь по деревне – к середине XX века еще не перевелись села и деревеньки на Руси – и на каждом окошке светит тебе алый, розовый, малиновый или фиолетовый пышный кустик герани, привечает тебя из-за белоснежной вышитой занавески, греет «мещанский» цветик. Желание это – обернуться к прохожему красотой, приветить его и украсить улицу – оно не мещанское, не мелочное. Немаловажно и себя показать. В одной избе я как-то осмелела и сгрудила занавески на окнах — так больше света для записей – так хозяйка заволновалась: «По занавескам судят о хозяйке люди». А занавески дивные: стилем ришелье шиты цветы и травы.

Любит деревья, травы и цветы русская душа. Грустит о скушенном луге, примятой траве, тронутых морозом цветах. Но твердо помнит, что будет снова весна. И морозам не поддается.

Я иду, а бабы судят и считают мне года.

Не считайте – не завяну, не замерзну никогда!

Снился мне сад...

Растительные символы в русской поэзии

Славяне жизнь природы не отделяли от жизни человеческой, находя в существовании леса, луга и поля отражение собственного бытия. Традиция продолжилась вплоть до наших дней.

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»*

*И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.*

Шедевр Ивана Бунина проникновенно отразил самую суть. Он бесконечно трогает и поныне. Цветы, травы, плоды – ёмкий древний образ.

... С библейских времен любовь тесно переплелась с образом яблока и яблони. Впрочем, яблоко как символ женщины известно человечеству еще до соращения Евы, отведавшей запретный плод. Уже в глубинах языческих времен округлый сладкий плод представлял женское начало. С тех баснословных пор раскатились яблоки по песням, сказкам, мифам всех народов мира, прикатились и к русской деревне:

*Кабы яблонька пониже — я бы яблочек сорвала.
Кабы миленький поближе — я бы в гости позвала.*

Образ сада неотделим от России. «Вся Россия — мой сад». Вишневый сад... Расставание с ним стало символом прощания с эпохой дворянского уклада жизни, с его романтизмом и поэтичностью, с мироощущением человека как творения Божия среди цветов и плодов.

Образ Рая как Сада общий для всей христианской культуры.

*За этим валом высилась гряда
Деревьев дивных, множеством плодов
Унизанных; в одно и то же время*

*Они плодоносили и цвели,
Пестрея красками и золотясь
Под солнцем, что на них свои лучи
Лило охотней, чем на облачка
Закатные, сверкало веселей,
Чем на дуге, воздвигнутой Творцом,
Поящим Землю. Чудно хороша
Была та местность!*

(Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод А. Штейнберга)

И напротив — сумрачный лес Ада памятен культурному миру по Божественной комедии:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

*Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!*

(Перевод Михаила Лозинского)

В память о райском саде цвели сады по всей России.

Храним в памяти сад дворянский, усадебный. Ну а деревенские палисаднички перед домом? Лес — вот он, за околицей, рукой подать, но обязателен был перед каждой избой палисад с окультуренными деревцами и нередко экзотическими растениями. Образ утраченного, но не позабытого рая, к которому тянется душа и ради которого сладостно трудиться.

Сирень, черемуха, красные гроздья рябины, полевые цветы...

Отцвела черемуха — отбелела веточка.

Отходил ко мне парнишка — серенькая кепочка.

Как не вспомнить есенинское «Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха. Всё равно любимая отцветет черемухой.» Не только деревья и плоды, но и скромные травки-муравки не обойдены вниманием и любовью:

*Косите майскую траву — я косить не буду.
Любите ягоду мою — скорее позабуду.*

Образ скошенной травы — распространенный поэтический символ. «Спалена моя степь, трава свалена. Ни огня, ни звезды, ни пути»... Растительные символы у Александра Блока достойны отдельного большого исследования. Они как правило близки по смыслу к традиционной фольклорной трактовке.

*В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...*

*Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...*

*В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...*

*И вижу: в свете красном
Изба в бурьян выросла,
Неведомо несчастным
Быльём поросла...*

.....

В этом стихотворении Александра Блока 1912 года алая герань — цветочек аленький — символ радости, любви, благополучия с мещанским оттенком перебивается символом беды и заброшенности — бурьяна, сказочного «былья»... Быльё — гениальное старинное слово-образ, где явственно слышны и «былинка», высохшие травинки-былинки, и бывшее, оставшееся лишь в былинах да бывальщинах — рассказах. Темный лес, неведомый, сырой, полный нечистой силы да бурьяна — символы заброшенности...

Ароматные растения удостоены лучшей участи, их поэтизируют, они связаны с красотой, радостью, счастьем. У Блока в тоже раннем, еще 1908 года, стихотворении:

*На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.*

*И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.*

Аромат растений связан с представлением о райском саде, свидетельствуя о красоте и вечности.

Но не только прославленные растения удостоились поэтических строк. И в высокой поэзии, и в фольклоре находим образы потаенных ландышей, скромных фиалок, всяческих малозаметных травок.

Образ былинки, тычинки соответствует тонкости восприятия народной поэтической души.

*Ягодиночка на льдиночке, а я на берегу.
Перекинь, милый, тычиночку, к тебе перебегу!*

Льдинки, травники, тычинки, былинки — все идет в дело. Припевка любит сладкие ягоды — землянику, малину: «Эх, милка моя, земляничинка!» Не пренебрегает и кислыми:

*Ягодинка-клюковка далёко укатилася.
Без тебя, мой дорогой, ни с кем не находилася.*

...Любит деревья, травы, цветы русская душа. Снится ей сад в подвенечном уборе. И рай воображает она в образе цветущего сада...

Из какого сора растут стихи

Пара перчаток

Символика *правого* и *левого* проходит сквозной нитью через европейскую мифологию и культуру. В христианстве *праведники* — от слова *правый*, *правда* — поместились одесную Бога на Страшном суде, в то время как грешники составляют полки *шуиш* (левых). Высший Судья сортирует души, посылая по делам их либо направо, либо налево.

Прилагательное *справа* вытеснило более ранний синоним *одесную*, образованный от слова *десть* (рука). Это говорит о том, что рука мыслится прежде всего как правая рука — труженик, подаватель благ. Правая рука трудится — правое вершит суд и возмездие. Пушкин в «Каменном госте» единственным упоминанием десницы усиливает идею возмездия, неотвратимости рока, когда Дон Гуан, накликавший встречу с Командором, восклицает: — «...О, тяжело познать каменной его десницы!»

Разумеется, символика *левого* и *правого* широко откликается в фольклоре.

*Милый просит праву ручку — подавала левую.
Он еще не догадался, что измену делаю.*

Левая — обманная, неправая, склонная к измене.

В высокой поэзии у Ахматовой: «Я на правую руку надела перчатку с левой руки». Знаменитая строка, в которой филологи видят смятение чувств, восхищаясь непосредственностью и видимой обыденностью выражения. Естественность в выражении чувств характерна для поэзии Ахматовой, которая добывает золото поэзии как бы «из сора» (отсюда крылатое её «Когда бы вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»). Однако заметим: «сор» этот куда как не прост! Этот «сор», ни много ни мало — вечные символы. Вспомним целиком весь текст «Песни последней встречи», написанной 22-летней Анной Андреевной Ахматовой:

*Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.*

*Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!*

*Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»*

*Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.*

29 сентября 1911, Царское Село

Здесь любая по виду незначительная деталь бьет в цель потому, что взята из арсенала вечных символов. Не знаю, писал ли кто (ахматоведение так обширно, что не уследишь): в знаменитой строке дело не только в волнении, заставившем девушку перед последним любовным свиданием перепутать перчатки. Все глубже; образ парных перчаток — образ любовной неразрывной пары. Мне в фольклорной экспедиции удалось записать интересную частушку:

*Полюблю из-за реки,
Отдам перчаточку с руки.
При одной остануся —
С милым не расстануся.*

Здесь работает, замечу, образ как раз парности перчаток: пусть одна будет у нее, а другая — у него, вот они и вместе, пара не может распасться; даже если любящие порознь, они навеки «сдвоенны». А в высокой поэзии любовная пара перепутали пути: правое налево, левое направо... Сбились правые и виноватые. Правое и виноватое в катаклизме измен предстает в значении невнятицы, сумятицы чувств, скрытого коварства. А еще присутствует, видимо, и такой оттенок: левое — то, что у сердца, тайная несправедливая страсть...

Во второй строфе «Песни последней встречи» важен и другой символ — ступени. Ступени, ведущие, возможно, в сад возле дома,

где и происходит последнее свидание с любимым человеком. Восхождение это или спуск? Поэтом нарочно не упомянуто... Можно думать — нисхождение в преисподнюю страдания обманутой любви, а, быть может, наоборот — восхождение к высокой жертвенности... Расшифруй автор эти ступеньки, скажи — ступеньки в сад — и очарование пропало бы. Нет, тут символические, магические ступени в ад обманутой любви... Да, гордая притворщица, не желающая выдать своего волнения, тайно сгорающая от любви и горя, готовая умереть, но не сказать возлюбленному всего, что на сердце... А нам ее состояние ясно благодаря этим пресловутым перепутанным — нечаянно ли, нарочно ли, разрозненным парным перчаткам. И этим ступеням в преисподнюю любовной муки и одновременно душевного величия...

«Мою милочку венчали»...

В середине XX века записывала я по уральским деревням частушки века XIX-го. Одна старая женщина пропела:

*Мою милочку венчали — зажигали фонари.
От налоя до дверей горело сорок фонарей!*

Похоже, сама «носительница фольклора» не осознавала сатиры, принимая эти самые фонари за чистую монету (я ее «просвещать» не стала). Между тем, очевидно, имеются в виду пресловутые красные фонари вместо положенных в церкви свечей. Так что отомстил несостоявшийся жених, позлорадствовав над тёртой невестой и её женихом. Это, несомненно, мужская частушка, хотя исполняли ее и женщины. В свете этой озорной частушки становится понятной и другая, также с двойным дном:

*Мою милочку венчали — я на паперти стоял.
Обвенчали и помчали — я головкой покачал...*

То ли насильно отдают его возлюбленную замуж, и он, понятно, печалится, не хочет и смотреть на это дело, то ли мысленно насмеяется над женихом, берущим замуж его «облюбочки» (гениальное слово из другой мною записанной частушки). А это — на паперти! До чего красноречиво-двусмысленно: стоит там то ли как проситель милости возлюбленной, то ли не хочет присутствовать на несправедном венчании. И только вслед несется: «Ну и ну!..»

Не хуже умеют язвить и женщины. (*Язви ты в душу* — забытое старинное присловье, куда более выразительное, чем мат, об оскудении которого печалются ревнителю русского языка).

*Миленький симпатистый добился до горбатистой.
Он идет симпатится, она за ним горбатится.*

Тут и прибавить нечего. Остро, язвительно, живописно! Скажу только, что ни в коем случае припевка не будет смеяться над природным недостатком человека, над его несчастьем. Здесь насмешка не над невестой, а над разборчивым женихом. Да ведь и горбатость символична: «горбатого могила исправит». Хотя эта доставшаяся в итоге «бросовая» невеста даже и не горбатая, а горбатистая, т. е., видимо, сутулая, уже не молодая. Эта частушка уязвленной отвергнутой женщины заставляет вспомнить перевернутый известный сюжет разборчивой невесты. Помните картину Павла Федотова «Разборчивая невеста» с горбатым женихом на коленях перед увядающей красавицей? Вероятно, в народе была известна и басня Крылова «Разборчивая невеста»:

.....
*А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
/...../
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.*

Вообще-то припевка чаще всего не столько клеймит, сколько подтрунивает, остроумная и беззаботная:

*Я иду по огороду — все жуки, жуки, жуки.
Ничего, что нет картошки, лишь бы были мужики!*

Эту частушку времен нашествия колорадского жука на уральские огороды я слыхала во многих деревнях. Очень уж любя она звукописью. А еще вспоминается Гоголь, «Мертвые души» —

бал с мужчинами в черных фраках, уподобленными черным мухам вокруг белого сахара дам.

Все оттенки юмора, от сарказма до иронии и милой шутки знает народная припевка. Многие из них отражают реальную ситуацию:

*Четкаринцы к нам не ходят — говорят, что мосту нет.
Вместо мосту льдиночки — ходите, ягодиночки!*

Эту частушку записала я в дымном шлакоблочном городе Богданович; Четкарино же — село близ города. До которого весной в половодье не добраться. Вот и переключка с парнями. И выразительный образ льдиночки как хрупкой любви и непрочной надежды. А ведь льдинки мы встретим и в классической литературе. Помним Сон Татьяны —

*И снится чудный сон Татьяне.
/.../
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной свою
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жордочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток....*

Известно, как великолепно знал и использовал фольклор Александр Сергеевич Пушкин. Народное красноречие — та почва, тот гумус, на котором растут цветы поэзии, если позволить себе выразиться вот так цветисто. Вот, почти наугад, еще из Пушкина, из «Капитанской дочки», песня пугачевцев:

.....
*Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
/.../*

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта

простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то психическим ужасом», — заключает Александр Сергеевич этот пассаж. Поэтический ужас. Поэзия всюду — и в любви роковой, и в удали молодецкой, и в разбое, и в смерти...

В час роковой

Поражает в народной припевке разработанная символика формы, жеста, звука, цвета.

Я любила болечку, любила поговорочку.

Поговорка Санова лежит у сердца самого.

К звуку, интонации, тембру голоса, манере говорить народ очень чуток. Любят порой за «поговорочку», как и «за походочку». В записанной мною припевке девушка любит некоего Саню за манеру говорить — конечно же, образно, четко, выразительно. Не так, как сегодня услышишь нередко «кашу во рту» у молодого парня, который слов толком не проговаривает. И только слышишь густо-густо бубнит «короче, короче»... Уж такой «поговорочкой» никак не прельстишься...

Исчезают русские деревни, многое утрачивается русской речью, а ведь как знали народную речь, приметы и символы великие наши поэты! А сколько безвестных поэтов сгинуло неузнанными по городам и весям! В почете у нас в деревнях были музыканты — гармонисты, балалаечники. Каждый толковый уважающий себя парень мог сочинить припевку. Девушки не отставали, умели такое выразить иносказательно... Про озорных сочинительниц уже упомянули. А вот противоположный женский характер:

Голубо на голубо, зелено на зеленое.

Меня милый позабыл — мое дело смиренное.

Голубое — радость, счастье, зеленое — тоска. В переводе с языка символов припевка читается так: радость тянется к радости, ну а девушке с несчастливой долей остается смиренно принять тоску зеленую.

... Вернемся к Ахматовой, ее раннему циклу о любви. Вот концовка стихотворения 1911 года «Сжала руки под темной вуалью»...

*Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: "Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру".
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: "Не стой на ветру".*

Представим, что автор написала бы что-то вроде «он сказал: уходи – замерзнешь». Было бы, пожалуй, смешновато. Ничтожно. Нет — ветер, буря как символ душевной тревоги, воспетый мировой классикой... *Я улыбаться перестала, //Морозный ветер губы студит...* — скажет Ахматова в другом стихотворении. «Не стой на ветру» – все равно что не стремись в бурю, не лезь в пекло – иносказание. А ведь это и есть основной принцип народных песен, припевок, частушек, пословиц, поговорок.

Кстати, дом с садом и его кленами стоит все-таки, очевидно, на горе. Так что влюбленная в первом упомянутом стихотворении именно поднималась по трем ступеням в осенний сад, словно на эшафот. И вот она сбегает с любовной горы, с высоты отношений...

Короткое стихотворение Анны Андреевны того же 1911 года:

*Хочешь знать, как все это было? —
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
"Это все... Ах нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!"
— "Да".*

Тут меня «зацепило», помимо всего, это — «три пробило». Три часа — роковые! Зловещие не меньше чем полночь. Из книги о Борисе Виане я как-то перевела с французского миниатюру любимого писателя:

Он любил получать письма. В изобилии. Но не получал никогда. Тогда решил их отправлять сам. И стал писать. Идиллия развивалась. Набирала силу. Он назначил себе свидание под большими часами в три часа. Явился нарядно одетым. И в три часа покончил с собой.

Роковые три часа! Три – последний час ночи (четыре — уже утро). У Хармса в повести «Старуха» часы без стрелок в руках судьбы-старухи показывают постоянно без четверти три:

На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь и спрашиваю ее: "Который час?"

– Посмотрите, – говорит мне старуха.

Я смотрю и вижу, что на часах нет стрелок.

– Тут нет стрелок, – говорю я.

Старуха смотрит на циферблат и говорит мне:

– Сейчас без четверти три.

– Ах так. Большое спасибо, – говорю я и ухожу.

Хармсовская Старуха, этот слепок с Пиковой дамы образца наших 20-х годов, акцентирует именно роковые три часа. Три карты, три карты, три карты...

Почему это в фольклорном сборнике говорю о высокой поэзии? Да потому что истоки – общие.

Символы, символы... Все значительное построено на символах мировой культуры, как бы ни было с виду просто и буднично. Видеть в повседневном «соре» высокое и вечное — это и есть поэзия.

Судьба-судьбиночка

Меня женят, меня женят

По большой неволюшке:

Стало некому работать

Во широком полюшке.

Эту старинную припевку записала я в уральском селе в 90-е годы. Употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов, неуместное в повседневности, но обычное в народной поэзии, придает ей статус обрядового действия. Обряд требует особого языка. Таковы песенно-былинные слова *землюшка, полюшко, небушко, ребятушки, силушка, коровушка*. Замечательно, что употребление таких ни в коей мере не сентиментальных, но сакральных слов-символов сохранилось вплоть до наших дней. Вот современная частушка:

*Неужели, неужели, милый, неужелюшки,
Неужели ты изменишь через три неделюшки?*

Неожиданное смелое словообразование «неужелюшки» придает припевке массу смысловых оттенков: здесь слышна жалоба, женский слабый лепет, но при всем том не без юмора. Припевка или частушка (та же припевка с веселым, ироничным оттенком) любит избыточность. Народная припевка сюсюкает? Да. И правильно делает!

*Посей-ко, батюшка, ленку
В среднем поле в уголку
На мою долиночку,
На шелкову шалиночку!*

Припевка эта, видимо, XVIII еще века, а спели мне ее в уральском селе в 90-е годы XX-го. И берет за душу по-прежнему эта «долиночка – доля, долюшка, долиночка. Светлая надежда, осененная шелком нарядной шалиночки, надетой на вечерку, где парни высматривали невест. Куплена та шаль батюшкой на ярмарке взамен проданного льна, посеянного специально на долю меньшей любимой дочери. Невесты поют о судьбе:

*Знаю, знаю, где судьба,
Знаю, где судьбиночка:
Дом-от новый в три окна,
У дома тополиночка.*

Этой девушке повезло, а другая споет на гулянке с горькой иронией: «Тятя дал наделочку — блюдо да тарелочку». Бессчетно число припевок свадебных, женских.

*Не пойду за одинокого
Работу воротить,
Пойду десятою в семеюшку —
Не надо молотить.*

Так и видишь большую крестьянскую семью в общем доме: женатые братья не отделились от отца, и младшей невестке

мечтается среди старших привольная жизнь. А вот другая жалуется, нежно укоряя: «Батюшка и матушка, я ваша одинакушка». Одинакушка — единственная дочь; в контексте звучит и как одинокая, засидевшаяся в девушках. Бытовало и жесткое, беспощадное определение — вековуха. Но больше любят в народном песенном творчестве уменьшительно-ласкательный суффикс.

Ребятюшки... Веет стародавней сказкой былинных времен, когда силушка так и перекатывалась с плеча на плечо у добра молодца. Выразителен и светлый, прозрачный суффикс *иц*.

*Канарейка-птащица,
Ругат меня мамашаица
За вольную за волюшку,
За дружка за Колюшку.*

Птащица та — не сама ли девица с ее птичьим щебетом и беззаботностью? А эта *мамашаица*! Сколько в этом слове неожиданной выразительности! Придающей частушке оттенок безалаберности, разбитной веселости.

Припевки поражают неологизмами. Чуть ли не каждую украшает собственное, специально придуманное для нее слово. Вот, например, как можно назвать конфету? Конфетка, конфеточка. Но напевшая мне частушку вот как это слово преобразовала:

*Я любила Костю, конфеты ела горстью,
А теперь Гришу — конфетика не вижу.*

От этого *конфетика* частушка становится уникальной, штучной выделки, запоминается накрепко.

Уменьшительные суффиксы во всем диапазоне значений требуют отдельного исследования. Жаль их забыть, потерять... Вот только некоторые ласковые обращения к девушкам на Урале: болечка, ягодинка, земляничинка, вишенка, золотце, симпаточка, карамелина, беляночка, сударушка, забавочка, кровочка, кровиночка; матаня, залётка. Не говоря уж о таких повсеместно употребляемых обозначениях как душа, душенька, любушка, голубушка, зазнобушка. Самоназвания девушек:

роза, розанчик, ласточка, птаха, травиночка и т. д. «Я ли, я ль была не птаха, я ль была не соловей?..» Ласковые названия парня: милёнок, приятка, залётка, завлётка, духан, родняша, изюмина.

Манера речи, стиль, словарь живого языка отражают менталитет нации. Дружочек, травушка, лошадушка, весельице, кудриночка, машинушка гуляют по народным припевкам, вводя в мир доброты, умиления, праздника. Мир любви к себе и миру. Умение принимать и радости, и горести — всю как есть свою судьбиночку.

Обрядовая эротика в фольклоре

Символы фольклора как правило удивительно многозначны. Вот рассказ Кнута Гамсуна «Кольцо» об изменившей жениху невесте. Узкое колечко девушки было мало для её жениха. Но произошло то, чего не прощают. «Я посмотрел на её большой бледный рот. Потом на её кольцо»... Женщина изменилась не только духовно, но и физически. «Теперь твоё кольцо стало мне слишком просторно», — говорит ей на прощанье жених. Тонкий и такой прозрачный намек...

Кольцо — символ физического совершенства и основного предназначения Женщины — и одновременно окольцованности, «захомутанности». Но ведь кольцо при всём том — круг, символ круга бытия, изображение бесконечности...

Здесь переносимся мыслью к образам эротических народных сцен древних полуязыческих игрищ, корнями уходящих в глубокую древность, в магические обряды, связанные с плодородием земли, со смертью и воскрешением природы. Вот возьмем традиционные шутовские похороны, «маскировку» под покойника. Надевали на парня белую простыню, мазали лицо белой глиной или мелом и водили по деревне, потом заводили в избу и «прощались» с шутками и прибаутками. «Покойника» клали на лавку или даже в гроб под окно — и вот:

Мы сегодня хоронили
Дивного покойника.
Посмотрели — он стоит
Аж до подоконника!

Ясно, что такое **он**; впрочем, выговаривалось и напрямую сакраль-

ное слово, тем более что радует выразительная звукопись: чередование *хор-хер*. Откровенны и причитания «вдовы», которую также изображал озорной парень с причитанием: «Ой, лебедь, кто же меня теперь будет е...» Глумились над самой смертью, утверждая победу жизни, призывая по весне возрождение живородящей Природы, верховенство творческих, воспроизводящих сил. Мужские достоинства из соломы во время карнавальных игрищ встречаются у всех практически народов мира, практикующих магию плодородия. Смущенно похохатывая, частушки о беспокойном покойнике мне пропели и о действе рассказали пожилые женщины в уральском селе Таволги недалеко от Екатеринбурга. А это ведь, между прочим, древние мистерии смерти и воскресения подобные древнегреческим.

С древних времен сохранились ритуалы с изображением самого срамного действия с хохотом и свистом. «Девку» на лавке изображает, как уже сказано, чаще всего ряженный парень, подчеркивая карнавальность, условность шутовских, пародийных действий, а другой ряженный «утешает сиротинушку», символически, в одежде, с шутками и прибаутками воспроизводя половой акт. При этом смех и прибаутки – важнейшая часть ритуала, подчеркивающего победу радости, смеха – Жизни – над неподвижностью, холодом, мраком и тленом – над Смертью. Ритуальный смех – интереснейшее, кажется, недостаточно изученное явление. Царевна-Несмеяна, которую требовалось рассмешить во что бы то ни стало, понимаю как отголосок древнего верования в магическую силу смеха. Смехом отгоняли нечистую силу. Еще и сейчас в беседах с пожилыми сельчанами я слыхала: нечистую силу отгоняют матерными словами, глумлением над злом.

Интересно мне было наблюдать в Таволгах, как пожилая Евфросинья, по ее словам, «четыре раза резаная, нарошнишная, только по виду человек» изображала на этот раз срамной акт – из чувства долга, желая оставить потомкам все детали ритуала. Это при том, что сама сомневалась: не грех ли? Минутами выходя из роли, бросая ремарку в сторону, (как на театре): «А не прогневим Бога такими шутками?..» Она, эта артистка, (ритуал, в сущности, театр и есть), мне сказали, только-только вышла из реанимации. Ну так кому же победу и изображать! Важно исполнительнице было передать эстафету, не утратить обычаи отцов и дедов. Они важнее, сильнее отдельного человека и его судьбы.

Практически во всех культурах наблюдаются архаические

традиции ритуальных псевдопохорон. У нас их изображали в святки, когда разгуливается нечистая сила, «злясь на то, что родился Спаситель»; тогда хоронят «нечистиков». Сюда же относится, скажем, ритуал Масленицы, которую положено сжигать. На праздник Ивана Купалы сжигают или хоронят куклу "Марена" – по сути древнюю богиню смерти, (которую знают и в Западной Европе), причем смерть ассоциировалась с зимой.

...Нечисть и эротика тесно связаны в русской деревне – с баней. В бане, известное дело, водятся черти. В бане вороват девушки крещенским вечерком: на зеркало, на кольцо в воде, на воск и по-всякому иному. В баню идут парни в полночь на спор, и чего только там с ними не случается. Там же ведется и запретная, скрытная любовь. Большой цикл частушек имеет зачин: «Мы с матаней спали в бане» и призыв «давай задунем огонёк».

Тут и я не удержалась, понаслушавшись частушек, сочинила:

Ой, матаня-матанёк,
Давай задунем огонёк!
Темнота глаза не выест,
А соседям невдомёк.

Святочная и масленичная эротика оказалась необычайно живучей. Святочные бесчинства породили множество частушек «с картинками».

Хулиган мальчишка я,
Не любят девушки меня.
Любят только вдовушки –
Отчаянны головушки!

Ясно: у девушек «уши золотом завешены». То ли дело вдовушки, участницы озорных действий, когда традицией предписаны балаган, потеха! Текущие будни с их повседневными запретами сменяются бурным весельем, когда все перевернуто с ног на голову, все можно и нужно, смеются над тем, чего в будни опасаются, и возвеличивают то, чем обычно пренебрегают или стыдливо прячут. Тогда и в частушке можно высказать все, что накопело. И обижаться на нее не положено, можно только остроумно ответить.

«Хулиган мальчишка я ...»

Святочные бесчинства

В село Нижние Таволги близ Невьянска приехала я на зимние святки. Начинаются они в рождественский сочельник, в канун 25 декабря (по старому стилю) и длятся до Крещения. Знаменуются обычаем «славить», т. е. ходить «артелью» — иногда огромной толпой ряженных — по домам соседей и знакомых и петь колядки.

В старинном селе обычай этот не утрачен, и посчастливилось мне вместе с деревенскими и пославить, и погулять, и попеть частушки. Потому что святки — это еще и гульбище, веселье, игрища в специально нанятой избе, а ныне в сельском клубе. В святки, по давним поверьям, происходит разгул нечистой силы, а отсюда — ей назло и наперекор — традиционные святочные бесчинства, творимые по древнему языческому сценарию.

Весело окунуться в зимние святки! Белоснежные поля по-за селом, легкий морозец, гармоника на улицах, море разлитое спиртного (но не до безобразия), пироги, пельмени, уральские шаньги, варенья и печенья. «У нас всего навалом!» Слава Богу! Не оскудела Россия.

Главное — не оскудела весельем, песнями до утра, шутками и прибаутками. Тут и перлы лирической классики, и душещипательный романс с розами, «ядинком» и кинжалом в белой груди, но еще больше — «солененького». Без него никак нельзя — положение обязывает.

... Какие же святки без масок, без игр, без частушек «с картинками»? Как и встарь, наряжаются в жениха и невесту, в медведя и коня, в покойника. Ходят в сумерках, раскатывают поленницу дров, а то приморозят ворота, так что хозяевам не сразу и выйти поутру. Ворота примораживают — намекают на любовь, на будущее сватовство, ведь зимние святки — время присматривать невест. После святок начинается мясоед с его веселыми свадьбами.

Знатоки обычаев рассказывают: на Урале собирали на святках целые выставки невест. В Нижнем Тагиле, например, девок наряжали в самолучшие наряды, возили в коробках по улицам, где у ворот стояли парни, и, останавливаясь против жениха, дерзко спрашивали:

После работы в Нижнеурганском...

«Не надобно ли надолбу»? Она надобна — она же и надолба. Двойной смысл, звуком навеки сшитый!

Эротическая символика святочной стихии корнями уходит в глубокую древность, магические обряды и символы, связанные с плодородием земли, смертью и воскрешением природы. Не случайно во всем мире «маскировались» в покойников. В уральских деревнях надевали на парня белую простыню, мазали лицо белой глиной или мелом и водили по улицам. Потом заводили в специально отведенную избу, клали на лавку или даже в гроб под окно и «прощались» — с шутками и прибаутками, круто их присаливая. Смехом как бы побеждали смерть — хоть на день, хоть на час! — очищались от страха и плена перед высшими темными силами. Смерть вытесняли эротикой, верх брали творческие, воспроизводящие, жизнелюбивые силы. А уж мужские достоинства из соломы — это у всех практически народов идет от магии плодородия. Когда-то, в незапамятные времена, играло это роль «производственную», помогая земле-матери родить и скоту давать приплод. Но те времена помнят только ученые, а веселье и ша-

лости остались. Шутовские диалоги «вдовы» и «попа», отпевающего «покойника», и сейчас еще живут на селе; в Таволгах исполняется целая шутовская баллада на эту тему.

В святки разгуливается нечистая сила, злясь на то, что родился Спаситель; этих «нечистиков» изображают во время сатанинских неистовств, их как бы передразнивают, от них же тем и оберегаясь. Как ни истребляли святочные бесчинства христианскими запретами, штрафами и гонениями, а выжили они и дошли до наших дней. Но только в строго определенное время (зимой это от Рождества до Крещения) текущие будни с их повседневными запретами сменяются не просто бурным весельем, а «перевертышами», когда все обыденные нормы как бы перевернуты с ног на голову, когда смеются над тем, что в обычной жизни уважают или боятся, и, наоборот, шутовски возвеличивают ничтожное. Со дна души выплескивается все накопившееся там темное, потаенное, выходит смехом и грехом; это своеобразная гигиена души.

Запретные слова выкликаются часто громко и принародно: не любо — не слушай!

Ты играй, играчок,
Вот те куночки кусок,
Хорошо будешь играть —
Могу целую отдать!

Кунка, куночка — ласковое названьице от кунак, т. е. друг. «Что мужику надо? Рюмочку да куночку...» Намекает это слово и на куницу, которая часто используется в свадебной символике.

«Бежит куна вокруг гумна, ищет куна черна соболя» — поется в подблюдной (от гадания на блюде) святочной песне.

Однако очень часто в разгар шутовских неистовств выкликают срамные слова и прямо, ничем их не заменяя.

Можно выражаться — и выражаться. Можно грязно, грубо и глупо — только чтобы кого-то оскорбить и унижить в себе же образ Божий, а можно остроумно, исполняя положенный не нами обряд — талантливо и к месту. Вот именно так пели при мне срамные частушки «таволоцки жители», при этом бабы давали, пожалуй, сто очков вперед по части частушек с перцем. Мужья-то только покрякивали, слушая лихих исполнительниц, поеживались — а не одергивали, крепились. Не при-

нято. Жанр требует. Вековой ритуал.

Исполнительница ведь играет роль (нередко и поют срамные частушки в масках), она лицо собирательное. Не зря и в самих частушках редко называется конкретный человек, а дается типаж, образ, коллективное лицо: «таволоцкие ребята», или «вдовушки — отчаянны головушки» и т. п. Какие бы слова при этом ни произносились — нелепо и неуместно показывать, что стыдишься текста, ибо тем самым исполнение переводилось бы в иной план, в план личных отношений, нарушая цель — «искусство ради искусства». Идет игра в слова и в сюжеты, состязание в остроумии.

...Вот правда, не удержался муж Александры Александровны Пачиной, одной из самых знающих песенниц села Таволги, да и заметил ей с укором: «В Москве, поди, тебя пропечатают, что ты поешь?!» С ней всегда немного настороже надо быть, с Москвой-то, по заседающему там начальству.

Через речку две дощечки,
Обе перегнулись.
Кунка в ботах, х... в лаптях
Из Москвы вернулись!

Вот как с ней, с Москвой. Раздевает она, разувает. Это по типу «Питер – штаны повытер». Ну, наша частушка еще и реку бытия, вернее, скромную речушку поминает; так ведь и через неё-то дощечки гнутся... Круто присаливает частушка такую жизнь!

Да, бойкие в Таволгах старушки! Разошлись вовсю, и не стыдно ничего, все так прямо и выпеваются:

В огороде, в лебеде
Нашла бабушка муде.
Причесала – привязала
К своей старенькой узде.

(Понятно, вместо последнего слова говорится иное, созвучное.)

В этот мой приезд поразил впервые мною услышанный цикл старинных припевок, населённых зверями, стерегущими сакральный объект. Вообще-то частушка живет на Руси лишь с ХУІІІ века, но образы сохраняет времён ещё языческой магии. Отсюда такие странные на сегодняшний взгляд озорные частушки, где в «ней» (в женском органе), то аж «48 медвежат

поперёк её лежат», то там «собака залаяла», а то шутовское «ух-ух-ух-ух, у неё-то в *ней* петух!» Всё это сопрягается с сонмом животных из подблюдных песен, что в старину как раз исполнялись на святках во время гаданий на блюде. В песнях, предвещающих свадьбу, найдем целые выводки животных пар. «Бежит бобёр за куницею. Слава!» «Курочка ряба по проулочку брела, кочет слеп за ней вослед!» «Сидит волчище на пунчище. Откинул хвост на двенадцать вёрст». (Пуня – сеновал, хлев). Здесь то же самое превеличение – гипербола, что и в частушке про «сорок восемь медвежат, которые якобы улеглись в потаенном бабьем месте. Медведь неизбежен в свадебной символике многих народов.

Медведь пыхтун,
Слава!
По реке плывет
Слава!
Кому пыхнет во двор
Слава!
Тому зять в терем
Слава!

Эротическая частушка, тесно связанная со свадебной символикой, обращается часто к древним мотивам оберегов. «Шел я лесом-бориком, нашел п... ду с топориком...»

Припевки, присловья, прибаутки, частушки основаны обычно на намёках, недоговорённостях, двусмысленностях, перестановках, шутках.

Я на горку шла,
Я Егорке дала...
Не подумайте плохого –
Я махорку дала.

Словцо «давала» в основном встретишь в женских частушках. У мужчин всё куда «круче». В «Заветных сказках» Афанасьева можно насчитать до сотни глаголов для обозначения одного-единственного сакрального действия. Да по сути, чуть ли не все глаголы в определенном контексте могут обозначать это самое действие с различными оттенками. «Он её жарит», «он её дерёт», «он её давай солить», «он её уработал» или, наоборот – «он её

удоволил» – в зависимости от того, кто, с кем, как и когда. Поистине виртуоз народ в понимании оттенков родного языка, да и самого дела!

Сегодня с обценной лексикой дела обстоят сложнее. Похабные слова и выражения режут ухо на улице, полные глумления. А ведь ни в одной исстари пришедшей «солёной» частушке не встретишь беспричинной злобы или презрения к человеку. Бранная лексика там несёт ритуальную функцию, связанную с плодородием.

Заветные «срамные» тексты – особый пласт народного творчества. Сказки, басни, частушки, прибаутки, поговорки этого жанра – важная часть национальной культуры.

Деревенские разговоры

Деревенский театр

В городе разговорный жанр модифицировался в телефонные перезвоны и пресловутые «эсэмэски». Но оставшиеся деревни еще сохраняет культуру устного общения, которое являет собой живое искусство импровизации, игры. Деревенские разговоры – своего рода каждодневный театр. Интонация, мимика, жест играют здесь не меньшую роль, чем слова. Тон игры обычно сохраняется независимо от настроения и обстоятельств жизни участвующих сторон. Это как в настоящем, профессиональном театре: никого не интересуют домашние дела и настроение актеров, на сцене они обязаны не смотря ни на что вести свою роль. В общении с соседями то же: на сердце, может, кошки скребут, дома, как говорится, кусать нечего, а изволь по заведенному исстари обычаю улыбаться и шутить. Разговоры – своего рода обряд.

Вот картинка на случай. Поздний вечер. Над долиной полыхает рериховский закат. Не знаю, как в Индии, но на Южном Урале потрясающе красочные закаты! Во всю ширь огромного неба, с воздушными сияющими замками, фантастическими зверями, седобородыми старцами ... Тут не мудрено увидеть и всадника на коне и два сражающихся войска ...

Идем с моей хозяйкой Леной по пустынному вечером берегу реки. Навстречу высокий худой рыбак в куртке из мешковины, с удочками, без улова, пустой и потому довольно угрюмый.

- А где рыба? – особым, «игровым» тоном спрашивает моя спутница.
- Рыба спать ушла.

– Так что же вы с ней не созвонились? Не предупредили, что придете?

– Да у меня телефон изломался.

Еще образец деревенского красноречия. Семидесятилетний Иван, подвыпивший, вышел на поляну перед избой, где женщины примеряют яркие турецкие кофты с вышивкой во всю грудь. Примеряет и жена старика блузку, а он все тут вертится, мешает. Стесняет баб, и уж гнала - гнала его жена домой – бесполезно. И вот она машет рукой:

– Да уж теперь не выгнать его. Ишь глаза-те вылупил как ... как морской окунь! – Так и крикаю от удовольствия: слышится в этом остром словце и «чудо морское», и видятся остекленевшие глаза пьяного.

А то еще слыхивала я тут же, в селе Нижнеиргинское: «глаза как у замороженного чебака».

Ехиден народ, остер. Любит позубоскалить, посудачить, в чужом глазу сучок подметить, в чужой огород камушек кинуть. Но и сердоболен тут же до сентиментальности. Зол и добр одновременно. На горке недавно похоронили престарелого бобыля; умер он в доме у любовницы после очередного возлияния. Она-то ничего, бабочка привычная, а он, что называется, коньки отбросил. Дом заколотили, судачат, кому теперь наследником быть. А пес дворовый огромный, с серой повылезшей шерстью, старый, тощий, бегаёт беспризорный по улице. Идет тракторист домой на обед, возле пса присел на корточки, гладит его по голове и приговаривает с жалостным надрывом: – Что – о, без хозяина остался? Без хозяина! Голодный? Что нюхаешь карман? Есть хочешь? У меня вот есть кусок хлебушка. – Придерживает карман куртки, уберегая хлеб от песьего носа. – Вообще-то я сам собирался хлебушком закусить. Ну да уж на, ешь!

Нёпаль

Нижнеиргинское... День сегодня небаской: захмаривает. заморачивает. Не ягодно. А ведь здесь с нами, городскими, летом какие разговоры? Известно: о ягодах да о грибах, о лесных припасах. Иду в край улицы к знакомой Наде Мошкиной, что из деревни Мошкиной, с лица земли давно сгнувшей – следы заросли, и следов от той деревни не осталось. Зову по грибы. Не идет:

– Грибы ноне изводятся. Сколь рыжиков бывало по березникам! А ноне нету: то ли все отравлено, то ли чё. А все же один груздь вче-

рась нашла, крепкущий да твердущий. Корень выкопала – весь белый, на нем то есть вот ни точиночки, ну ни единой точиночки нет! Съела – нали сладкий. Сластимый!

– Так сырой и съела?

– Да я их всегда, корни от груздей, сырые ем.

Ну, на самом-то деле мне не грибы, а мне интересно что от старого быта осталось. Надя, Надежда Васильевна, достает из комода холщовое домотканое полотенце в крупную клетку с домотканым же орнаментом. Красочное это декоративное полотенце вешали кто к зеркалам, а кто вдоль окон. Фасон деревенский – в большом-то селе окна и по сию пору завешиваются белыми шторами с проймами да с прошвами, с кружевом. Вместе с яркими нарядными геранями, китайскими розами, бархатцами в горшках белоснежно-кружевные накрахмаленные окна просторных деревянных домов глядят невестами, убранными к венцу. Веселят душу! А у Нади Мошкиной окно голое, сиротское.

– Это моей бабушки полотенце, а мне досталось от ее бабушки.

– Как красиво красными клетками узор выткан. А вы, Надя, не мастерите ничего?

– Да я непаль кака-то! И крючок брала в руки, и всё, да ничё не вышло. Шила милому кисет – вышла рукавица, будь ты трои проклята такая мастерица !

Радуюсь: непаль! Новое слово занесу в словарик. Непаль – беспалая, безрукая, неумеа. Слово образовано по типу: несоль, нетель (бесплодная корова), невидаль. Кратко и выразительно!

В избе у Нади - непали шаром покати. Голый, выскобленный дощатый стол да лавки. Правда, на диване пестрое лоскутное одеяло и одна на другой – горкой – подушки, покрытые яркой вязаной накидушкой. Нитяные круги всех цветов радуги соединены в один большой ажурный круг, праздничный, нарядный, так подходящий к дереву избяного жилища, глиняным горшкам и домотканым половикам.

– Это вы вязали накидушку?

– Нет, товарка на ферме. Мы телятницами робили, в деревне еще нашей, в Мошкиной. Она всё вязала, а я в городе ниток набирала разных цветов...

Полотенце в красно-коричневую клетку сохраняется в моей коллекции деревенского быта. Принадлежало Надежде Мошкиной, а изготовила ее пра-прабабушка Надежды в конце XIX века.

Интенденция

Старика этого, Петра Ярунина, я узнала сразу: знавала его лет 20 назад, и ничуть он за эти годы не изменился, разве что палка в руке появилась для опоры. Все такой же сухой, крепкий, без морщин, с пристальными серыми глазами с прищуром не то насмешливым, не то осуждающим, но всегда при этом готовый к приветливой улыбке. Встречаются по деревням такие старики: если уж не прибрал Господь годам к 70-ти, то дальше они как бы законсервированы. Помню, у деревеньки Пантино встретился мне в сосняке ядреный, с килограмм весом, подосиновик совсем уже поздней осенью, аж 18 октября, в день моего рождения. Был он чистейший (черви уже позамерзли инистыми утренниками), без пятнышка, крепкий и в ножке, и в темно-бордовой, скоричнева шляпке, и как бы даже уже и не подосиновик, а просто Гриб. От радостного почтения даже резать и жарить его не хотелось. Вот так же иные старики становятся уже как бы независимыми от времени...

Ну, я-то, видать, изменилась, во всяком случае, Петр меня не признал, и присела я рядом на лавку как незнакомая. Тут же и соседка Петра, одного с ним возраста, судя по разговору, но смотрит на все свои 85: лицо желчное, в глубоких морщинах, спина согнута. После уставных формул (типа: «Можно ли присесть? Садись, места не просидишь» и т. п.) начинаю с места в карьер: – Как жизнь?

– Какая теперь жизнь? – с ожесточением отзывается старуха. – Окаянство одно!

– Что же так?

– А как же будет, когда нами Америка командует?

– Никто нами не командует, – спокойно, с расстановкой вступает Ярунин. У старухи голос низкий, бубнящий будто в пустую бочку, ворчливый, суетный. У него тоном выше, чуть скрипучий, но неспешный, с явно выраженной значительностью, чувством собственного достоинства. – Никто нами не командует. Сами во всем виноваты. Безмысленно живем. Бесконтрольно. Лес вон ноне на Сокольской степе рубят дак он не дорос еще, ему еще расти. Летом рубят, кого он? Парёнка! Мягкий, как пареная репа. Кого из его делать? Разве вот скамейку каку. На дом он никак не пойдет. Раньше как дома строили? Лес рубили зимой, да еще месяца три сруб выстаивался. А сейчас не успеют дом поставить, а уж оконные проемы сгнили, нижние венцы менять надо...

– Да ведь вообще это ужасно, что у вас тут вокруг лес рубят! – подхватываю наболевшее. – Оголяют все. Кооперативы лесные придумали, а ведь лес-то наш, общий. Почему же они миллионы гребут за общий счет? Как вы позволяете своим же односельчанам лес губить? Одни пустые горы ведь останутся. Собрали бы сельский сход...

– Закуплено все. У их все согласовано, разрешение получено, – вздыхает старик.

– Америка, это Америка всё, – скороговоркой вставляет старуха. – Всяку гниль, всё, чё им не надо, везут сюды, нам вон в лавке продают: помощь, говорят. А у нас теперь нет своего производства.

– Жаль. У вас ведь тут и одежду, и обувь шили?

– Бабы тут мастёры. Вышивают, вяжут. А куды все это? Безмыслие наше. Бесконтрольность, – рассуждает старик – Производство стоит. Никому ничего не надо. Такая уж интенденция пошла.

Интенденция! Я чуть не подпрыгнула на скамейке. Слово не слово, а золото. В основе его «тенденция», но поскольку оно никакой эмоциональной нагрузки не несет, (что деревенского жителя с его экспрессивной лексикой никак не устроит), то и улучшил старик слово на свой лад и вкус. Он соединил его с интервенцией. Так ведь и в самом деле сегодняшние местные власти часто ведут себя на родной земле как интервенты. И кроме того, учтем и мифологический образ врага, который прочно въелся в кровь советского человека. Хотя можно обратиться и к фольклорному образу «инородца», замысловатого, могущественного и враждебного.

– Слушайте, уважаемый, я вас помню еще по деревне Пантино, – не выдерживаю я наконец. Хорошая была деревня! Красивая. С соснячком вокруг озера и артезианских колодцев, с березняками и полями вокруг... Жаль, разорили по дурацкому постановлению о «неперспективных деревнях». Вы ведь там бывали?

– Как же. Я там в 28-м году на гармошке играл. А вы?

– Ой, что вы, я в 28-м еще не родилась, меня даже в проекте не было. Но я вас с гармошкой позже видела... Много было гармоней в деревне?

– На Пантином-то? Много было. Почти в каждом доме. Да еще балалайки. А сейчас ничего нет. Как вот мы живем? Мертвяки!

– Как, как вы сказали?

– Мертвяки!

Жуки

В конце июля, сразу после Петрова дня, ударили внезапно заморозки: в низких местах ночью до минус двух! Небывальщина. Конец света. Картошка замерзла по огородам прямо в цвету. В Шуртане было раз вот так-то, дак картошки в августе копали. Мелкие были, как горох, рассказывает Лидия Ивановна Краснопёрова. Ботва вся почернела и отпала, и пришлось раньше времени копать. А жукам-то некуда деваться, дак они так и пошли по дороге. Так вот сплошь просто и пошли. Только красно! Идут и только так: жам-жам-жам! Жам-жам-жам! Хрустят под ногами.

– Это колорадские-то жуки?

– Ну. Из Америки которые. Нам ведь из Америки их заслали, не знаешь разве? Всё на нас каку-нибудь да заразу Америка пуццает. И вот их, жуков-то этих, никак не выведут. Ничего их не берет. И в воде они не тонут, и в огне не горят. Керосином, говорят, люди их губят, и то ничего! Всё зря. Ну, думаю, раз так, я с вами по-своему поступлю. Собрала их в банку. Вот я вас в порошок сотру! Высыпала их на большой камень, сверху другим камнем раз! Хорошенько, хорошенько вот так вот растерла. Просто вот в порошок. Вот вам, зараза американская! Будете русскую картошку жрать!

...С библейских еще времен насекомые неперемненны в апокалиптических видениях. Это же прям-таки саранча, одна из казней египетских! Которую наслал Бог Моисеев на египтян за то, что фараон не отпускал Божий народ в землю обетованную. Образ жука как напасти живуч и, независимо от реалий, – а для уральской картошки жуки и правда напасть – связывается издревле с идеей наказания, казни, конца света...

Ну а образ Америки давно живет в селе. Дело в том, что «зáреку» – хуторок за прудом – зовут Америкой, это ведь тоже «заокеанская держава». Школьников же, приплывающих на уроки в лодочках, кличут шутливо «американцами». Подобно этому жители деревни Шайдурихи, например, не без яда называют свою центральную совхозную усадьбу «Парижем», а ребят и всех вообще жителей этой усадьбы в трех километрах от деревни «парижанами». «Парижана» да «парижана»...

Русский человек издавна не расстается, лелеет глубоко в душе образ далеких, экзотических, никогда не виданных земель. (До сих пор не верится, что можно запросто полететь в Париж, в ту же Америку, с трудом поддается воображению деревенского человека самый факт ее реального, а не мифического, существования). Эк-

зотический элемент часто присутствует в фольклоре, в особенности, сказочный Восток; «Путешествие за три моря» Афанасия Никитина сразу стало «бестселлером». Пряный, таинственный, манящий Восток всегда входил элементом в русскую «коллективную душу». А Запад – это нечто далекое, туманное, еще существующее ли?.. Сегодня, однако, традиционный мифический образ Америки выпячивается явно враждебными сторонами.

– Так нами ведь Америка правит! – только и слышно в деревне.

...А что? Интеграция интеграцией, а Россию, действительно, превращают в сырьевой придаток. Многие, слишком многие в стране живут по формуле: «после нас хоть потоп!»

... Жуки и виноваты во всем, только не колорадские...

Милосердие

...Село Нижнеиргинское, основанное в XVII столетии, как и большинство селений на Урале, в основе своей – кержацкое. Было две старообрядческие часовни вплоть до 30-х годов, была и официальная церковь. Так что живут бок о бок православные и старообрядцы. Не ссорятся, но относятся друг к другу с прохладцей и уж, конечно, вокруг веры не без легенд.

Разговор двух пожилых женщин на автобусной остановке. Одна испитая, болезненная, говорит тихо, с расстановками, и после каждой фразы поджимает сухие губы. Другая повеселее, побойчей.

– Чем занимаешься? – спрашивает бойкая тем особым, вежливым, «уставным» тоном, каким говорят с давно не виденным знакомым.

– Занимаюсь? Хвораю... Смерти прошу... Да нейдет смерть.

– Что ты это удумала! Летом-то! Хорошо-то как! Каждая травка в поле пахнет, ягоды...

– Летом только и помирать, – сухо возражает болезная. – Не зимой ведь. Зимой земля мерзлая. Станут долбить да меня ругать.

– Ну уж, только не летом! Летом жить хочется.

– Смерти прошу, – упрямо и жестко повторяет первая. И, помолчав: – Ну, а свекровь твоя что? Не лучше ей?

– Да како лучше! Всё то же.

– Сама хоть ест?

– Како сама! У ей руки вот так вот согнѣны. С ложки он её кормит (видимо, сын болящей свекрови).

– Ох, мука и ему, и ей!

– Как не мука! А вот, говорят, это её Бог наказал. За то, что она православной веры отступилась. В кержацкую перешла. А у их

молятся-то как: в простой избе, а вместо попа простая баба. Раньше был простой мужик, да помер, и теперь старая баба. А она в их веру перекрестилась. Вот и наказание ей. Руки поднять перекреститься и не может. Отступница!

– Бог-то, Он один!

– Один-то один, да молятся, вишь, они не ладно.

– В Евангелии сказано: не осуждай. Самый это большой грех осуждать.

– Да как ведь как это простой бабе заместо попа? Неуж Бог такую молитву примет?

– Бог, Он милосердный, не то что мы, грешные. Ох-хо-хо, и как только Он терпит нас, злых да грешных. Милостивец! А вот и автобус. Полезли-ко!

Записано в селе Нижнеургинское в 90-е годы

Свеча

В январе, на святках, такая метель занялась, белая, по всему нашему краю, что только неуч и невежда не бормотал строки великого русского поэта «Ах, метель такая, просто чёрт возьми!» А я направилась в командировку — ближнюю, недалеко совсем от Екатеринбурга, а будто в иной мир...

Контрасты

С таким настроением хорошо брести в поле, никого не видя и не встречая. Но если ты в поездке, не избежать контрастов. Едва вышла на заснеженную, белую и уже как бы отрешенную от суетного города станцию Шарташ, потекли мысли несуетно, по иному, не городскому руслу и в ином ритме. А уж вошла в электричку — другой мир, гуща народная, перемешение всех слоев, и все, собравшиеся вместе на часок, выказывают себя так незастенчиво, откровенно.

Вот сидят два обалдуй: один лет четырнадцати, другой помладше, но с тем же тупо-упрямым выражением ничего не выражающего лица. Рядом стоит милая, аккуратная старушка, смирёхонько стоит, привычно. (Потом ее все же усадили на скамейку.) Вот маленький, невероятно сморщенный и грязный мужичонка громко сквернословит. Не со зла, а тупо, по привычке — так вот скотинку отпустят с привязи, и она пакостит, поперет в огород потоптать рассаду. Мужичонку усовещает соседка: постеснялись бы, кругом женщи-

ны, дети. И тот громко отвечает: — А нам всё равно! Правительство оборзело, а нам что? — Он так понимает свое право: в стране плохо, зачем ему быть человеком? Он готов стать скотом. Аристократы духа в трудные времена делаются добрее. Шариковы — агрессивнее.

Выхожу на Баженовой. Пристанционный поселок — «зона»: народ перепуганный, переобозленный. Сразу сюрприз: автобусы меж деревнями не ходят. Бензина нет. А может, бастуют. Или так же рассуждают, как матерящийся мужичонка. Правительство не может навести порядка, а нам зачем стараться? Вали, круши последнее! Все та же вековая подчиненность: себя привыкли рассматривать как объект приложения чьей-то воли, чьей-то власти, власти «иных» людей, словно бы сделанных из другого теста.

Возле магазина в ожидании хлеба болтаются помятые бабёнки. На мои вопросы хрипло сулят: «Никто к себе на ночь не пустит!» А я что-то спокойна. По снежку белому бреду со станции к деревеньке Баженовой. В крайнем дворе спрашиваю:— У вас хлебозавод тут? Хлебом вкусно пахнет...

— А вам хлеба надо? — с жестом в сторону избы, чтобы тотчас вынести. Эта женщина за ним вчера два часа стояла, а мне готова отдать. — Спасибо. Хлеб по таким временам с собой у меня. А мне бы старушку, чтобы про былое рассказала.

— Тут недалеко есть такая... Мария Свечникова.

Свечникова! Через десять минут я уже в доме и словно бы захмелела в тепле. Или от контрастов? После бездомности и снега — надежное избяное тепло, чинный ужин с общей сковороды, медленный, почти ритуальный (следим, чтоб не обогнать друг друга). И голубые, детские, простодушные глаза Марии Михайловны. На голове красный, горящий цветами платок, лицо мечтательное, хоть и морщины, и щеки опали. На старинной карточке — круглые, пухлые губы, перевешиваются на грудь две толстые светлые косы.

— Вот в это самое время я замуж выходила. Сейчас мясоед, святки. Раньше не выходили замуж когда попало, а в мясоед. В Новый год в церкви выбирали невесту, если нет пригляжённой. Могли раньше приглядеть на беседе, на вечерке. Я со своим познакомилась, когда на Филипповки (Филиппов пост) гостила у родных в деревне. Восемь женихов меня сватало, и хорошие были, но вот в сердце что-то не попадало. Одному меня выхвалили, и он прислал

сватов; дом каменный, скотины полный двор, а не пошла. Сёма прислал сватов — отца да сестру (мамонька болела тогда), и я как пришла в избу с беседы — захолонуло внутри. И стыдно чего-то сделалось, лица поднять не могу. Говорят, переодевай платье-то да носи самовар на стол! (Так надо по обычаю.) А я не иду. Ну потом вынесла, гулять мы с ним ушли. А назавтра родители поехали его дом смотреть. Я месяц сидела говорёна.

— И уж на беседы вы не ходили, как стали невестой?

— Уж никуда не ходила. А жених зато, как сговорятся, может приходиться к невесте в дом, а так — ни-ни, ни ногой! Собирались на вечерки в специальных избах, у нас по очереди в каждой избе. И были еще особые избы, куда с беседы уходили парочки. — Что же парочки делали?

— Сидели, разговаривали. Парень девушку не трогал, почто-то не было у нас этого, парни ничего не требовали, не лапали девушек. Замуж честные выходили. Не то что ныне, о шестнадцатом годе уж живот... Этого не было, что теперь: курят, пьют, гуляют с чужими мужьями. Я со своим 54 года прожила, он мне слова грубого не сказал, не сматерился ни разу, да и не умел этого. После его смерти меня сватали — да мне не надо чужого мужика.

Всю свою жизнь как на ладони выложила Мария Михайловна. Простодушие, доверчивость, такую где ещё найдешь? Грязь, хамство, пьяные хари — и тут же алмаз нетленный. Свеча горящая. Русь матушка! Неповторимая, небывалая, словно во сне приснившаяся.

...Сижу в тепле, размечталась в избе у Свечниковой. Видно, очень уж стосковалась по человеку. Не по какому-то определенному (любимые далеко; невстреча — слово, не мною сказанное, но — моё); соскучилась вообще по человеку. Тут так бы все и сидела, и наговориться нельзя: речь ритмизованная, словечки, словно жемчуг, катятся. На стене балалайка, мужем дареная. Певала Маша Свечникова: вечерами, бывало, с соседками запоют — на всю деревню слышать. Много знает песен, частушек. Больше про любовь. Милый роза, милый роза, милый роза чайная, При тебе хожу весёла — без тебя печальная.

Дети заводского служащего в Нижнем Тагиле Кокушкина (Фото конца XIX века предоставлено музеем).

Красота земная и небесная

В тетради с записями я набросала рисунок: жмущиеся к земле ибушки — и взметнувшаяся в небо вертикаль храма. С колоколом, несущим весть, возвещающим, вещим. Вечевым. Следуя за Рерихом, который звук приравнивает к свету, на месте колокольни изобразила свечу, освещающую, возвещающую свет. Свет невидимый, горный, воплощенный в свете солнечном, ибо первым окрашивается в цвета зари всегда храм на возвышении; в темноте же ночи его белые стены светятся отраженным лунным светом. И зримо тоже несет он свет.

Именно такой вид — вертикаль над серою равниной с домишками — открывается, если от Баженовой поехать дальше на Богданович. Непременно остановится взгляд на плывущей на горизонте громаде храма, взметнувшегося в небо купола. Это храм в селе Бруснятском, некогда шумном, многотысячном, сейчас, как водится, больше дачном селе. Но не опустелом и поныне ни людьми, ни духом: возродили там православную общину, собрали деньги, заручились поддержкой и помощью владыки и понемногу реставрируют свой красавец-храм Святой Троицы.

Приход в Бруснятском открыли еще в середине XVIII века по благословенной грамоте Митрополита Tobольского и Сибирского. Был храм сперва скромным, деревянным, но в середине прошлого века обрел окончательный вид: красно-кирпичная громада уникальной архитектуры, с 40-метровой колокольной, где когда-то звонили 15 колоколов, самый большой — в 80 пудов весом. Внутри были фрески — сцены из библейской жизни (они, увы, утрачены окончательно). Храм освящал всю округу, стекались на центральную площадь по праздникам крестьяне окольных деревень — Некрасовой, Шипеловой, Измоденовой, Обуховой.

Праздничные толпы легче представить на площади теперь, когда храм обновлен и уже идут службы. Встречает прихожан нежный лик Казанской Божьей Матери над входом. Та красота неземная, нетленная. Но сколь же были чутки деревенские жители и к красоте земной, что есть отражение красоты предвечной. Носили женщины меха и кружева, бархат и шелка. Недавно в старинной книге встретилось интересное свидетельство о «моде и щегольстве сибирских простолюдинов». Один исправник жаловался казенной бумагой на роскошь костюмов, т. к. «в одной деревне на ярмарке [он] видел на крестьянках драповые кофточки последней парижской моды в 35 — 40 рублей, башмаки рублей за 8, лакированные

калоши и проч.»). И далее перечисляет: «Богатые экипажи, заморские вина, шиньоны, кринолины, бурнусы с стеклярусом, сюртуки, часы с цепочками, зеркала, обои, хорошая мебель, цветы в цветниках и проч.» — и все это в деревнях!

Помним про катания на тройках в кошевах, обложенных коврами, с бархатными подушками, изукрашенных, с колокольцами. Вечерки да беседы с песнями, хорошим угощением. Пряники и конфеты, изюм и урюк — почти ритуальная, доступная для всех праздничная еда. Парни дарили девушкам гостинцы — чаще всего орехи и пряники, даже пословица до недавнего времени жила: без пряников не заигрывай. Понятно, пряники были не такие, как сегодня в магазинах, а на чистом меду, выложенные сахарными узорами.

...Что-то меня повело от красоты к сладостям, и руки сами потянулись к вазочке, увы, пустой. Как сказала мне Мария Свечникова: намесили грязи... Имея в виду, что у нас что ни пертурбация, то и вся муть со дна поднимается и норовит чистую воду отравить. Но добро не уступает. Тот же Свято-Троицкий храм в Бруснятском, возрождаемый всем миром в наши трудные времена.

Испытания

Русский человек притягивает несчастья, как высокое дерево — молнию. В рассказе Марии Свечниковой только любовь, муж, семья — радостное и счастливое. Остальное — сурово.

— С одиннадцати лет я уж жала. Только первый класс школы окончила — надо было прясть, на дрова менять. Мы с подружкой самоуком учились.

Тяжкое детство, война. Отец с империалистической пришел «чахотной», вскоре умер, остались с матерью. А там — невеста, замужество — и снова война. Муж с фронта Отечественной пришел «с пол-головой» (тяжко раненный в голову), перед смертью несколько лет лежал пластом, кричал, буйствовал. В психушку не отдала, со слезами домой вымолила, ходила как за ребенком. Но не сломалась, работала, пела, плясала, играла в самодеятельных спектаклях. «Ну и доигралась — из Москвы пришла карточка, туда звали выступать, да дурак — не поехала».

...В Бруснятском Евдокия Федоровна Брусницына — дочь звонаря, что в 1937 году исчез после ареста бесследно — сколько прошла испытаний! И вот уже в самое последнее, мирное время двух сыновей в армии потеряла.

Разговорись с любым в деревне: кроме войн, что само собой, услышишь через слово: утонул... зарезали... трактором замяло... Баба Наталья с Таватуя, памятная на долгие годы, тем же поразила: она воспитывала племянницу, чью мать зарезало поездом. Племянница выросла, вышла замуж — и утонула в Волге.

Русский человек и испытания — неразрывны. А испытания — это ведь судьба. Господь испытывает человека на прочность. Пытать по старо-русски значит вопрошать, спрашивать. И вот судьба спрашивает: а это выдержишь? А вот это? Останешься человеком? Не отречешься от правды, от веры своей? Так ветхозаветного Авраама испытывал Господь, требуя жертвоприношения Исаака. Только в библейской притче ангел остановил отцовскую руку, занесшую нож над любимым сыном. А в жизни... гибнут сыновья...

Сидим с бабой Дусей Брусницыной на лавочке возле ее косоватой избушки в виду великолепного Свято-Троицкого храма и разговариваем. Полночи проплакала она (и я с нею), рассказывая про доброго, ласкового, смиренного сыночка, что погиб в армии. А сегодня рассказывает о чудесах...

Чудеса

Да и как бы пережить испытания невозможные, если бы не взгляд в высь, в небо. Вера в чудо, святая и наивная. Это то простодушное ожидание молочных рек в кисельных берегах, та огромная репка, напитывающая целое село, то «по щучьему веленью», что, перенесенное из сказки в действительность, дало в 17-м году известный чудовищный результат. Вера в чудо, помноженная на азиатский деспотизм, при вековой привычке народа к покорности, обернулась анти-чудом. Так, бывает, заглядишься в небо на скользкой дорожке и вмиг, незнамо как, очутишься на земле с ломотой (ладно что не с пулей) в затылке. Но вера в чудо — это и то, что поднимает над землей. Говорит о близости миров дальних, невидимых, града горнего, града Китежа, сказочного Беловодья. Это определяет ту особенную статью России, что аршином общим не измерить и так трудно ныне приладить к Западу, к его формам цивилизации. (И это нельзя не учитывать: только начни ее, матушку, мерить на общий аршин, тут-то и ошибка в расчете, ибо трудно поддается она математике.) Без западного опыта нам никуда, если хотим стать Европой, но ведь и Азия тянет, не географическая только, а в нас самих Азия, и все время надо делать на это поправку.

Без веры в чудо наш народ не жил ни дня, в самые черные дни — верил. В наивных и трогательных формах жива та вера и поныне. Такое мне рассказала баба Дуся Брусницына: когда разорили храм здесь — огненный столп стоял в небе, все видели: это Господь свой престол забирал.

А с Марией Свечниковой что было! Когда муж ее на войну ушел, сильно она плакала, хоть ей не велели, нельзя плакать, надо крепиться и верить. И вот как-то лежит она на одинокой постели, глаза слезами застило, сна ни в едином глазу. Вдруг посмотрела вбок — на полу женская фигура в черном молится на коленях усердно пред иконами. Дай, думает, подожду, пока она кончит молитву, да спрошу кто такая. Та кончила — и вмиг ее не стало! Потом знающая старушка сказала: это сама Богородица-заступница приходила. Будет муж твой жив, вернется домой. И как же Мария рассказывает о муже ласково, нежно, как о живом, хоть в конце жизни, будучи не в себе, мучил он ее нещадно.

...Родилась я здесь и живу, но не устаю повторять, и в иных мирах (рождениях) скажу: фантастическая наша страна. И люди фантастические. Живут и верят, и будут жить, пока горит свеча. Свет, светоч — средоточие русской веры, мысли о свете как о Боге и правде...

1991 год, Екатеринбург

Висим, Висим – не падаем...

Поговорка эта родилась в большом уральском селе Висим, что возле Нижнего Тагила. Село основано в 1741 году, в пору становления горного дела на Урале. Краеведы считают, что название Висим возникло оттого, что село провисает меж лесистых гор. Но не слышится ли тут роковое «на волоске» — ощущение, что вот-вот все обрушится, но держится пока чудом?..

Бълое

В центре большого горнозаводского села Висим белокаменная церковь; в ней служил священником Наркис Мамин, отец знаменитого писателя Мамина-Сибиряка, прославившего Урал, и родной Висим, и гору Шихан. Вот она, зеленеет широкой вершиной, а взойдешь — далеко внизу, как в чаше, кубики домов, и вьется тускло-серебряной лентой Висимка, уходит за

могучий окоём гор. За рекой старообрядческая часовня из красного кирпича. В Висиме три «конца»: туляцкий, хохляцкий, кержацкий, и все жили дружно. Роман Мамина-Сибиряка о родном селе так и называется «Три конца».

Рядом чернеют останками домны завода Акинфия Демидова, легендарного уральского промышленника. 123 фабрики, 85 медных и железных рудников, три пристани... Его «железо в деле так преизрядно, что отнюдь путче того добротой и мягкостью быть невозможно». А происходит он от тульских кузнецов, отец его Никита Демидов стал действительным статским советником и возведен был Екатериной во дворянство. До сих пор на бывших его заводах можно услышать: «Демидов нужен!» Стал он для старателей образцом энергии и воли, ума и предприимчивости, таланта и удачи. А в Висиме знали цену этим качествам, там все «старались» на собственных земельных наделах, мыли золото и платину.

Евсей Пименович Метелёв нашел в логу платину и за полгода выстроил двухэтажный дом, завел магазин. А пришел в село в лаптях. Труженик был, работяга, ну его, понятно, в 30-е годы стали щекотать. Многих крепких хозяев раскулачили и сослали, все село, считай, разворошили. А было оно работящее, богатое.

...Историю Висима рассказывает 88-летний Гавриил Федорович Горбунов. Он складывал дрова во дворе, но вот присел отдохнуть на лавочку перед резным своим домом, и мы разговорились.

На этой улице, бывшей Тагильской, ныне Советской, дома высокие, под тремя скатами: дом, да сарай, да крытый двор, скобленный до белизны и крытый половиками. Резные наличники, резные подзоры, ворота — настоящие терема под железными крышами. Все это, правда, рушится, осыпается уникальное деревянное кружево... Есть и оштукатуренные под камень двухэтажные особняки. В этом, приютившем ныне добрый десяток семей, жил купец 1-й гильдии Водовозов, держал одну из многочисленных лавок. «А в ней только живой воды не было», — вспоминает Гавриил Федорович.

Он помог мысленно увидеть на родной Тагильской улице нарядных женщин в поплиновых платьях «в пол», в черных кружевных файшонках (старинный головной убор) на высоких

прическах, в ботинках «со скрипом», мужчин в лаковых сапогах до колен (их здесь называли ботфортами), в костюмах-тройках, в рубахах из «чесунчи» с серебряным пояском, при часах с цепочкой. На голове — поярковая шляпа с низкой тульей.

В каждом доме сохранились, впрочем, семейные фотографии отличного качества местных мастеров братьев Ткачевых. Ткачевы, Комаров, Журавлев делали и узорную легкую мебель. Венские же стулья, шкафы для посуды, трюмо, зеркала в тяжелых резных рамах, часы с боем в стиле ампир были привозные. Потолки в мужицких домах лепные, на полу суконные и тканые половики, много кружева. И сегодня сохраняется старинная обстановка («не мною заведено, не мне и рушить») у соседки Гавриила Федоровича Анны Александровны Петровой. Покойный муж ее, как и все здесь, крестьянин и старатель, страстно любил гармонь, сам и делал гармони, балалайки, мандолины. Все они звучали в Висиме по праздникам.

Праздновали весело, истово. Перед Масленкой объезжал село мужик на худой кобыленке задом наперед, на телеге рядом печь чадила. Вспомните Емелю-дурака: сказка-то, оказывается, уходит корнями в народный быт, в карнавал. Мужик держал огромную редьку и тер ее у всех на виду... Так начиналась масляная неделя — с шутками, смехом, блинами и каравайцами, катанием на вороних в разрисованных кошевах. В сельских лавках и наливки собственные, и вина заморские, а пьяных нет. А уж про женщин и говорить нечего, едва рюмочку сладкой наливки пригубят за столом среди близких. «Раньше с бутылочкой-то компания весь вечер просидит. И— песни поют.»

«Рак-сатана, отшипись от меня!»

Песен в Висиме знают великое множество, как и бывальщинок, пословиц, сказок, легенд.

Баба Маня Ряписова подарила мне такой заговор: «Рак-сатана, отшипись от меня, на мне знак святого, печать Христова, отныне и до веку, во веки веков, аминь». («От тятеньки слышала махонькая. Он велел на ночь читать».) Вместо безличного отцепись— отшипись, где слышатся и клешня с шипами, и слово «щипать». В другой же раз она говорит уже отшатись — тоже слово-образ. Отшатнись — бытовое, обычное, отшатись

— древнее, драматичнее.

Деда Гриша — земля ему пухом — мастером был народной этимологии (переосмысленного значения слова). Ямщик лихой у него, бывало, «во хмылу сидит».

– Во хмелю? — переспрашивала я.

– Во хмылу! – Что ж, тут и хмель, и пьяная ухмылка.

Пели баллады, романсы, частушки:

Был у тещи в гостях,

Теща плавала во щах.

Я на лодочке подъехал,

Тещу вытащил — поехал.

Виртуозная игра звуком «щ», что так и цепляет занозой в пресловутом слове «теща».

У каждого сельского песенника свой образный ряд, настроение, своя звукопись и манера исполнения. Но все меньше сочиняют и поют, уходят самородки, народные таланты... Все меньше вокруг людей той, ушедшей культуры, замешанной на высокой нравственности и самоотречении.

Вот прощенное воскресенье — ведь отсюда можно всего Достоевского вывести! Ездили даже в соседнее село «прощаться». Праздник встречали обновленные душой и телом, с новым чувством любви к ближнему и извечной собственной вины перед ним, перед всеми. «Каждый пред всеми за всех виноват», — великая русская христианская идея, обогатившая мир...

А вот стала что-то заворачивать в местную газету «За победу!» (кого? над кем?!) и наткнулась на заголовок: «Как вступить в межличностные контакты». Нарочно не придумаешь такие канцеляризмы! Ведь это в деревне — с ее хороводами, посиделками, «помочью», умением «гоститься» и «родниться» («Вот уже и далёка родня, а все роднятся»). Не понимают что по золоту ходят!

Да, жизнь преподносит на каждом шагу новые курьёзы. Приехала к соседке сестра: Интерна Константиновна — в честь Интернационала. А в деревне Шайдурихе Харитинья, что бойко загоняла людей в колхоз, назвала сына Коммунаром (после он переделался в Костю). Сама же Хритька, мне рассказали, заделалась Раей — намек на несбывшийся коммунистический рай!

Так ведь верили в мировую революцию, в град Китеж для всего мира. Хотя идея та чисто художественная и ни из какой логики и ни из какой экономики не вытекает.

...Тревожное лето. Непорядки в хозяйстве, как и по всей России. А тут еще в довершение напастей свалился колорадский жук. «И откуда он взялся? Это «друзья» в карман гадают!» Все у нас объясняется очень просто: происками врагов, злых сил, все трактуется своеобразно. Нет, например, чтобы сказать: спился народ, одурел, вот и умирают люди то и дело неестественной смертью — тонут, вешаются, разбиваются на тракторах и мотоциклах. А говорят так: «Судьба!»

Мифологическая структура сознания, непонимание, что жизнь развивается по объективным законам, а не только по чьей-то воле... Как будто лишь чья-то злая воля могла организовывать тот хаос и озверение, что овладели Висимом в годы революции. Послушать — волосы дыбом, что творили друг над другом. В списках расстрелянных и тех, кто расстреливал, одни и те же фамилии. «Каин, где брат твой Авель?..»

Умягченье злых сердец

Острые сюжеты встречались в той, старинной жизни не реже, чем в революцию. Сегодняшние «патриоты» лишь верхний слой снимают, умильный и розовый, как пасхальное яйцо. Но все куда сложнее. Насильственные смерти, самоубийства, темные истории найдутся в каждом роду.

И до чего же оказалось губительно для нации отбросить тысячелетние пути морали. Дать выйти наверх («все дозволено!») подспудным темным страстям. Ведь, отринув запреты, что делали? — вот и висимская хроника колчаковской войны о том же: насиловали, жгли, выкалывали глаза, выжигали звезды. Вчерашние соседи, братья...

Омут с чертями... Не зря на Руси родилась икона Умягчения злых сердец. И никто в мире так истово не цеплялся за спасительную идею смирения, терпения и терпимости, самоотречения. На иконе кроткий и тихий взгляд Богородицы, а в плечи, одетые в пурпур, воткнулись семь тонких стрел — семь смертных грехов человеческих. На себя приняла удары Милостивица... (Икону эту я встретила в одном висимском доме.)

Светлейшая мечта о Беловодье, граде Китеже обернулась в 17 году

злостью и озверением люмпена. Он и диктовал законы. Да надо дивиться, что остались еще у нас люди, не иссякла человечность. А ведь не иссякла.

– Плохо тебе тут в гостинице?

– Плохо. Шум, теснота.

– Ну так иди ко мне жить. – Это Соня, милая, тихая. Кроткая. Если правда, что имя — судьба, то Соне сам Бог велел быть такой (Соня Мармеладова из «Преступления и наказания»). Моя Соня упокаивала бабу Тоню из соседней избушки. Теперь допокоивает девяностолетнюю мать, кротко снося все ее больные капризы. И еще старикам соседским помогает как может. Теплоту, беспримерный такт испытывала я всю неделю, что жила у Сони.

А в Шайдурixe того интересней: прямо на автостанции позвали к себе жить. Утром не знала, где буду ночевать, а вечером — уют, хлебаю грибницу и слушаю рассказ о многотрудной жизни новой моей знакомой. Мария Николаевна Суслопарова недавно страшно, трагически потеряла сына, а не озлобилась, не замкнулась. Она нашла один способ выжить — делать добро людям. «Я подумала: что толку, если я умру или сойду сума? Я еще нужна внукам. Вот делаю что-нибудь, воткнусь в свое шитье — и легче». Это она шелками шьет полотно — пейзаж родной деревни для местного музея. («Не хочу продавать, только дарить.») Сочиняет стихи, надписывая общие тетради крупным старательным почерком: «Стихи моим внукам и правнукам», «Стихи добрым людям»...

Но вернусь к рассказу о Висиме. В том же большом коммунальном, доме где меня приютила Соня, есть еще одна Соня, пухленькая и хорошенькая. Ей два года. Каждый норовит сунуть ей конфетку или пряник, она заходит в любую дверь как к себе и смело садится на стул. Эту Соню «в подоле принес» отец — бабушке, но бабушка вскоре умерла. (Перевертыш: мать, «не списанная» с отцом ребенка, от новорожденной отказалась еще в роддоме.) Отец женился, и вот родители новой жены, чужие, в сущности, Сонечке люди, взяли ее к себе и лелеют как свою.

...Только это одно у нас и осталось: народная душа.

Выражается сильно российский народ!

*И если наградит кого словом, то пойдет
оно ему в род и потомство ...*

Николай Васильевич Гоголь

1

В уральской деревеньке я собиралась встретиться с «носителем фольклора» по фамилии Севрюгин. Оказалось не так это просто.

– У нас пол-деревни Севрюгиных, вы о каком спрашиваете?

– Мне говорили, у него дед стекольщиком был.

— Так это Миша Стальной. Так бы сразу и говорили, что вам Стального.

— У него что, особая фамилия?

— Это их уличная фамилия, всей семьи. Дед их говаривал: «Я стальной, жилы проволочные». Да к тому же ходил со стальным стеклорезом.

— А еще какие есть в деревне уличные фамилии?

— Да их все не перечесать, прозвища-то. Считай, у каждого есть. Вон там живет Пимшиха из семьи пимокатов. А дальше Блиновна, стряпает хорошо блины.

— Подожди, Лукерья, не так. Бабка ее, прабабка ли умерла подавившись блином. Все внучки и стали Блиновны.

Не застав дома Мишу Стального, уехавшего по делам в райцентр, я направилась к старушке Севрюгиной позаписывать песен и частушек, которых она знала, как говорили, великое множество. И пела не только по праздникам, но и обычными вечерами, выпив рюмочку, веселя и смешая соседей, хоть было ей тогда уже за семьдесят. Навстречу вышла из кокетливого домика с разукрашенными наличниками отнюдь не старуха, а приятная пожилая женщина с батистовыми оборочками и подкрашенными губами, оживленная и говорливая.

Среди ее припевок многие были собственного сочинения, а звали эту певунью в деревне не иначе как Артистка. И хотя в деревне был фольклорный хор и немало пожилых женщин выходило на сцену, прозвище это пристало только к ней одной. Произносили его с разными оттенками: со снисходительной, а то и злой усмешкой, а чаще с веселым одобрением и даже восхищением.

От Артистки я узнала и происхождение фамилии Севрюгиных. В

прошлом веке и начале нынешнего писались они Серюкины (попадались мне подписанные так старообрядческие книги местных грамотных крестьян). По-видимому, неблагозвучие фамилии заделало жителей, а может, служило и предметом насмешек; во всяком случае, как только советская власть разрешила в 20-е годы менять по своему желанию имена и фамилии, деревня немедленно переделалась в Севрюгиных. словно бы жители севрюжинкой баловались.

Народ чувствителен к звучанию имени и фамилии, что служат предметом пристального внимания и всячески обыгрываются. Простейший случай, когда от фамилии образуют прозвище, но при этом обязательно учитывается облик, характер человека: *НЮРКА-ВОРОНА* (от Воронина); *САНО-КУНЯ* (от Кунгурова) и т. п. одного мужика по прадеду его Харитону прозвали *ХАРЯ*. Он и правда к тому располагает: пьет и обличье имеет соответствующее.

Часто уличные фамилии, они же прозвища идут от особенностей облика человека: лица, походки, манеры речи. В той же деревне я встретила двоюродных братьев, которых одинаково звали Александрями. И различали их, называя так: *САШКА-СВИНАРЬ* — черный, с сизым цветом лица (свинарь — это черный груздь, горький и в ряде мест считающийся поганым), и *САНО-ГРУЗДЬ* — парень белый, крепкий, красивый. Парни-то одного корня, одной фамилии, оба грузди, только один настоящий, а другой ... Иное прозвище — наказание почище штрафа!

МИША-ЛЕВ — сильный, плечистый мужик. *ДУСЯ-МЫШКА*. *ПОМИДОР*, *ПОМИДОРИНА* — краснолицый.

Остер на язык русский народ, любит он над ближним «подфигуривать», «зубы мыть», «надсмешки строить» и далеко не всегда доброжелателен. Но уж в точности наблюдения, удивительном чувстве родного языка, его строя, его звучания, его выразительной силы народу нашему не отказать!

Одну пожилую и сухопарую строгую даму зовут *СУХОСТОЙ*. Другую учительницу, многоопытную и добрую, но всегда встрепанную, маленькую и толстенькую, прозвали *СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ*. Да не пообидятся на меня эти хорошие люди: простите, родимые, наука требует! Очень уж остроумно прозвали вас ваши ученики! Ефима Павловича называют *МАТРУС*. Тут случилась такая история. Мужик пригласил к себе «помочь» на покос (коллективную помощь за угощение.) Угостил мужиков по обычаю, а косить идти и нельзя: моросит дождик за окном. Вот Ефим Павлович

посидит-посидит с мужиками за столом, выглянет да и вздохнет: — Эх, все еще матрусит! — Так к нему и пристало: Матрус. И ведь как смело мужики сочинили неологизм, образовав имя существительное от диалектного глагола «матрусить»!

В основе прозвища часто лежит смешной случай, анекдот. Толя-ФУНТИК родился махоньким, и бабка-восприемница сказала: — «Родился-то, право, с фунтик!» Вася-СИСТЕМА: купил старый мотоцикл и поехал. Проедет двести метров по дороге и остановится. Чинит-чинит, опять немного проедет и опять остановится. Мужики захохотали, а он важно так говорит: — Это система такая!

Одну семью зовут БУБЕНЧИКИ. Все хорошо играют на гитаре и поют. Отец — Бубен, а дети — Бубенчики. Старого деда прозвали СЛЕПЫШОК. Как-то лежали мужики у костра на озере. Птичка там летала, дед посмотрел и говорит: — Это птичка слепыш. Эх, кабы мне быть слепышом, полетал бы я! Есть ЧИБИС. Есть Вася СУРМАН. Тут уже трудно назвать причину прозвища: случай позабылся — прозвище осталось.

Рассказывать о деревенских прозвищах можно бесконечно. Их столько, сколько семей по селам и весям. Там до сих пор редко помнят и называют по паспортным фамилиям, а больше по уличным. В сущности, от прозвищ когда-то и произошли фамилии. Помимо насмешливости и приметливости жителей была и практическая надобность как-то обозначать соседей и односельчан. Если рядом живут три Ксении подряд, как их называть?

— Тут живет Ксюша-Данилка.

— Как же Данилка, если она женщина?

— Ну и что! Они все Данилки. Вовка-Данилка. Сергей Павлыныч Данилка. У них дед был Данило.

Итак, прозвища образуются от имен и фамилий; от названий растений, птиц, рыб, домашних животных и диких зверей; от предметов крестьянского быта и обихода; от понятий отвлеченных. Словом, материалом для образования прозвищ служит весь мир. Что касается классификации уличных фамилий и прозвищ по их, так сказать, функциональному признаку, то я набросала такую примерную схему:

По фамилии или по имени владельца или его предка;

по занятиям, ремеслу, профессии;

по особенностям облика: лица, походки, манеры речи и т. п.;

по приметам быта, образа жизни;
по характеру человека, его нраву, личным качествам;
по анекдотическому либо просто памяtnому случаю;
по национальности, месту жительства.

Кажется, примеров по месту жительства я еще не привела. Это вроде бы самое простое. Поля *БЕРЕГОВАЯ* живет на самом берегу. Марья *ВЕРЕСОВКА*: была речка, за ней были вереса, там жило три семьи. Отсюда и прозвище. Однако все не так просто, как может показаться. В конце концов в вересах жило три семьи, а Вересовкой назвали только одну женщину. Дело не в одной только географии. Кроме смысла, существует всегда еще нечто неуловимое. Интонация решает все. Здесь явная интонация пренебрежения: Вересовка, Шалашовка...

Интересно, что, желая побережь людей от насмешек (вдруг прочтут соседи), я не только не называю деревни, но решила было сначала поменять и имена. Допустим, написать не Марья Вересовка, а Татьяна Вересовка. И поняла, что делать это ни в коем случае нельзя: вся сила прозвища теряется при таких подменах. В чем дело? А в том, что — в какой уж раз дивлюсь и пишу о том — у народа нашего гениальное ухо, и звуком он рисует, создает образ. Вслушайтесь: Марья Вересовка: ар - ре. Получается единое слово, крепко спаянное звуком, и от того особенно убедительное. Как и в вышеприведенных Вася *СИСТЕМА* (ся-си); Нюрка *ВОРОНА* (юр-ор); *САНО-КУНЯ* (ан-ун)... Любое прозвище стоит произнести вслух, чтобы почувствовать энергетику. Это ведь устное народное творчество (особый его «малый жанр»), и рассчитано оно, конечно, на слуховое восприятие. Как, впрочем, и весь фольклор, чья текучая, вечно изменяющаяся, импровизационная интонация решает половину дела. Если не больше. Ни одного прозвища в моей скромной фольклорной практике не встретилось вялого, тусклого: видимо, такие и не приживаются, а остаются только самые точные, яркие. Отбор! Еще несколько современных прозвищ из моих тетрадей:

БАРЫГА

ШНУРКИ, РЕМКИ — последние ребята на селе, бросовые.

ЧУБА от чебурашки.

КОСТЯРА; тут все ясно.

НЕВАЛЯШКА от переваливающейся походки.

ЧУВЫРЛА — девица 18-ти лет, в лосинах, с малиновыми губами,

с папиросой во рту.

Чувырла! Даже если вы прежде никогда не слышали этого слова, ясно, о ком речь. Слово буквально рисует портрет отвязной девицы и одновременно передает презрительное к ней отношение.

Чувство слова в народной среде врожденное и поистине артистическое, оно-то и создает перлы поэзии. А порой и смешные ситуации, вроде той, какая рассказана, например, в книге «Минувшее» князя С. Е. Трубецкого. Вспоминая о своем детстве, он пишет: "Кучер Гурьян умел «политично» выражаться. Помню, как, говоря о плохо выезженном Богатыре, он выразился с презрением: «не плейсированная морда, простой мужик!»" Не зная, очевидно, значения слова «плиссированная», кучер, тем не менее, по звучанию верно определил его как нечто утонченное, сложное, в высшей степени окультуренное, и применил неожиданно и остроумно. Неудивительно, что князь с семи лет запомнил это слово на всю жизнь. «Неплиссированная морда!» Да ведь это неологизм; на чём-то подобном наши авангардисты в начале века новую поэзию делали!

Особая статья — прозвища коллективные (чаще всего насмешливые), которыми награждали жителей целой деревни их соседи. Они сохранились в сказках, преданиях, прибаутках, притчах, но чаще всего в песнях-дразнилках.

Уральский краевед Владимир Павлович Бирюков, ныне покойный, приводит в своих работах множество коллективных прозвищ. КРУПЕННИКИ: в деревне занимались в основном обдиранием круп. КУДЕЛЬКА: рабочие асбестовых рудников, где из асбеста делали куделю. ЧЕСНОКОВИКИ — любители пирогов с чесноком и диким луком. ЧЕРНОТРОПЫ — неопрятные, идущие в избу с грязными ногами. РАСТЯГАИ — растягивающие концы слова, протяжно говорящие. С прозвищем ОБУШНИКИ связана драматическая история. Так прозвали в прошлом веке рабочих Верх-Нейвинского завода, где рабочий убил за зверское обращение демидовского управителя Зотова обухом топора.

Уличные фамилии, прозвища, клички — своеобразная яркая ветвь русского фольклора. В моей практике встретилось собрание прозвищ, сделанное в краеведческом музее городка Верхний Тагил, бывшей демидовской вотчины. Приведу некоторые из записанных в музее прозвищ с посильными моими пояснениями местных слов. СОЛОВЕЙ. СУНДУК. ДЫРКА. УХО. СОРОКА. ОФИЦЕРИК. РЯБОК. БОБРИК (по прическе). АЛЯБЫШ (род колобка,

сдобной булочки). МОРОЗКО. ЛЫВА (большая лужа). БАДА (человек, который может приврать). ЛИСА. БУЛЬБА. КОНЁК (бегал по крышам, видно, был кровельщиком.) СОТНЯ. СОЛОНКА. ГОЛЫШ. БУРДА. БОРОДАЧ. ЛЯГУША. ПИХТА. КОЛОБОК. ПРАВДА. ДЕГТЯРЬ. МУХА. ВЕРЁВКА. МАХАЛЬ. КОЗЫРЬ. ГАМА (шумный, громкий). ГУСЬ. СОХАТЫЙ. БУКА. ФАРТОВЫЙ. ЛЯМОЧКА. БОМБА. ТЁЛКА. КУДРЯ. ГОРОШИНА. КОТЁЛ. КОЛОКОЛЬЧИК. ГОРЛО. ТЫКВА. КУРИЦА. КОЗУЛЯ. ВАРНАК. ЧАХОТКА. ШКАЛИК. ПЕСТЕРЬ (большой короб из лыка или прутьев, в переносном значении — простоватый, неповоротливый человек).

Воистину, «выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором».

Прозвища села Висим

(информатор – Ряписова Мария Абрамовна)

Таракашка (мужик с усами); Головановы (большеголовые); Тереха Малахай; Мони (ребенок выговаривал вместо «моя» – «моня»); Комаровы; Сандал (старик так назвал краску некстати); Вася-Шайтан, всю семью звали шайтанами; Миша-Кузнечик; Ганька-Плехандай; Мишка-Изюминка (мать его так называла); Ольга – Красотка (мать ее как-то сказала: – у меня Ольга – красотка; живо подхватили); Ольга Пушок.

Идиомы, поговорки

Пословицы, поговорки, идиомы – золотой фонд русского языка. Вот идиомы и поговорки, памятные с детства, коими пользуюсь и по сей день; выписываю их по памяти, не обращаясь ни к каким письменным источникам:

Лиха беда начало

тишь да гладь, божья благодать

семь пядей во лбу; семь пятниц на неделе

семь бед – один ответ; за семь вёрст киселя хлебать

седьмая вода на киселе; за семью печатями

(он для меня) один свет в окошке; света не взвидеть

ни свет ни заря; (ругать) на чем свет стоит
без году неделя; сто лет в обед; от горшка два вершка
как былинка в поле; ищи ветра в поле; держать нос по ветру
как снег на голову; как гром среди ясного неба
камень преткновения; держать камень за пазухой
несется как угорелый; спит как убитый
ни сном ни духом (не знаю); дырявая память; без царя в голове
ни рыба ни мясо; ни два ни полтора
хоть стой хоть падай; что в лоб что по лбу
не мытьем так катаньем; вынь да положь
чтоб тебе ни дна ни покрышки; скатертью дорога
поедом ест; (он мне) не по нутру
менять шило на мыло
как пить дать; белыми нитками шито
вдоль и поперек; галопом по Европам
всем сестра́м по серьга́м
с глазу на́ глаз; выплакать все глаза
на́ дух не переносит; нос воротить
зарубить на носу; не видеть дальше своего носа
скривить губы; наострить уши; глух как пень
ни на́ волос (не уступлю)
негде голову преклонить
на скорую руку; рука руку моет; отбиться от рук
палец в рот не клади; палец о палец не ударит
засучить рукава; не у шубы рукав (дело едва начато)
держат в ежовых рукавицах; мне не по карману
семь шкур дерёт; волк в овечьей шкуре
по́ боку; гнуть спину; дружеское плечо
дать по шее; нож к горлу
(ты мне) зубы не заговаривай; зуб на зуб не попадает
держат язык за зубами
что у трезвого на уме, то у пьяного на языке
когда рак на горе свистнет; после дождичка в четверг
сирота казанская; тамбовский волк; коломенская верста
не видать ни зги; (темно) хоть глаз коли
хоть не рад да готов...

Благодарная память

С фольклористикой как наукой впервые встретилась я в Уральском госуниверситете на факультете журналистики. Под руководством профессора Веры Петровны Кругляшовой после первого курса участвовала в фольклорной экспедиции по реке Чусовой в поисках следов легендарного Ермака; потом вышла книжка по следам этого путешествия, куда внесена и моя лепта. Позднее интерес к фольклору укрепил во мне назабвенный друг писатель Дмитрий Михайлович Балашов. Этим выдающимся людям моя благодарная память.

Помню с любовью также моих деревенских друзей – семью Балдиных, в особенности главу семьи Евдокию Михайловну Балдину; затем Лидию Ивановну Краснопёрову – обе из исчезнувшей ныне деревеньки Пантино близ Нижнеиргинска. Из села Шайдурова – деревенского поэта Суслопарову Марию Николаевну. Эти женщины практически безвозмездно привечали в своём доме меня, нищенствующую в выморочном советском бытии, где мне было практически отказано в профессии (работала в газетах, на радио и ТВ «по договору», считай, бесплатно). Всем милым людям, ушедшим уже в мир иной, посвящаю свой скромный труд.

В 90-е годы, работая в штате всероссийского исторического журнала «Родина», я привнесла туда фольклорную тему, публикуя множество статей на темы народной культуры. Там же опубликовала и Дневник моей бабушки Сидоровой Домны Ефимовны, и её «Барщину», чью рукопись под грифом «народный роман» мне удалось выпустить отдельной книгой с подробными комментариями.

Увлекаясь великими писателями и поэтами XX века и публикуя статьи и очерки о высокой поэзии Мандельштама, Цветаевой, Рембо, Бодлера, Поля Валери, Беккета и ещё многих, высоко ценю также безвестных народных поэтов, создавших шедевры устного народного творчества.

В память всех милых ушедших эта книга.

Ольга Щербинина

сентябрь 2017, Петербург

Содержание

Предисловие.....	3
Поговорка Санова лежит у сердца самого.....	5

I

Нижеиргинское и другие сёла:

Старинные припевки.....	11
Припевки о солдатчине	16
Припевки о старателях.....	17
Припевки о любви и женской доле.....	19
Свадебные песни.....	33
Мужские частушки.....	40
Мужские озорные частушки.....	44
Озорные и сатирические женские частушки...	45
Шуточные, плясовые частушки.....	48
Частушки о пьяницах.....	51

Авторские припевки, частушки, стихи

Село Висим.....	52
Село Шайдурово.....	67
Невьянск.....	75
Сысерть	79
Таватуй	84
Нижние Таволги	86
Верхний Тагил	90
Тугулым	93

II

Очерки, зарисовки, частушки О. Щербининой

Авторские частушки Ольги Щербининой	99
За частушками	108
Жаль мне этого веселья	116
Уходящее	121
Цветочек аленькой	128
Веточка орехова	131
Снился мне сад	136

Из какого сора растут стихи	140
Судьба-судьбиночка	147
Обрядовая эротика в фольклоре	150
Хулиган мальчишка я... ..	153
Деревенские разговоры	158
Свеча	165
Висим, висим – не падаем	172
Выражается сильно российский народ!.....	178
Послесловие.	185

